

НАУЧНЫЙ И ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

№ 5 (75)
2021

В. И. Кочедамов

1912—1971гг.

Портрет работы народного художника РСФСР,
академика АХ СССР А. А. Мильникова,
1949 год

ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА с комментариями современных ученых. В 4 т. СПб.: Сохрaненная культура, 2021

В историю советской архитектуры **Виктор Ильич Кочедамов** вошел как строитель довоенного Сталинграда; авторитетный ученый, специалист по истории архитектуры и градостроительства Санкт-Петербурга, Средней Азии, Сибири и Русской Америки; талантливый педагог, более 20 лет возглавлявший архитектурный факультет Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина АХ СССР.

Четыре тома издания, посвященного памяти В. И. Кочедамова, включают биографические материалы, статьи по истории градостроительства и монографии, труды по педагогике и воспоминания коллег и учеников. Все тексты В. И. Кочедамова опубликованы с авторскими рисунками, набросками, планами и реконструкциями, выполненными ученым и архитектором в 1940–1970-х годах.

Издатель, автор идеи издания:

Наумов В. Б., доктор юридических наук,
главный научный сотрудник ИГП РАН.

Составители и редакторы:

Асмолова А. Н., Жуков К. С.

Оформление и дизайн Цветкова И. А.

СОДЕРЖАНИЕ

Цитата номера 5

ТЕОРИЯ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

<i>С. В. Иванова</i>	Постгуманизм vs гуманизация образования	6
<i>М. Д. Купараишвили,</i> <i>А. Б. Николаева</i>	Герменевтика против онтологической немоты в осмыслении феномена смерти	24

ДИАГНОСТИКА СОЦИУМА

<i>Е. Н. Дзятковская,</i> <i>А. Н. Захлебный</i>	Десятилетие действий по достижению глобальных целей до 2030 года: преемственность преобразований	32
<i>А. Х. Денильханов,</i> <i>Ю. Р. Муратшина</i>	Правопорядок и институты правопорядка в современном социуме: социально-философский анализ	43
<i>В. В. Назарова</i>	О взаимовлиянии науки, политики и образования	64

ТРИ «М»: МЕТОД – МЕТОДИКА – МЕТОДОЛОГИЯ

<i>А. М. Коротков,</i> <i>А. В. Штыров</i> <i>Д. В. Земляков</i>	Педагогический университет — структурообразующий элемент региональной образовательной системы	77
<i>Н. А. Коноплева,</i> <i>Е. И. Васильева,</i> <i>Е. О. Каменная</i>	Проблемы и перспективы дистанционного обучения в современной российской культуре	92

ИСТОРИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

<i>А. Г. Рукавишников</i>	В. В. Зеньковский об эстетическом воспитании и натуралистических тенденциях в педагогике	104
<i>Т. Е. Седанкина</i>	Теологическая интерпретация феномена милосердия в исламской традиции в контексте духовной безопасности... ..	119

РЕЦЕНЗИЯ

<i>А. А. Грякалов</i>	Современная дидактика: от Коменского до наших дней. Философско-педагогические аспекты современной дидактики. Л. М. Перминова. (М.: «Школьные технологии», 2021)	136
-----------------------	--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Педагогическое образование за рубежом: проблемы и перспективы. Заседание научного совета РАО	147
Ученые разработали формат обучения в вузах, повышающий качество дистанционного образования	149
«Правовая культура — основа гармоничного развития личности и общества». Ежегодный международный конкурс научно-творческих работ	150
Г. В. Сорина. «Важное дело»: право и доверие в российском социальном пространстве... ..	151
Ю. А. Потапов. Конкурс — стартовая площадка для молодых исследователей	154
Требования к содержанию и оформлению статей, предлагаемых к публикации	156
Подписка на журнал	160

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-32332 от 9 июня 2008 г.;
с изм. ПИ № ФС77-54810 от 26 июля 2013 г.

Журнал включен
в **Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК**,
рекомендуемых для публикации научных результатов диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук;
в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)** и размещен
на платформе Научной электронной библиотеки **eLibrary.ru**

Учредитель:

АНОО «Институт эффективных технологий»

Адрес редакции: 115035, Москва, Садовническая ул., д. 58, стр. 1

Тел./факс: +7 (495) 951 2870; +7 (926) 144 5867

E-mail: cennostiismisli@gmail.com

Сайт: www.instet.ru

Периодичность: 6 номеров в год

Тираж 300 экз.

Формат 60x90/16. Гарнитура Minion Pro

Объем 160 стр.

Верстка: А. В. Кошентаевский

Печать: ООО «Белый ветер»

Москва, ул. Щипок, д. 28. Тел.: +7 (495) 651 8256

Подписано в печать: 28.10.2021 г.

Заказ № 1321 от 15.11.2021 г.

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакционной коллегии.

Ответственность за содержание рекламных материалов несут рекламодатели.

12+

Уважаемые авторы!

Редакция и учредитель журнала просят не принимать
посторонних предложений о публикации в журнале.
Обращайтесь по адресам и телефонам, указанным выше.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Caroli Dorena** — Dr. Sc. (история), профессор истории образования, Alma Mater Studiorum, Болонский университет (Италия)
- Крылов А. Н.** — Dr. Sc. (философия), профессор, Берлинский Вест-Ост институт (Германия)
- Кусаинов А. К.** — доктор педагогических наук, профессор, президент Академии педагогических наук Казахстана, иностранный член Российской академии образования (Казахстан)
- Li Jun** — PhD (педагогика), адъюнкт-профессор кафедры управления образованием и образовательной политики, педагогический факультет Китайского университета (Гонконг)
- Lo Sing Kai** — профессор кафедры социальных исследований; декан факультета аспирантуры; содиректор Исследовательского центра оценки (Гонконг)
- Максимович В. А.** — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь)
- Ничкало Н. Г.** — доктор педагогических наук, профессор, академик-секретарь Отделения профессионального образования Национальной академии педагогических наук Украины
- Сулима Е. Н.** — член-корреспондент Национальной академии педагогических наук Украины, доктор философских наук, советник Kyiv Global School (Украина)
- Elizabeth J. Sandell** — PhD (педагогика), профессор, Университет штата Миннесота (США)
- Lisa Vasquez** — (M.Ed) магистр педагогики, доцент (Associate Professor), Университет Витербо (США)

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Галагузова М. А.** — доктор педагогических наук, профессор (Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург)
- Диев В. С.** — доктор философских наук, профессор (Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск)
- Иванов О. Б.** — доктор экономических наук, профессор (журнал «ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика», г. Москва)
- Кислов А. Г.** — доктор философских наук, профессор (Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург)
- Лойко О. Т.** — доктор философских наук, профессор (Национальный исследовательский политехнический университет, г. Томск)
- Микешина Л. А.** — доктор философских наук, профессор (Московский педагогический государственный университет, г. Москва)
- Нечаев В. Д.** — доктор политических наук, профессор (Севастопольский государственный университет, г. Севастополь)
- Панина Т. С.** — доктор педагогических наук, профессор (Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, г. Кемерово)
- Петрий П. В.** — доктор философских наук, профессор (Военный университет Министерства обороны России, г. Москва)
- Сериков В. В.** — член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор (Институт стратегии развития образования РАО, г. Москва)
- Штейнберг В. Э.** — доктор педагогических наук (Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

- Иванова С. В.** — член-корреспондент РАО, доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России (Институт стратегии развития образования РАО, г. Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Сорина Г. В.** — доктор философских наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- Воскресенский А. Д.** — доктор политических наук, профессор (МГИМО – университет), PhD (Манчестерский университет)
- Гаман-Голутвина О. В.** — член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор (МГИМО – университет)
- Грифцова И. Н.** — доктор философских наук, профессор (МПГУ)
- Зубарева Е. Ю.** — кандидат филологических наук, доцент (МГУ имени М. В. Ломоносова)
- Зубкова О. А.** — редактор
- Оганесян С. С.** — доктор педагогических наук, профессор (НИИ ФСИН РФ, г. Москва)
- Ремчукова Е. Н.** — доктор филологических наук, профессор (РУДН, г. Москва)
- Смакотина Н. Л.** — доктор социологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
- Тынянова О. Н.** — кандидат политических наук (Институт физики Земли имени О. Ю. Шмидта РАН, г. Москва)
- Чекунова М. А.** — доктор филологических наук (РУДН, г. Москва)
- Шишов С. Е.** — доктор педагогических наук, профессор (МГУТУ им. К. Г. Разумовского)
- Шкурко Н. М.** — кандидат психологических наук, доцент (Российский институт предпринимательства, Научный фонд «Антонио Менегетти», г. Москва)
- Ярмак Ю. В.** — доктор политических наук, профессор (МГПУ)

- Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градов, полков, крепость успеха в несчастьи, в счастии — украшение, везде верный и безотлучный спутник.
- Никто не должен спешить высмеивать гипотезы. Ведь именно они — единственное, при помощи чего величайшие умы мира смогли совершить открытия.
- Без грамматики оратория — глупа, поэзия — косноязычна, философия — безосновательна, история — непонятна, юриспруденция — сомнительна.
- В общении все дни проходят наши, но искусство общаться — удел немногих...

**Михаил Васильевич
Ломоносов**
1711— 1765 гг.

С. В. Иванова

*Член-корреспондент Российской академии образования, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института стратегии развития образования РАО, Москва
E-mail: isv2005@list.ru*

Svetlana V. Ivanova

Corresponding member of the Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Scientific leader of the Institute for strategy of education development of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Постгуманизм vs гуманизация образования

«... “теория” потеряла свой статус, от нее часто отмахиваются как от своего рода фантазии... поверхностная форма нео-эмпиризма, которая сводится всего лишь к “сбору данных”, стала методологической нормой в гуманитарных исследованиях».

Р. Брайдотти

В статье раскрываются специфические черты постгуманизма, исходя из характеристики которых можно сделать вывод, что это время практически наступило. Анализируется проблема гуманизации образования, показывается необходимость возрастания ее роли в эпоху постгуманизма. Для раскрытия поставленной проблемы охарактеризованы черты гуманизации в новых условиях и представлены краткие признаки постгуманизма и постчеловека. Автор сохраняет преемственность в своих работах и последовательно переходит к рассмотрению проблемы гуманизации в эпоху постгуманизма после исследования этого же аспекта в условиях постмодерна, постиндустриального общества, глобального мира. В данном представлении круг задач гуманизации определяется в футуристическом ключе, на основании характеристик постгуманизма и постчеловека, описанных в философской литературе. Изучение научной литературы, образовательной практики и наблюдения за технологическим развитием показывают, что рассмотрение поставленной проблемы весьма актуально, однако педагогическая наука к вопросу гуманизации в такой постановке еще не обращалась.

Как цитировать статью: Иванова С. В. Постгуманизм vs гуманизация образования // Ценности и смыслы. 2021. № 5 (75). С.6–23.

Ключевые слова: гуманизация, гуманистический подход, образование, субъектность, постмодернизм, постгуманизм, постчеловек, диалог, виртуальные технологии.

I. Современное состояние общества и образования

Современное состояние общества характеризуется, по общему впечатлению, неустойчивостью, неопределенностью, несоразмерностью задач и деяний, волюнтаризмом, выдаваемым за творчество, засильем влияния масс-медиа, недоверием друг к другу на всех уровнях — от государств до личностей, ростом напряженности в мире по значительному числу разнообразных позиций, обостряющимися противоречиями, разрушением традиционных ценностей, самонадеянностью, углублением межпоколенческого разрыва. И это еще не все характеристики социума. Известная мысль, приписываемая Конфуцию, «Не дай Бог жить в эпоху перемен» уже не отражает реальности. Вероятно, можно утверждать, что мы живем не в период перемен, а в эпоху слома эпох, образно говоря, утверждение об острых противоречиях выглядит не заявлением, а констатацией факта. Понятно, что современное состояние связано в первую очередь с цивилизационными изменениями, революционными достижениями в области науки, высоких технологий, нейрофизиологии, искусственного интеллекта и т.п.

Что наблюдаем в научной сфере?

1) Становится все менее заметным разделение между естественнонаучным и гуманитарным познанием, особенно в аспекте использования методов и методологий. Так, проблемы этики и морали ранее не являлись специфическими для естественнонаучного знания, но, становясь все острее и актуальнее в связи с созданием средств массового уничтожения людей, бурным развитием технологий изменения телесности и возможностей вторжения в биологическую природу человека, теперь решаются не только в рамках гуманитарных наук. В свою очередь гуманитарные науки стремятся к использованию точных методов исследования и применению больших данных.

2) В гуманитарном познании разве что философия в течение последних пятидесяти лет осмысливает грядущее, нередко сливаясь в своих футурологических построениях с писателями-фантастами, однако пока ее наработки мало применяются в других областях гуманитарного познания, таких как социология, политология или педагогика. И в этом

случае считаю важным процитировать Ж. Делёза и Д. Гваттари: «Если три этапа развития концепта суть энциклопедия, педагогика и профессионально-коммерческая подготовка, то лишь второй из них может не дать нам с вершин первого низвергнуться в провал третьего — в этот абсолютный провал мысли, каковы бы ни были его преимущества с точки зрения мирового капитализма» [4].

3) На этом витке цивилизационного развития (каким бы резким выражом он ни был) заметно, как и в предшествующие времена, отсутствие прогностических идей, позволяющих решать задачи будущего, а не догонять ускользающее настоящее. Многими авторами заявлено о постиндустриальном обществе, о постинформационной эпохе, о наступлении четвертой промышленной революции и т.п. Характеристики даны, но есть ли прогнозы, есть ли предположения, что со всем этим делать? Подчас заметно, что политики и публицисты более преуспевают в посылах и прогнозах, нежели представители научного сообщества, но политика и ее верные слуги СМИ мыслят сиюминутными категориями, не выходя на обобщения и долгосрочные прогнозы, им это не нужно и это не их задача. Важно, чтобы представители гуманитарного знания задумывались о будущем развитии социальных систем и нравственных оснований человеческой жизни в будущем на фоне резких и значительных преобразований в области естественнонаучного познания, новых технологий и социальных потрясений, происходящих в разных частях света. Это касается как социума в целом, так и системы образования как его неотъемлемой части.

Надо заметить, что современная молодежь и подростки привычно чувствуют себя в эту эпоху противоречий, потому что других времен они не застали, а поиски стабильности и устойчивости старшими поколениями молодежью воспринимаются подчас как устаревшие взгляды, усталость и отсталость.

Каким образом сказывается на образовании как системе противоречивость, неопределенность современного мира и научно-технологический прорыв? Коснусь нескольких, тесно связанных с образованием позиций: а) в образовании, в педагогической науке не появляются в столь же быстром темпе идеи, касающиеся будущего, решаются проблемы сегодняшнего дня, ситуационной актуальности. К примеру, рассматриваются активно вопросы стандартизации, обновления содержания, субъектности ученика, роли учителя, но «здесь и сейчас», а что в будущем? Каким

в принципе будет человек? Ученик? Учитель? О каких учебниках может идти речь, если достаточно будет малюсенького чипа в голове, чтобы там появились все знания, имеющиеся в арсенале человечества?; б) социальные запросы и ожидания от образования изменяются раньше, чем успевают реализовываться предыдущие; в) требования лично-ориентированного подхода, обучения по индивидуальным образовательным траекториям, внимания к личности, гуманизации и гуманитаризации звучат, но звучат в условиях рыночного отношения к образованию, «расчеловечивания» человека в окружении искусственного интеллекта и жестких социально-экономических ситуаций, на фоне аксиологических проблем глобального масштаба, несущих риски и угрозы самому существованию человечества [7].

Зададимся вопросом: гуманизация образования в тех представлениях, которые сформировались за последние 40–50 лет, состоялась и имеются значимые результаты? В этом есть серьезные сомнения. Укажу только на крупные проблемы, не позволяющие, к сожалению, утверждать, что гуманистический подход возобладал во всем мире. Известные исследования, документы и доклады ЮНЕСКО и других международных организаций показывают, что, при всех имеющихся позитивных примерах развития образования в отдельных странах и регионах, в мире нет равных возможностей по доступности образования высокого уровня и качества; далеко не всегда успешна жизненная судьба даже выпускников университетов при высоком уровне безработицы и неравной заработной плате (известно, что при оплате труда до настоящего времени ущемляются права женщин, лиц некоренной национальности, молодых специалистов и т.п.); рост киберпреступности и массовых нарушений общественного порядка в ряде западных стран говорят о глубоких проблемах в области воспитания подрастающего поколения. Впрочем, о той же проблеме утраты нравственных ориентиров и отсутствия должного воспитания моральных качеств свидетельствуют действия некоторых государств и транснациональных корпораций, присваивающих себе право определять жизнь других стран, заниматься вторжением на чужие территории, вести недобросовестную конкуренцию, вводить незаконные санкции, влиять на частную жизнь миллионов людей ради сверхприбыли и глобального господства.

При этом в современных фундаментальных педагогических исследованиях продолжают те же традиционные направления, основанные

на антропологических установках, присущих модернизму, классическая парадигма остается основополагающей. Несмотря на учет результатов нейронаук, на применение положений когнитивизма, например, в западных странах, сам подход мало меняется. Одна из причин, по всей вероятности, кроется в том, что исследователи, работающие в области образования, не всегда опираются на изучение философии в ее неклассических и постнеклассических формах. Рассмотрим это утверждение подробнее, так как нелишне вспомнить о том, что педагогике важно опираться на философские основы, учитывать внешние условия, такие как состояние социума, глобальные аспекты, геополитические и идеологические позиции изучаемой страны и окружающих ее государств [8].

В настоящее время продолжает свое определенное развитие в исследованиях гуманистический подход и продолжается внедрение с тем или иным успехом принципа гуманизации в образовательную практику.

Напомним самые основные признаки гуманизации образовательного процесса: субъектно-субъектные отношения, диалогическое общение, создание особой коммуникативной среды, изменение роли ученика и учителя, дифференцированный подход, вариативность, учет опыта ученика и конкретной ситуации развития и др. [6]. Исследователи отмечают, что они проявляются не в полной мере. Касаясь же гуманизации оценки достижений обучающихся, допущения права на ошибку и ее исправление, возможности учета оценки не только результатов обучения, но и процедур (процессов) достижения этих результатов, можно утверждать, что принцип гуманизации здесь практически не работает. При современном усилении контроля, увеличении числа контрольно-оценочных и мониторинговых процедур [23], в прямом смысле «гонке» за качеством образования во всех развитых странах можно наблюдать ситуацию ужесточения требований, личностного отчуждения обучающихся и обучающихся. Хотелось бы видеть уважительное и доброжелательное отношение проверяющих инстанций, экспертов и организаторов, создание эмпатийного микроклимата во время сложных и требующих максимума усилий и внимания контрольных мероприятий, вызывающих большое интеллектуальное и эмоциональное напряжение обучающихся, но нет, так происходит далеко не всегда.

Отметим следующее явление, препятствующее гуманистическому подходу: противоречия углубляются, возникает все большая неустойчивость, реальные события в жизни людей становятся все вынужден-

нее, все сложнее согласуясь с планами и ожиданиями людей. Все чаще в мире проявляется необходимость переучиваться, менять работу и даже профессию, переезжать с места на место в поисках работы или учебы. Эти и другие факторы ставят под угрозу стабильность и благополучие личности и семьи, успешное воспитание детей, сохранение гражданской идентичности, традиционных ценностей семьи и народа.

К вопросу о ценностях: наступило время их девальвации, допущения, что ценности могут меняться под воздействием обстоятельств и личных желаний. Следом усложняется вопрос идентичности, которая становится множественной, непредсказуемой и изменяющейся на протяжении жизни одного человека, одного поколения. Это вызывает небеспопеченные опасения в грядущем крахе устоявшихся гуманистических представлений о жизни, о мире, об образовании. В этом видится главное противоречие и символ постгуманизма: общечеловеческих ценностей больше нет, есть интерес, расчет, выгода и в результате — прагматичное поведение людей и целых стран, основанное на сиюминутных выгодах и сомнительных «достижениях», ведущих человечество в бездну.

II. Актуализация основных понятий

В целях поиска новых опор для педагогики в сфере философского знания, обратимся к некоторым понятиям, к которым адресуется статья. Что есть гуманизация образования в современных условиях? Что есть постгуманизм? В конце концов, что из себя являют современные условия, на взгляд философов?

Европейская гуманистическая мысль, а именно о ней мы привычно говорим, зародилась тысячелетия назад. В культуре и памяти человечества живы греческая *paideia*, римские дискуссии о гуманизме, понятие *humaniora* в средневековье, ставшее характеристикой светского образования в отличие от церковного, несогласие позиций по вопросу гуманизма в XX веке (сравните Сартра и Хайдеггера) и мн. др. И также на протяжении тысячелетий гуманистические идеи проникают в педагогическую теорию и практику.

Рассмотрим один пример. Чтобы рассуждение было показательным, изучим пример несколько прямолинейно, без дополнительных обстоятельств. Цель образования в гуманистической парадигме — это воспитание образованного, нравственного человека. Изначально образованность не отделялась от нравственности, этот тезис прослеживается

от Аристотеля до Канта. Педагоги-гуманисты веками ставили и решали задачу воздействия не только на ум, но и на душу и чувства личности. Именно воздействие, влияние учителя делало его главным действующим лицом в диаде «учитель — ученик», из этого становится очевидным, что гуманизм виделся не в субъектно-субъектных отношениях, а в достижении цели обучения и воспитания. Это мы видим в идеях Аристотеля об уме ребенка как о «восковой табличке» для письма, где можно начертать учителю все, что нужно. К аналогичной метафоре *tabula rasa* (чистый лист) прибегает Дж. Локк, говоря о разуме ребенка. Между этими примерами пролегают века и множество идей сходного порядка. Обратимся к мыслям Аристотеля об учителе: «Учителя, которым дети обязаны воспитанием, почтеннее, чем родители, которым дети обязаны лишь рождением: одни дарят нам только жизнь, а другие — добрую жизнь» [1].

В XX веке взгляд на некоторые установления меняется: речь идет не об объекте и субъекте, а об отношениях двух субъектов в образовательном процессе (кстати, российское законодательство субъектов добавляет, к ним относятся еще и родители).

В этом мне видится основное изменение гуманистического подхода и его определенная вершина: в педагогике вместо *воздействия* (что есть не всегда гуманистический акт) появляется *взаимодействие*. Не суть, что этого не получилось повсеместно на практике, но есть серьезная теоретическая заявка, обосновавшая признаки гуманизации образования.

Однако у медали две стороны, достоинства в своем продолжении могут переходить в недостатки, так и в данном случае. Гуманизация образования в эпоху постгуманизма и наступающего царства искусственного интеллекта, якобы повышающего качество жизни человека (в научном, производственном, бытовом планах это, возможно, так), может начать являть свою противоположность, определяемую навязанным влиянием, а подчас и давлением, причем под теми же лозунгами «блага для человека», но встают вопросы: какого блага и каким видится человек? Иными словами, зачин может и не измениться, но изменяется фокус рассмотрения самого человека: человека-потребителя или человека духовного? Человека, скованного навязанными условиями и условностями, или человека, свободного, критически (а не критикански) мыслящего, умеющего принимать решения в отношении своей судьбы и судьбы своих близких?

Задумываться об этих вопросах люди начали также не вчера.

Вспомним, что не только эпоха перемен, но и еще одно — сартровское — утверждение вызывало у мыслящих людей опасение: «Приговорен, ибо он не сотворил самого себя; свободен, потому что, будучи вброшен в мир, он ответственен за все, что он делает» [14]. Фокус перемещен: человек «вброшен в мир», но он уже совсем не предоставлен себе, он полностью не свободен. Вспомните, слова героя из лучшего, на мой взгляд, романа XX века — «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова: «Свободен! Свободен!...». Но — вспомните и обстоятельства, в которых Мастер выкрикивает эти слова [3]. Об этом часто не задумываются, а напрасно. Провидческий дар писателя демонстрирует нам первые проблески постгуманизма — свобода в обмен на страх и безмолвие... Идея свободы как высшей ценности и как мерил гуманизма угасает, как угасает античный и просвещенческий гуманизм. В этом плане *постгуманизм* очень «честное» направление, да, он *после* гуманизма, но не только *после*, он все чаще становится *вместо* него. Он не исключает гуманизма из прошлого, но он не дает ему право на существование в настоящем и будущем. Даже если гуманизм продолжает существовать в нашей памяти и отражаться в наших поступках.

Понятие «постгуманизм» появилось в 1977 году в работе Ихаба Хассана, который сказал: «Пять веков гуманизма приближаются к концу и гуманизм превращается в нечто, что мы за неимением лучшего имени вынуждены назвать постгуманизмом» [21].

Полезно для понимания сути этого сложного многогранного явления привести слова Ж. Паича, которые отражают определенную палитру мнений о постгуманизме — от внятного определения до неясного предположения: «новая парадигма науки, философии и искусства», <...> «пытающаяся понять с радикальной эволюционистской и диалектической позиции, что конец человека одновременно есть условие возможности новой интерпретации совокупной истории» [24]; не ясно, идет ли здесь «речь о состоянии, процессе или утопическом проекте достижения того, что полностью превосходит человека в духовном и биологическом устройстве его существования» [24].

Наряду с постгуманизмом часто исследуется понятие трансгуманизма. Учитывая определенную близость этих понятий, оставлю на волю других исследователей продолжать поиски понятийного сходства и различия, которые нередко опираются на естественнонаучное направление познания, на биологические начала всего живого на земле,

на продолжение естественного отбора, не увенчавшегося, по мнению некоторых трансгуманистов, победой человека как высшего существа на Земле [12]. Некоторые авторы видят зачатки постгуманизма в работах представителей русского космизма К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, Н. Ф. Федорова, А. Л. Чижевского [9], с чем можно согласиться, исходя из предыдущей мысли и развивая идею за пределы Земли, до космического измерения. Здесь уместно привести яркое определение постгуманизма И. Хассана, как выражение «рекурсивной самоненависти» человечества («recurrent self-hate») [21]. Однако, чтобы изменить возникающее ощущение неопозитивности явления постгуманизма, обратимся к словам Розы Брайдотти: «Постгуманистическая перспектива основывается на предположении об историческом упадке гуманизма, но идет дальше в поисках альтернатив, не погружаясь в риторику кризиса человека» [2].

Постгуманизм как философское течение достаточно противоречив и не достаточно определен. По мнению многих авторов, с одной стороны, он отвергает антропоцентризм — признание высшей роли человека, с другой стороны, ратует за создание постчеловека со сверхвозможностями [12, 17, 18]. На этом моменте стоит немного остановиться, чтобы сказать, что до этих времен недалеко. Средства массовой информации постоянно сообщают нам о технологиях вмешательства в мозг человека, которые, к примеру, создает сегодня Илон Маск в целях оказания помощи немощным людям для их связи с миром, для борьбы с тяжелыми заболеваниями. Вопрос в том, как этими технологиями распорядится человечество завтра? И. Маск выражает опасения по поводу негативного развития сценария с использованием технологий искусственного интеллекта [19]. Но обеспокоенность возникает и у неспециалистов в области высоких технологий, у представителей научного педагогического сообщества: ««Рассматривая человеческую составляющую нового времени, мы все чаще склоняемся к формату применения понятий «человеческий капитал», «человеческие ресурсы», «высококачественный, высокоэффективный или инновационный контингент», «digital-аудитория», «цифровой лидер»» [7], и у представителей мира искусства. Приведу слова Л. Ю. Казарновской: «Борьба идёт не между государствами, а с человеком — за его расчеловечение <...> не видят опасности в тотальной цифровизации — куда она нас ведёт. Тебе не нужно личного пространства и своей воли. Зачем они тебе? За тебя всё решит цифра» [10].

III. Постгуманизм и его влияние на образование. Проблемы гуманизации образования в эпоху постгуманизма

Размышления о постгуманизме имели своей целью лишь одно: выявить, что же происходит и будет дальше происходить с образованием и как меняются его цели? Остаются ли в силе принцип и задача гуманизации?

Обратимся к нескольким важным для ответа на поставленные вопросы позициям, присущим постгуманизму.

Постгуманизм не отрицает, но и не склонен подробно рассматривать противопоставления биологического (видового) характера (человек — другие биологические существа), гендерного характера (мужское — женское), генетического (несовершенное — совершенное, исправленное), машинного (реальное — виртуальное, человеческий разум — искусственный интеллект), культурно-природного (культура — природа), социокультурного (Восток — Запад), космического (земное — неземное) и т.д. [5, 13, 20].

Постгуманизм принимает как данность постчеловека. Каким представляется постчеловек? Если проанализировать и объединить мнения разных исследователей, то постчеловек таков: обладает возможностями к бессмертию, совершенен биологически, соединяет потенциал человеческого разума и искусственного интеллекта, способен к объединению с другими себе подобными на уровне сознания [11, 15, 16]. При этом постчеловек живет в мире, в окружающей среде, в которой не он один субъектен, субъектность определена и у представителей флоры и фауны, вплоть до мира бактерий и вирусов [2, 5, 11, 20]. Великому гуманисту номер один Аристотелю и в страшном сне не могла прийти мысль о равенстве человека и его разума с неразумной жизнью (*zoe*).

В этом видится развитие гуманизма? Или конечность антропоцентричных представлений — это есть и конец человека как «венца творения»? На мой взгляд, здесь сегодня проходит некий научный «водораздел»: одни полагают, что постгуманизм — это развитие гуманизма, его вершина; другие — что человечество не выживет и мир станет миром киборгов и сверхсуществ, мало напоминающих человека [11, 12, 15, 17]. Все меньше возможностей остается для третьего мнения — что еще нескоро наступит время переосмысления антропоцентризма и всех проявлений человеческого, присущих человеку на протяжении нескольких тысяч лет.

Это время уже наступает. Если изучить разную научную и научно-популярную литературу (ее так много, что нет смысла и перечислять), то там можно обнаружить следующее: у животных и растений определяется право на чувства; бактерии в кишечнике влияют на мозг; все менее важна гендерность и изменяются не только пол, но и гендерные роли; все короче путь от суррогатной матери к искусственной матке; все больше людей стремится к совершенствованию телесности разными способами; все чаще в жизненные процессы человека вмешивается искусственный интеллект; все громче призывы к отказу от противопоставления культурного и природного и учету требований природы; все глубже взаимовлияние между цивилизациями Востока и Запада; все дальше человек проникает в космос и все шире планы по его освоению и т.д. Если принять во внимание современные локальные войны и методы их ведения (например, бомбёжки с помощью беспилотников), беспощадные ложь и клевета, способные убивать словами, в интернет-сетях и СМИ, бесконечные двойные стандарты (не только в экономике и политике, но и в сфере культуры), возможная рукотворность вирусов-убийц, то становится очевидным, что это уже сейчас проявления постчеловеческого в его безобразном облике.

Нас несколько отдаляет от приближающегося будущего привычная антропоцентрическая позиция, которая поддерживается и правящими элитами (человек — хозяин мира), и религиозными конфессиями (человек -венец творения и образ Божий), и классическими научными постулатами (человек как мера всех вещей, по Протагору), и образованием, которое несет традицию и тот опыт, который у человечества уже есть, и в силу этого оно всегда консервативно.

При этом хочется заметить в скобках, следуя за некоторыми учеными, что антропоцентричность — вещь сама по себе достаточно условная, если проанализировать, какой человек видится центром Вселенной в европейской гуманистической традиции, а именно: мужчина, белой расы, красивого телосложения, идеальных пропорций (об этом свидетельствует множество античных, средневековых трактатов, к примеру, стоит посмотреть на витрувианского человека Леонардо да Винчи, но и да Винчи в этом изображении не первичен, традиция много старше). Возникает желание согласиться с мнением Р. Брайдотти: «Некоторые из нас даже сейчас не считаются полноценными людьми, не говоря о других периодах социальной, политической и научной истории Запада» [2].

А еще вспоминается Дж. Оруэлл с его сентенцией в «Скотном дворе» о том, что «все животные равны, но некоторые из них равнее». Впрочем, это рассуждение не ново, на нем построена борьба с гуманизмом в последние полвека, и здесь дано мною вскользь, так как оно не отменяет опасений относительно будущности человека при изменении его центральной позиции. В этой статье не идет речь о социальном и ином неравенстве, поэтому условно я исключаю этот фактор из размышлений о будущем человечества. Основное, что следует держать в фокусе, — это «постантропологический поворот», о котором давно говорят философы [25], и никак не принимают во внимание педагоги. Открыт вопрос: кто станет центром?

Таким образом, в настоящее время важно осознание того, что у человечества впереди имеется два пути: первый — постчеловек будет неким верхом совершенства, соединяющим возможности природного и машинного, не знающим старения, боли, страданий (отрицая Будду и Достоевского, как хотите) и умеющим жить во благо других (категорический императив И. Канта не исчезает!), второй — постчеловек предстанет киборгом, смешением естественного и искусственного, понимающим вопросы прагматичности, но не блага и заботы. Очевидно, что названы утрированные, крайние варианты, не все столь однозначно, но упрощение и яркая картинка помогают осознанию выбора.

Иными словами, наличие ценностей у постчеловека определяет судьбу человечества: или развитие, или «конец истории» (по Ф. Фукуяме), «смерть субъекта» (по М. Фуко). Думается, что поэтому постмодернизм, постгуманизм при всем увлечении игрой и симулякрами, не в состоянии заставить нас отрицать воспитание, гуманизацию образования. Но однозначно, многое должно измениться в этих подходах, и они меняются. Серьезное отношение человека к личной судьбе, к жизни своих потомков диктует — в большинстве своем — правильный выбор, но он осуществляется при условии воспитания ответственности и желания блага для других; при формировании ценностей, сохраняющих благополучие и способствующих счастливой судьбе, которая не должна быть судьбой счастливого потребителя; при развитии критического мышления и умения думать о других и окружающем мире, чтобы делать правильный выбор в условиях, когда все чаще человеку надо будет делать выбор в ситуации давления с внешней стороны, например, со стороны искусственного интеллекта.

Несомненно, что далее будут только углубляться процессы, свойственные постмодернизму: текучесть, изменчивость, двойственность, вариативность, субъектность учителя и ученика, игра с содержанием, трудности в оценке результатов [22]. Это обстоятельство усиливает значение гуманизации образования, выражающееся в: «отношении к обучающемуся как к субъекту»; создании «условий для развития личности, с учетом индивидуальности и личностных потребностей, психолого-возрастных особенностей»; «преобразовании обучения в развивающее, создающее новые смыслы и отношение к жизни, проживаемой «здесь и сейчас»; отрицании «прямолинейного понимания идеи о “социальном заказе общества”, «формировании целей и ценностей для воспитания» духовной, нравственной, счастливой личности, умеющей распорядиться своим интеллектуальным и физическим совершенством ради блага своего, людей и окружающего мира [6].

Мы часто ведем речь о целях образования и формировании ценностей у обучающихся, однако при этом стоит уточнить: пора перейти к осмыслению ценностей, которые требует формировать грядущая эпоха, ведь до встречи с постчеловеком или киборгом нам очень близко. Современная тенденция к смене ценностей, подстраиванию их под свои удобные представления ведет, очевидно, к конечности человеческой цивилизации.

Из этого вытекает следующее положение — известное, но со смещенными акцентами. Мы привычно полагаем, что поставленные личностные цели помогают сформировать мотивацию. А что и как может мотивировать обучающихся на постановку целей? Образовательный процесс сложен, учебного времени недостаточно для освоения программы, все силы обучающихся и учителей брошены на освоение программ и представление результатов. Нужно понять, точнее, принять, простую вещь: сегодня ученик способен освоить знание и без учителя, а дальше — с развитием адаптивных технологий и искусственного интеллекта — практически всегда сможет обходиться с помощью новых технологий при освоении знаний и развитии когнитивной сферы. Самым важным делом учителя становится то, на что постоянно не хватает времени, — общение. И не в последнюю очередь оно требуется для создания мотивации, постановки и выбора цели обучения и целей в жизни, на основе обсуждения вариантов и учета традиций семьи, знаний и личного опыта, но без влияния искусственного интеллекта, который формирует цели,

нужные производителям товаров и услуг, но далеко не всегда полезные человеку. Формирование критического мышления не возникает только на основе знаний, оно формируется в общении с Другим, с авторитетным Другим. Если с этой точки взглянуть на формирование «навыков XXI века», если обратить внимание на заформализованность требований к так называемым личностным результатам образования и к методам их определения, то возникает вопрос: достаточно ли таких решений, возможно ли в близкой перспективе получать такие результаты и делать на их основе далеко идущие выводы?!

Такого рода вопросов может быть немало, однако, когда мы говорим о качестве, организации, результатах образования, есть то, что, на мой взгляд, однозначно: в постгуманистическом видении мира остаются востребованными условия гуманизации: «открытость взаимного общения педагога и ученика»; «раскрытие потенциала ученика»; «обучение через личный опыт, освоение нового в практических ситуациях»; «индивидуальный подход»; «изменение роли учителя: от роли всезнающего и карающего «гуру» к роли фасилитатора, создающего позитивную атмосферу познания и поддерживающего ученика»; «активная роль ученика, самостоятельность» [6].

При этом, учитывая значимость вопросов аксиологического характера и наблюдаемое углубление нравственного кризиса в современных условиях, необходимо усиливать внимание к этическим основаниям гуманизации образования, однозначному обращению к принципу *взаимодействия, углублению субъектности учителя и ученика* в условиях многосубъектного мира. Это важно, ведь если бросить взгляд на перечень навыков XXI (с ними легко ознакомиться, это общеизвестные данные), то мы не увидим отдельного и пристального внимания к формированию нравственных качеств.

Заявленный в педагогике в XX веке дифференцированный подход остается по-прежнему важным, и он по-прежнему будет развиваться в сторону индивидуализации, которая коснется не только отношений, но и использования технологий в обучении, и содержания образования.

В настоящее время становится все яснее уходящая роль постоянных учебников, нарастание возможностей электронных средств обучения в их огромном разнообразии. Что и как можно будет стандартизировать в обучении постчеловека? Какова роль контроля и оценки при возможностях мозга постчеловека, соединенного с искусственным интеллек-

том? Каким должно быть воспитание постчеловека, не знающего боли и страданий, то есть явного гедониста не только по устремлениям, но и по физическому состоянию? Какие ценностные мерилы должны быть априорны в действиях постчеловека?

Возникает предположение, может быть, утопическое, что главным этическим эталоном, нормативным правилом и фактором, определяющим нравственное поведение постчеловека, останется *диалог*. Диалог не только как способ вербального общения, а как созданная и поддерживаемая специальными усилиями коммуникативная среда. Эта особая среда со своей открытостью, доверительностью и умением договариваться по всем сложным вопросам поможет как воспитанию, так и сохранению постчеловечества. Этот очень простой вывод можно подкрепить столь же простой секулярной верой, что человек (пусть и витрувианский, хотя — именно таким он уже точно не будет, из-за одного осознания этого факта, глубины и силы антирасистских и феминистских движений) сохранится, восстанет против машинного интеллекта (а не наоборот, как нам пророчат в кино), станет свободным, имеющим силу духа. Также назову то, во что никак не могу верить — это в иллюзию А. Азимова о том, что робот не может причинить вред человеку («Я, робот»). По моему твердому убеждению, техника всегда нейтральна, и действия ей будут заданы разумом, скорее всего, разумом постчеловека, то есть связанного с машинным интеллектом.

Примечание. В силу глубины и масштаба, трансдисциплинарности проблемы понимаю невозможность охватить все вопросы и сделать точные выводы, этой статьей мне хочется поднять проблему для ее дальнейшего активного обсуждения.

Литература

1. Аристотель. Цитаты известных личностей [Электронный ресурс]. <https://ru.cityat.net/tsitaty/482223-aristotel-uchitelia-kotorym-deti-obiazany-vospitaniem-rochtenn/> (дата обращения: 01.11.2021).
2. *Брайдотти Р.* Постчеловек. Пер. с англ. Д. Хамис, под ред. В. Данилова. М.: Издательство Института Гайдара. 2021. 408 с.
3. *Булгаков М. А.* «Мастер и Маргарита». Серия: Всемирная литература. М.: Эксмо. 2012. 480 с.
4. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2009. 261 с.
5. *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
6. *Иванова С. В.* Гуманизация образования: цели, задачи и условия // Ценности

и смыслы. 2010. № 2. С. 91–109.

7. *Иванова С. В., Иванов О. Б.* Аксиологические проблемы в эпоху четвертой промышленной революции. В Сборнике «Взаимодействие кафедр ЮНЕСКО с целью стратегического планирования и устойчивого развития»: материалы видеоконференции, 5 июня 2020 г. / под ред. А. И. Рудского, В. В. Окрепилова. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. — 128 с. С. 53–57.

8. *Иванова С. В., Иванов О. Б.* Образовательное пространство как модус образовательной политики: монография. М.: «Русское слово — учебник», 2020. 160 с.

9. *Иванченко М. А.* Постгуманизм как антигуманизм: основные перспективы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2019. Т. 14, № 4 (194). С. 16–24 [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/10995/79273> (дата обращения: 01.11.2021).

10. *Казарновская Л. Ю.* Пробудись, человек, тебя загоняют в цифровое стойло! [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/articles/ljubov-kazarnovskaja-probudis-chelovek-tebja-zagonjajut-v-cifrovoe-stojlo_433980 (дата обращения: 01.11.2021).

11. *Криман А. И.* Идея постчеловека: сравнительный анализ трансгуманизма и постгуманизма // Философские науки. 2019. № 62(4). С. 132–147

12. *Марков А. В.* Эволюция человека: Обезьяны, нейроны и душа. М. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://scisne.net/a-1366?pg=8> (дата обращения: 11.10.2019).

13. *Никитина Е.* По направлению к транс-метапостгуманизму. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.academia.edu/36494476> (дата обращения: 01.11.2021).

14. *Сартр Ж.-П.* «Экзистенциализм — это свобода». Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 319–344.

15. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: ООО «Издательство АСТ»; ОАО «ЛЮКС», 2004. 349 с.

16. *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

17. *Эттингер Р.* Перспективы бессмертия. М.: Научный мир, 2003. 261 с.

18. *Bostrom N.* A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. No. 1. P. 1–25. [Электронный ресурс]. URL: <https://nickbostrom.com/papers/history.pdf> (дата обращения: 01.11.2021).

19. *Elon Musk's Last Warning About Artificial Intelligence* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B-Osn1gMNtw/> (дата обращения: 01.11.2021).

20. *Ferrando F.* Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms: Differences and Relations // Existenz: An International Journal in Philosophy, Religion, Politics, and the Arts. 2013. Vol. 8. No. 2. P. 26–32. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/304333989_Posthumanism (дата обращения: 01.11.2021).

21. *Hassan I.* Prometheus as Performer: Toward a Posthumanist Culture? // The Georgia Review. 1977. Vol. 31. № 4. P. 830–850.

22. *Ivanova S. V., Bokova T. N.* Postmodern ideas' influence on education (illustrated by the USA experience) // Сборник научных трудов The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS), 2017. С. 339–355.

23. *Ivanova S. V., Elkina I. M.* Education quality in the postindustrial society //

Сборник научных трудов The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS), 2017. С. 356–364

24. Paic Z. Posthumano stanje: Kraj čovjeka i mogućnosti druge povijesti. Zagreb: Litteris, 2011.

25. Verbeek P.P. Moralizing Technology: Understanding and Designing the Morality of Things. Chicago. IL: University of Chicago Press. 2011.

POSTHUMANISM VS HUMANIZATION OF EDUCATION

The paper reveals the specific features of posthumanism, based on the characteristics of which we can conclude that this time has practically come. The author analyzes the problem of humanization of education and shows the need to increase its role in the era of posthumanism. To reveal the problem posed, the features of humanization in the new conditions are characterized and brief signs of posthumanism and posthuman are presented. The author maintains continuity in her works and consistently proceeds to consider the problem of humanization in the era of posthumanism after studying the same aspect in the conditions of postmodernity, post-industrial society, and the global world. In this view, the range of tasks of humanization is determined in a futuristic way, based on the characteristics of posthumanism and posthuman, described in the philosophical literature. The study of scientific literature, educational practice, and observation of technological development show that the consideration of the problem is relevant, however pedagogical science has not yet addressed the issue of humanization in this sense.

Keywords: humanization, humanistic approach, education, subjectivity, postmodernism, posthumanism, posthuman, dialogue, virtual technologies.

References

- *Aristotel*. Citaty izvestnyh lichnostej [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/482223-aristotel-uchitelia-kotorym-deti-obiazany-vozpitanem-pochtenn/> (data obrashcheniya: 01.11.2021). [In Rus].
- *Bostrom N.* A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. No. 1. P. 1–25. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://nickbostrom.com/papers/history.pdf> data obrashcheniya: 01.11.2021).
- *Brajdotti R.* Postchelovek. Per. s angl. D. Hamis, pod red. V. Danilova. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 2021. 408 s. [In Rus].
- *Bulgakov M. A.* «Master i Margarita». Seriya: Vsemirnaya literatura. M.: Eksmo. 2012. 480 s. [In Rus].
- *Delyoz Zh., Gvattari F.* Chto takoe filosofiya? / Per. s fr. i poslesl. S. Zenkina. M.: Akademicheskij Proekt, 2009. 261 s. [In Rus].
- *Deskola F.* Po tu storonu prirody i kul'tury. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 584 s. [In Rus].

- *Elon Musk's Last Warning About Artificial Intelligence* [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B-Osn1gMNtw/> (data obrashcheniya: 01.11.2021).
- *Ettinger R.* Perspektivy bessmertiya. M.: Nauchnyj mir, 2003. 261 s. [In Rus].
- *Ferrando F.* Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms: Differences and Relations // *Existenz: An International Journal in Philosophy, Religion, Politics, and the Arts*. 2013. Vol. 8. No. 2. P. 26–32. [Elektronnyj resurs]. URL: [https://www.researchgate.net/publication/304333989_Posthumanism_data obrashcheniya: 01.11.2021](https://www.researchgate.net/publication/304333989_Posthumanism_data_obrashcheniya:01.11.2021). [In Rus].
- *Fukuyama F.* Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyucii / F. Fukuyama; Per. s angl. M. B. Levina. M.: OOO "Izdatel'stvo ACT": OAO "LYuKS", 2004. 349 s. [In Rus].
- *Harauet J.* Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i socialisticheskij feminizm 1980-h. M.: Ad Marginem Press, 2017. [In Rus].
- *Hassan I.* Prometheus as Performer: Toward a Posthumanist Culture? // *The Georgia Review*. 1977. Vol. 31. № 4. P. 830–850.
- *Ivanova S. V.* Gumanizaciya obrazovaniya: celi, zadachi i usloviya // *Cennosti i smysly*. 2010. № 2. S. 91–109. [In Rus].
- *Ivanova S. V., Bokova T. N.* Postmodern ideas' influence on education (illustrated by the USA experience) // *Sbornik nauchnyh trudov The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*, 2017. S. 339–355.
- *Ivanova S. V., Elkina I. M.* Education quality in the postindustrial society // *Sbornik nauchnyh trudov The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*, 2017. S. 356–364.
- *Ivanova S. V., Ivanov O. B.* Aksiologicheskie problemy v epohu chetvortoj promyshlennoj revolyucii. V Sbornike «Vzaimodejstvie kafedr YuNESKO s cel'yu strategicheskogo planirovaniya i ustojchivogo razvitiya»: materialy videokonferencii, 5 iyunya 2020 g. / pod red. A. I. Rudskogo, V. V. Okrepilova. SPb.: POLITEH-PRESS, 2020. S.53–57. [In Rus].
- *Ivanova S. V., Ivanov O. B.* Obrazovatel'noe prostranstvo kak modus obrazovatel'noj politiki: monografiya. M.: «Russkoe slovo — uchebnik», 2020. 160 s. [In Rus].
- *Ivanchenko M. A.* Postgumanizm kak antigumanizm: osnovnye perspektivy // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Ser. 3, Obshchestvennye nauki. 2019. T. 14, № 4 (194). S. 16–24 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://hdl.handle.net/10995/79273> (data obrashcheniya: 01.11.2021). [In Rus].
- *Kazarnovskaya L. Yu.* Probudis', chelovek, tebya zagonyayut v cifrovoe stojlo! [Elektronnyj resurs]. URL: https://tsargrad.tv/articles/ljubov-kazarnovskaja-probudis-chelovek-tebjazagonjajut-v-cifrovoe-stojlo_433980 (data obrashcheniya: 01.11.2021). [In Rus].
- *Kriman A. I.* Ideya postcheloveka: sravnitel'nyj analiz transgumanizma i postgumanizma // *Filosofskie nauki*. 2019. № 62(4). S.132–147. [In Rus].
- *Markov A. V.* Evolyuciya cheloveka: Obez'yany, nejrony i dusha. M. 2011. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://scisne.net/a-1366?pg=8> (data obrashcheniya: 11.10.2019). [In Rus].
- *Nikitina E.* Po napravleniyu k trans-metapostgumanizmu. 2017 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.academia.edu/36494476>(data obrashcheniya: 01.11.2021). [In Rus].
- *Paic Z.* Posthumano stanje: Kraj čovjeka i mogućnosti druge povijesti. Zagreb: Litteris, 2011.
- *Sartr Zh.-P.* «Ekzistencializm — eto svoboda». Ekzistencializm — eto gumanizm // *Sumerki bogov*. M., 1989. S. 319–344. [In Rus].
- *Verbeek P. P.* Moralizing Technology: Understanding and Designing the Morality of Things. Chicago. IL: University of Chicago Press. 2011.

М. Д. Купарашвили

Доктор философских наук, профессор, преподаватель кафедры философии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
E-mail: kuparashvili@rambler.ru

Mziya D. Kuparashvili
Dr.Sc. (Philosophy), Professor,
Lecturer at the Department
of Philosophy, Omsk State
University named after F.M.
Dostoevsky, Russia

А. Б. Николаева

Кандидат исторических наук, преподаватель ЦМК гуманитарных и естественных дисциплин Омского медицинского университета,
E-mail: ms.lettres@mail.ru

Anastasia B. Nikolaeva
PhD (Historical Sciences),
Lecturer at the Central
Medical Center of Humanities
and Natural Disciplines, Omsk
Medical University, Russia

Герменевтика против онтологической немоты в осмыслении феномена смерти

Жизнь — весьма редкая разновидность смерти.

Ф. Ницше

Статья представляет собой рассуждение о проблеме смерти в философско-герменевтическом векторе, что позволяет упомянуть о таких феноменах, как танатофобия, взаимосвязь между жизнью и смертью на онтологическом уровне, психологические особенности оценки индивидом неизбежности собственной смерти. В период постмодерна герменевтическое рассмотрение проблемы смерти дает возможность детализации ее различных сторон и трактовок, а также анализа новых поворотов в данной тематике (рассуждение о бессмертии, иное восприятие смысла жизни и ее ценности, деконструктивистская рефлексия относительно постоянного повтора событий и общежизненной рутины). Следовательно, на герменевтических основаниях в статье предлагается обобщающий анализ постмодернистского определения проблемы смерти с учетом появления новых вопросов (о продлении жизни при помощи техно-медицинских новаций, о чувстве исполненности / неисполненности жизни). Герменевтическая интерпретация сущности проблемы смерти приводит к осмыслению основных аспектов заявленной тематики, становясь качественным противовесом постмодернистскому молчанию.

Ключевые слова: герменевтика смерти, онтологическая немота, проблема смысла жизни, танатофобия, дальнейшая эволюция человека.

Как цитировать статью: Купарашвили М.Д., Николаева А.Б. Герменевтика против онтологической немоты в осмыслении феномена смерти // Ценности и смыслы. 2021. № 5 (75). С.24–31.

Введение. Указанные в качестве эпиграфа слова Фридриха Ницше почти пророчески отражают соотношение жизни и смерти. Положение о том, что смерть не может коснуться не-живого, делает невозможным разделить и самостоятельно обосновать проблему жизни и проблему смерти. Мысль о понимании жизни как независимой формы существования подробно изложена в работах В. И. Вернадского, который основывался на утверждениях Ф. Реди и А. Валлисниери о том, что всякий живой организм происходит от другого живого организма. Однако до сих пор сильна и оппозиционная позиция, связанная с самозарождением живой материи из неживой.

Очевидно, что смерть — одна из самых сложных и неоднозначно трактуемых категорий в системе интерпретации. Связано это с естественной герменевтикой и с двойным прочтением данной категории. Смерть как данность и как факт кончины некоторой чужой жизни, которая наблюдается, переживается и может быть предметом рефлексии, и смерть самого переживающего и рефлексирующего наблюдателя — это две разные смерти, и для их осознания не должны применяться одни и те же способы толкования и интерпретации. Знакомство с категорией для рассудочного анализа и интерпретации принципиально предваряется обнаружением неминуемого факта собственной кончины и тяжелыми экзистенциальными переживаниями, отмечаемыми уже на этапе детства. Тем самым, рефлексия над категорией смерти нередко сопровождается отрицательными эмоциями в процессе приобретения опыта размышления.

Цель статьи. Тема смерти является одной из наиболее активно рассматриваемых с позиций разных наук. Несмотря на длительный период исследований, феномен смерти до настоящего времени продолжает представлять существенный интерес для научного сообщества. При этом философские науки анализируют проблему смерти весьма разносторонне, акцентируя исследовательское внимание на многих ее аспектах и связанных понятиях. Однако целью статьи является рассмотрение проблемы смерти с герменевтических позиций, что позволит детальнее проанализировать ее специфику в условиях современного постмодернистского мышления.

Методология и методы исследования. В работе применяется метод герменевтического анализа поставленной проблемы, а также представлена общетеоретическая трактовка феномена смерти с учетом особенностей

и реалий периода постмодерна в науке.

Результаты исследования. Осознание человеком самого себя в итоге приводит к пониманию конкретности и конечности жизни при возможной незавершенности поставленных целей. Это понимание, обладающее драматичным характером, стало причиной многих философско-психологических рассуждений: мистическое отношение к судьбе и Богу, поиск взаимосвязей между поступками и отношениями, решениями и выборами. С учетом такой разнонаправленной рефлексии осуществляются уже весьма длительный период времени поиски способов продления жизни и даже обретения бессмертия.

С другой стороны, мы наблюдаем и развитие научно-теоретического вектора, объясняющего особенности физического умирания человека и позволяющего анализировать сопутствующие этому переживания. Этапность жизни рассматривается в теории Э. Эриксона, утверждающего непреложность поступательного движения личности по жизненным ступеням, на каждой из которых может осуществляться достижение определенных целей, способствующих дальнейшему развитию. Взросление человека, связанное с экзистенциальным переживанием своей неминуемой кончины, во многом делает его жизнь осмысленной, как и подведение итогов в этом случае становится важнейшей ступенью к формированию мудрого и спокойного отношения к смерти.

Период постмодернизма задает новые повороты в философском осмыслении темы смерти: страх перед умиранием, мистическое толкование загробного мира или же строгий научный анализ этого явления постепенно отходят на второй план. В авангард выдвигается новое понимание смерти, связанное с такими философскими феноменами, как продолжение себя в Другом, индивидуальность бытия и умирания, независимость от страха смерти, проблема самоотчуждения или, напротив, самоактуализации способностей. Кроме того, постмодернизм с его ярко выраженной усталостью и молчанием бытия ставит особые вопросы, связанные со смыслом деятельности и активности (интеллектуальной, профессиональной, творческой) субъекта, взаимосвязью жизненных событий, влиянием внешних обстоятельств на отдельную личность, проблемой отсутствия энергии и чувства исполненности жизни, суицидом или ощущением постоянной пустоты существования. Анализ Ж. Деррида феномена бытия-к-смерти М. Хайдеггера [5] с позиций ощущения присутствия жизни в момент полноценного осознания

ее конечности, позволяет соприкоснуться с беспощадным пониманием недоступной человеку необходимости. Отсюда и начинается развиваться герменевтическое, т.е. максимально детальное, осмысление процесса умирания, осуществляемое при помощи методов интерпретации, понимания и объяснения. Герменевтическое осмысление смерти имеет яркий экзегетический оттенок: проблема умирания в данной области философского анализа рассматривается с самых разных сторон, в том числе и с религиозно-библейской. Понятно и то, что герменевтическое осмысление смерти разворачивается на фоне психологического состояния, всегда сопутствующего рассуждениям каждого человека о конечности жизни. К ним можно отнести известную проблему ощущения бессмысленности существования, процесс старения и лишения эмоциональных опор, усталость от жизни и полномерное восприятие ее скуки и постоянного повтора. Кроме этого, потеря жизненного интереса, инерционность существования, неумение адаптироваться к часто меняющимся условиям современного мира, чувство незащищенности и самоотчуждения дополнительно расширяют горизонт онто-герменевтической интерпретации феномена смерти.

Деконструктивная рефлексия постмодерна пытается разглядеть смерть в качестве главного, фундаментального, всеобъемлющего состояния мироздания, а жизнь — как некоторое состояние отсрочки, временный выход из смерти. Поэтому жизнь всегда возвращается в смерть, т.е. в неорганическую природу. По словам Ж. Дерриды, «концом живой субстанции, ее целью и пределом является это возвращение к неживой материи. Эволюция жизни является лишь окольным путем к неживой материи ввиду последнего, гонкой со смертью. ... При этом смерть запечатлевается как внутренний закон, а не как случайность в жизни... Именно жизнь подобна случайности в смерти или снисходительности со стороны смерти, если руководствоваться тем, что все живущее «умирает по внутренним причинам» [2, с. 554].

Постклассическая наука (генетика, нутригеномика, синтетическая биология, нанонаука, бионика, нейробиология, нейрофизиология, нейроэкономика) вносит существенные, казалось бы, оптимистические коррективы в понимание смерти (биопротезы, трансплантация, крионика, клонирование, сеттлеретика и т.д.), однако от этого становится еще страшнее, так как перспектива бессмертия оказалась еще более сложной и пугающей для интерпретации. Современная имморталисти-

ка только набирает обороты, и многие откровенно утопические идеи перед изумленным человеком XXI века разворачиваются как реальные перспективы безболезненной, нестареющей, вечной жизни. Однако средства и механизмы осуществления процедуры бессмертия по-прежнему воспринимаются неоднозначно, поскольку человек продолжает обладать нравственными принципами. Состоявшийся внутренний конфликт между желаниями и принципами бросает человека в онтологическую немоту. Разглядеть исключительно новые эволюционные горизонты, предположить продолжение существования своего сознания в виде биорга, силорга и иного рода бота пока еще вызывает болезненные переживания у большинства на основе проблемы утраты телесности.

Подобное преобразование объекта интерпретации требует принципиально иных возможностей герменевтики. В состоянии постмодерна герменевтика впервые оказывается в мультисмысловом пространстве и может его выразить лишь молчанием. Констатация молчания оформляет уже отмеченную нами онтологическую немоту, которая становится итогом постоянных рефлексий и поиска хотя бы относительного равновесия между результатами новейших достижений и природой человека. От слишком высокой степени коннотативности (диапазоном от предмета, денотата и до смысла и формального звучания) все признаки значения обнуляются.

Так, способность толковать и интерпретировать жизненные ситуации и известные идеи подсказывают, что приставка «транс» в термине «трансгуманизм» может быть прочитана и понята и как улучшение человеческой породы разными технологическими достижениями, через увеличение физических и умственных возможностей человека (расчеловечивание), и как замена живого человека на искусственный интеллект (вымирание человечества), и подмена органической жизни формулировкой «неорганическая жизнь», и как конструирование человека в автотрофное существо (совершенный человек в стиле В. Вернадского). Согласно учению Вернадского, в биосфере работает великая геологическая, космическая, сила, т.е. разум человека, его направленная и организованная воля к существованию. Она есть проявление монолита жизни — «живого вещества, лишь одной частью которого является человечество» [1, с. 290].

В этом контексте проблематичность нового осознания феномена смерти обнаруживает связь со смыслом жизни, который впервые оказался под настоящей угрозой решения. Теперь его можно искать не в пространстве гипотетического, а в реальном режиме, в качестве грандиозной проблемы,

которую следует решить в более четком (а не приблизительном или условном) варианте. Основания учения Вернадского в пользу человеческой сингулярности и планетарности человеческого разума («повсюдности жизни») требует детального герменевтического анализа и новых фактов, и специфики научных и мировоззренческих вызовов.

Таким образом, после открытий неонеклассической науки и постмодернистских рефлексий у герменевтики имеется большое основание нарушить онтологическое молчание о феномене смерти. Феномен расчеловечивания с помощью технологии также равносителен смерти, но сохранение механических функций создает иллюзию все еще живого тела. Приход состояния технологической сингулярности — однозначная смерть рода человека, но его замещение интеллектуальным аналогом выглядит как эволюция человека (с частичным сохранением его индивидуальных особенностей) в машину. И мы возвращаемся к известным рассуждениям Ж. Дерриды, из которых можно отметить следующее: чтобы стать бессмертным, нужно быть мертвым, т.е. вернувшись в неорганическую природу, и констатировать, что жизнь — лишь случайное состояние смерти [2].

Помимо только феноменологических оснований герменевтика смерти может актуализировать вопрос отсрочивания умирания, поднимающий на поверхность выраженное нежелание старения (пластические операции), изучение потенциального бессмертия, стремление человека в масштабе собственного бытия к деятельностному разнообразию.

Герменевтический подход к анализу феномена смерти может связать между собой и многие другие масштабные темы в реалиях постсовременности. К ним можно отнести причины сопротивления умиранию и мотивы продления молодости (в смысле, раскрытом Ж. Деррида, по мнению которого смерть является самоотсрочиваемым присутствием); психологические эксцессы и расстройства как результат танатофобии; нарушение стадильности личностного роста и проблему недостижения целей как основа рассуждений о бессмысленности существования или бесконечности земных страданий; присутствие / отсутствие бога и высших сил, космического разума и души; гедонистические убеждения или желание простой и комфортной жизни (без постановки серьезных целей и без постоянных тревог и переживаний); сложность жизненной скуки и усталости; онтологический кризис и поиски выхода из него. Здесь можно подчеркнуть идею онтологической тотальности сущего и бытия, которое «имплицитно» подразумевает понятие смерти в силу того, что смерть дает целостность присут-

ствию и возможность сбьться присутствию во всей его единственности» [3].

Заключение. Герменевтика смерти, как видим, устанавливает значительное количество научно-философских корреляций между разными рефлексивно-когнитивными сферами. Для отдельной личности и для общества эта система рассуждений и интерпретаций оказывается особенно ценной в настоящий период времени, поскольку актуализирует проблемы эмпатии и самоуважения, выходящие на первый план при постановке сложнейшего для нашего сознания вопроса об умирании. По мнению В. Никитаева, смерть невозможно понять полностью, т.к. всегда сохраняется дистанция между живущим и умирающим, поэтому следует вести речь о понимании «на расстоянии». В результате «мы оказываемся в герменевтической ситуации, в ситуации попытки понимания через интерпретацию, посредством специальной техники истолкования» [4].

Таким образом, можно констатировать, что доступные воображению варианты жизни в обозримом будущем равносильны подтверждению смерти того, кого сегодня называют человеком. Однако есть утопический (в этом контексте) вариант сохранения человека как вида в его аутентичности, который по определению стоит на обочине столбовой дороги почти неминуемой технологической сингулярности. По мнению авторов, именно данный вариант требует применения глубокой герменевтической интерпретации в условиях неонеклассического состояния науки и на этапе метамодернистского состояния мировоззрения.

Литература

1. *Вернадский В. И.* Автотрофность человека //Русский космизм: онтология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 288–303.
2. *Деррида Ж.* Страсти по «Фрейду» // Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. Минск: Современный литератор, 1999. С. 401–644.
3. *Ивашкин С. Н., Панов С. В.* Постонтология смерти в деконструкции Ж. Деррида [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2008-04-001-ivashkin-s-n-panov-s-v-postontologiya-smerti-v-dekonstruktii-zh-derrida-obzor> (дата обращения: 11.08.2021).
4. *Никитаев В.* Герменевтика смерти [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.ru/doc/2227804/germenevtika-smerti> (дата обращения: 15.08.2021).
5. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.

HERMENEUTICS VERSUS ONTOLOGICAL DUMBNESS
IN COMPREHENSION THE PHENOMENON OF DEATH

The article is a discourse on the problem of death in a philosophical and hermeneutic vector, which allows addressing a number of the main aspects of this topic. Thus, the work proposes an understanding of the specifics of a person's attitude to dying (thanatophobia, the perception of religion and the figure of a certain deity, belief in life after physical death), the relationship between life and death at the ontological level, and the psychological characteristics of an individual's assessment of the inevitability of his own death. In the postmodern period, the hermeneutic consideration of the problem of death makes it possible to detail its various aspects and interpretations, as well as to analyze new turns in this topic (discussion of immortality, a different perception of the meaning of life and its value, deconstructivist reflection on the constant repetition of events and general life routine). Consequently, on hermeneutic grounds, the article proposes a generalizing analysis of the postmodern definition of the problem of death, considering the emergence of new questions (about the same immortality or prolongation of life with the help of technical and medical innovations, about the feeling of fulfillment / unfulfillment of life, about human singularity and the planetary scale of the mind). At the same time, the hermeneutic interpretation and the possibility of interpreting the problem of death can make it possible to obtain sufficiently clear answers to these questions, thereby breaking the ontological silence of postmodernism. Note that under the conditions of this period, science formulates problems, but does not always provide their solution. In this regard, hermeneutic methods of understanding and explanation turn out to be very suitable for comprehending the complex aspects of the stated topic.

References

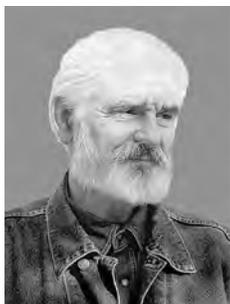
- *Derrida Z. H.* Strasti po «Frejdu» // Derrida ZH. O pochtovoj otkrytke ot Sokrata do Frejda i ne tol'ko. Minsk: Sovremennyy literator, 1999. S. 401–644. [In Rus].
- *Hajdegger M.* Bytie i vremya. Har'kov: «Folio», 2003. 503 s. [In Rus].
- *Ivashkin S. N., Panov S. V.* Postontologiya smerti v dekonstrukcii ZH. Derrida [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2008-04-001-ivashkin-s-n-panov-s-v-postontologiya-smerti-v-dekonstruksii-zh-derrida-obzor> (data obrashcheniya: 11.08.2021). [In Rus].
- *Nikitaev V.* Germenevtika smerti [Elektronnyj resurs]. URL: <https://studylib.ru/doc/2227804/germenevtika-smerti> (data obrashcheniya: 15.08.2021). [In Rus].
- *Vernadskij V. I.* Avtotrofnost' cheloveka //Russkij kosmizm: ontologiya filosofskoj mysli. M.: Pedagogika-Press, 1993. S. 288–303. [In Rus].

Е. Н. Дзятковская

Доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института стратегии развития образования РАО, Москва
E-mail: dziatkov@mail.ru

Elena N. Dzyatkovskaya
Dr.Sc. (Biology), Professor, leading researcher, Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

А. Н. Захлебный

Доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии образования, главный научный сотрудник Института стратегии развития образования, РАО, Москва
E-mail: anzmos@bk.ru

Anatoly N. Zakhlebnyy
Dr.Sc. (Education), Professor, Academician of the Russian Academy of Education, chief scientist, Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Десятилетие действий по достижению глобальных целей до 2030 года: преемственность преобразований*

Во введении дается краткий анализ Дорожной карты по образованию для устойчивого развития, которая была запущена в действие на Всемирном форуме по образованию для устойчивого развития в мае 2021 г. (Берлин). Она пришла на смену Дорожной карте Глобальной программы действий по образованию для устойчивого развития 2014 года и положила начало Десятилетию действий по достижению глобальных целей до 2030 года. Цель статьи — характеристика преемственных и новых подходов к организации образовательной среды образовательных организаций в условиях реализации Десятилетия действий по достижению глобальных целей до 2030 года. В статье констатируется, что Дорожная карта-2021, преемственно воспроизводя приоритетные направления действий, предусмотренные в Дорожной карте-2014, и придерживаясь значимости образования для устойчивого развития в глобальном мире, включает и новые задачи. Это — пересмотр целей и ценностей всего образования, в целом; обновление содержания образования в интересах формирования культуры устойчивости; отражение в содержании образования всех Целей устойчивого развития и действий национальных и международных по ускорению их достижения; комплексность в реализации ценностей образования в интересах устойчивого развития на всех уровнях обучения, воспитания, просвещения; создание необходимых условий для взаимодействия образовательной организации с окружающим социокультурным пространством путем организации партнерства,

Как цитировать статью: Дзятковская Е. Н., Захлебный А. Н. Десятилетие действий по достижению глобальных целей до 2030 года: преемственность преобразований // Ценности и смыслы. 2021. № 5 (75). С. 32–42.

в том числе сетевого, с местным сообществом, гражданскими, государственными и бизнес-структурами. В заключении делается вывод о том, что Дорожная карта-2021 — это образование в интересах устойчивого развития в действии, это «гражданственность в действии», которая обновляет взгляд на роль и функции образовательной среды образовательных организаций на пути к достижению всех Целей устойчивого развития и выступает двигателем обновления содержания образования.

Ключевые слова: Дорожная карта по образованию для устойчивого развития, образовательная среда, преемственность, обновление, культура.

Введение

В преамбуле к Дорожной карте по образованию для устойчивого развития (2021) Стефания Джаннини, заместитель Генерального директора ЮНЕСКО по вопросам образования, бывший министр образования, университетов и научных исследований Италии пишет: «Пандемия КОВИД-19, которая распространилась по всей планете в 2020 году, — это не только глобальный кризис в области здравоохранения. Это кризис, затрагивающий каждый аспект нашей жизни, и кризис, который выявил хрупкость нашей взаимозависимости с природой. Мы узнали, что по мере уничтожения лесов не только диким животным угрожает опасность и ослабевают экосистемы, но и человек подвергается воздействию неизвестных инфекционных агентов, которые могут угрожать его жизни» [2].

«Мы все чаще задаемся вопросом, действительно ли то, что люди знают, имеет отношение к их жизни, помогает ли то, чему они научились, обеспечить выживание нашей планеты. То, что мы знаем, во что мы верим и что мы делаем, должно измениться. То, что мы узнали до сих пор, не готовит нас к решению проблем. Это не может так продолжаться. Окно возможностей быстро закрывается, и мы должны срочно научиться жить по-другому. Сейчас мы ведем битву за наши жизни, и это битва, в которой мы можем победить. И это битва за нашу жизнь» [2].

Для перехода к устойчивому будущему нам нужно переосмыслить что, где и как мы учимся развивать знания, навыки, ценности и взгляды, которые позволяют нам всем быть информированными, шире осваивать опыт принимать решения об индивидуальных и коллективных действиях на местном уровне, предупреждать развитие местных, национальных и глобальных чрезвычайных ситуаций. Особенно в области поддержания экологически здоровых условий жизни. Об этом говорят и российские

исследователи: «... особо значимой представляется необходимость правильно оценить текущую ситуацию, систематизировать хаос, нащупать закономерности современного этапа существования общества, сделать шаги в направлении преодоления непредсказуемости, найти взаимопонимание и консенсус, определиться с трендами ближайшего развития» [1].

Базовой основой, формирующей опыт принятия таких решений и действий, является образование в интересах устойчивого развития (ОУР). ОУР — это средство, направленное на преобразование всего образования. Оно расширяет возможности учащихся, формируя у них знания, навыки, ценности и отношения, необходимые для принятия обоснованных решений, формирования ответственности за действия по обеспечению экологической целостности, экономической жизнеспособности и справедливого общества, расширяет права и возможности всех людей, содействует сохранению культурного разнообразия.

В чем сходство и особенности преобразования образовательной среды, предусмотренные Дорожной картой-2021 по сравнению с Дорожной картой-2014?

Цель исследования: выявить линии преемственности и направления обновления подходов к организации образовательной среды образовательных организаций в условиях реализации Десятилетия действий по достижению глобальных целей до 2030 года.

Результаты

Начало Десятилетия действий по достижению Глобальных целей до 2030 года (далее — Десятилетие-2030) было положено в сентябре 2020 года, в пятилетие с момента первого принятия Организацией Объединённых Наций Целей устойчивого развития (ЦУР). Дорожная карта-2021 направлена на реализацию Десятилетие-2030, подтверждая преемственность с Дорожной картой-2014, в ней отмечаются и особенности ОУР на новом этапе [7,6].

В Дорожной карте-2021 предусматривается, что преобразования должны преемственно с Дорожной картой-2014 затрагивать все пять ее ключевых направлений: вопросы политики (направление 1), подготовки педагогических кадров (направление 3), работы с молодежью (направление 4) и партнерства с местным сообществом (направление 5), а также обновления содержания образования и образовательной среды, как неотъемлемой части качественного образования, позволяющего

достичь когнитивных, социально- эмоциональных и поведенческих результатов обучения и воспитания (направление 2).

В новых документах подтверждается зафиксированная в Дорожной карте-2014 роль образования в интересах устойчивого развития. При этом отмечается ведущее значение Цели 4 (ЦУР 4) в реализации такого образования.

Преемственно с Дорожной картой-2014 рассматривается структура содержания ОУР. В нее вошли:

когнитивный аспект (измерение) содержания: понимание проблем устойчивости и их сложных взаимосвязей, выявление деструктивных идей и альтернативных решений;

социально-эмоциональный аспект (измерение) содержания: формирование основных ценностей и установок в интересах устойчивости, воспитание сочувствия и сострадания к другим людям, заботливого отношения к окружающей природной среде, мотивации к содействию устойчивому развитию;

поведенческий аспект (измерение) содержания: осуществление практической деятельности в целях устойчивых преобразований в личной, социальной и политической сферах.

Однако были сформулированы и новые задачи, опираясь на уроки, извлеченные из практики глобальной деятельности ООН, ЮНЕСКО в последние десятилетия.

Впервые была поставлена задача обеспечить программную поддержку каждой из пяти приоритетных областей дорожных карт ОУР с участием сетей различных групп партнеров и с их объединением в одну всеохватывающую Сеть партнеров. Эта Сеть партнеров будет состоять из пяти групп, специализирующихся в пяти приоритетных областях деятельности, но работающих совместно. В дальнейшем будут развиваться усилия для привлечения в Сеть партнеров представителей правительств, местных органов власти, частного сектора, гражданского общества.

В качестве первого и главного урока реализации ОУР называется пересмотр целей и ценностей, которые лежат в основе всего (!?) образования, чтобы преемственно переориентировать на них все направления действий по обновлению его содержания. Акцент целей и ценностей образования делается на достижении всех 17 взаимосвязанных ЦУР, а не только ЦУР 4. Генеральная Ассамблея в 2019 году подтвердила, что ОУР — это не только один из «неотъемлемых элементов ЦУР 4, касающийся

доступного и качественного образования, но также один из ключевых факторов, способствующих достижению всех других целей в области устойчивого развития» (Резолюция, 19.12.2019. № 74/223. Образование в интересах устойчивого развития в общем контексте Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года). В резолюции 74/233 (2019 г.) эта мысль была подкреплена обращенным к странам призывом активизировать осуществление ОУР путем включения в него всех Целей устойчивого развития. В Дорожной карте-2021 зафиксировано, что ведущим средством включения в содержание образования всех Целей устойчивого развития является ОУР. Оно по-прежнему играет ключевую роль в обеспечении доступности для всех качественного образования.

Новым является призыв к ускорению реализации ОУР на всех уровнях обучения и в течение всей жизни человека [5]. При этом отмечается, что для достижения новых задач ОУР уже недостаточно фиксироваться лишь на доступности и качестве образования. В Дорожной карте-2021 говорится, что в целях обновления содержания образования она «отходит от эксклюзивного фокуса на доступ и качество образования, измеряемое главным образом результатами обучения, а уделит большее внимание содержанию обучения и его вкладу в развитие общекультурных ценностей человечества» [2].

Дорожная карта-2021, ориентируя на развитие культуры устойчивости, первостепенное внимание уделяет обновлению содержания всего образования путем преобразования информационно-программного компонента образовательной среды образовательной организации.

В документе говорится, что в рамках ЮНЕСКО Сектор образования будет и далее укреплять свои межсекторальные партнерские связи с другими секторами, особенно с Сектором культуры и Сектором естественных наук, интегрируя реализацию ОУР к 2030 году, где это возможно, в их соответствующие программы. К ним относятся, в частности, программы по Всемирному наследию, Нематериальному культурному наследию, сети биосферных заповедников, геопарков, малых островов, о знаниях культуры местных и коренных народов, то есть программы, имеющие культурологическую направленность.

Предполагается и изменение состава содержания ОУР для усиления его вклада в культуру устойчивости. Установка на обновление содержания ОУР нацеливается на отражение в нем масштабных преобразований, необходимых для устойчивого развития. Дорожная карта-2021 перечисляет

темы, которые для этого рекомендуется включать в содержание ОУР. Это:

- глубинные причины неустойчивого развития;
- пути обеспечения баланса между экономическим ростом, поддержанием экологического качества окружающей среды и устойчивым развитием;
- ценности, которые могли бы обеспечить альтернативу обществу потребления, например, достаточность, справедливость и солидарность, ценности устойчивости;
- пути решения проблем ЦУР в условиях крайней нищеты и уязвимых ситуаций;
- ситуации для рефлексии новых "разрушительных" идей, которые могут привести к «опрокидыванию» реальности, когда люди, решаясь выйти за пределы "обычного" образа мышления, поведения или жизни, могут переходить границы безопасности;
- необходимые личные качества для отстаивания личных убеждений, требующие мужества, настойчивости, решимости, жизнестойкости;
- информация о направлениях и масштабах деятельности партнеров на местах в целях УР; солидарность и коллективная деятельность в интересах практических шагов по формированию культуры устойчивости;
- критическое мышление; бдительность в отношении "нового"; необходима критическая точка зрения о сохраняющейся актуальности "традиционной ценности устойчивости"; зарождающийся интерес к циклической экономике и зеленой экономике представляет собой одну из таких альтернатив традиционному подходу;
- технологическое будущее: решение некоторых "старых" проблем и возникновение новых рисков (чтобы не было иллюзий, что технологии могут решить большую часть проблемы устойчивости) [2].

Последнему из названных направлений в Дорожной карте-2021 уделено особо большое внимание. Согласно докладу, опубликованному в 2015 году Всемирным экономическим форумом, к 2025 году в мире произойдут крупные технологические сдвиги, которые изменят многие аспекты современной жизни. Переломные моменты в итоге изменят не только нашу жизнь и окружающую среду, но и нашу дискуссию об устойчивости. Технологии создают иллюзию того, что они решили или могут решить большинство проблем устойчивости. Некоторые "старые" проблемы будут решены, но при этом возникнут новые вызовы и риски. ОУР в будущем не сможет позволить себе не рассматривать последствия

технологической эры [6]. Следует еще изучить взаимосвязь ОУР с такими новыми технологиями, как цифровизация и искусственный интеллект. При этом некоторые из давних усилий в области ОУР могут снижать свое значение. Например, с сенсорным оборудованием выключение освещения в здании может стать ненужным, но ценность экономии энергии должна оставаться актуальной. С другой стороны, будет наблюдаться всплеск новых вызовов. Например, 3-D печать может привести к более высокому потреблению создаваемой продукции и к росту новых отходов, требующих утилизации. Цифровая автоматизация и связанный с ней мир помогает обеспечить комфорт и качество жизни, но это также может создавать новые риски для безопасности и приводить к появлению новых видов крупномасштабных бедствий, последствия которых могут быть даже более сильными, чем в менее связанном мире. Применение искусственного интеллекта, уже сильно влияющего на поведение человека, может также увеличить разрыв между "имущими" и "неимущими".

Идея больших преобразований подразумевает изменения и в индивидуальных действиях, переплетающихся с реорганизацией общественных структур. Поэтому Дорожную карту-2021 называют «ОУР в действии». ОУР в действии — это перспектива обучения на протяжении всей жизни, не только в школе, но и за ее пределами. Важный тезис Дорожной карты-2021: необходимые фундаментальные изменения для устойчивого будущего надо начинать с отдельных людей. Сквозные компетенции, формируемые у человека в области когнитивных, социально-эмоциональных и поведенческих навыков, будут востребоваться не только как результат освоения всех Целей устойчивого развития при изучении предметных областей, но и в реальных жизненных ситуациях.

Особенно это касается компетенций, связанных с эмпатией, солидарностью и принятием решений в области построения будущего [4, 2]. Основанное на правах человека и таких принципах, как участие, не дискриминация и подотчетность, образовательная среда, реализующая идеи ОУР, взаимодействует с социальной и культурной средой сообщества и стимулирует социальное обучение внутри него. Поэтому Дорожную карту-2021 называют «ОУР — гражданственность в действии».

ОУР как гражданственность в действии предлагает новый взгляд на взаимодействие образовательной среды внутри школы с социокультурной средой вне школы и управление этим взаимодействием. В Дорожной карте-2021 говорится, что требуется внимание для продвижения комплексного

подхода к конструированию ОУР образовательными организациями на всех уровнях, с раннего детства на всю жизнь, включая обучение в сообществах работать вместе. Лицам, ответственным за разработку политики в области образования на местном, региональном и национальном уровнях, рекомендуется интегрировать ОУР в политику в области образования. Особенно это касается учебной среды, учебных программ, педагогического образования, а также включения в оценки учащихся, показателей результатов усвоения ценностей устойчивого развития как показателей повышения качества образования. Политикам в области образования, в сотрудничестве с другими министерствами, организациями гражданского общества, частными компаниями и академическими кругами, следует разработать политику, направленную на систематическое укрепление синергетических отношений между формальным, неформальным и неформальным образованием и воспитанием, включая разработку мер поощрения обучения по вопросам устойчивости.

Согласно Дорожной карте-2021, руководителям учебных заведений, в том числе директорам школ, ректорам университетов и колледжей, руководителям служб подготовки кадров, в т.ч. в частных компаниях, следует убедиться, что их управление и культура соответствуют принципам устойчивого развития. Руководители и сотрудники педагогических колледжей и вузов должны систематически и всесторонне включать потенциал ОУР как в содержание образования обучающихся, так и в содержание повышения квалификации педагогов еще до начала их работы, без их отрыва от производства. Это относится и к оценке работы преподавателей, учителей в образовательных организациях разных уровней: общего, профессионального образования, образования взрослых. Педагогам, учащимся и административному персоналу следует сотрудничать с местными лидерами, семьями, а также неправительственными субъектами, с субъектами частного сектора, с целью вовлечения местного сообщества в практическую реализацию целей устойчивого развития. При этом важно стремиться к демократическому принятию решений по принципу "снизу-вверх": когда все члены учреждения и другие заинтересованные стороны могут высказать свое мнение по конкретным проблемам устойчивости, которые необходимо решать в образовательной организации.

В Дорожной карте-2021 обращается внимание на лиц, ответственных за разработку политики в области образования. Необходимо создавать

условия для педагогов, стремящихся интегрировать в свою работу ОУР. Это предполагает особое внимание к ОУР среди других образовательных приоритетов, обеспечение гибкости для организации партнерства учителей в области ОУР, выделение практической работы педагогов по ОУР как самостоятельного показателя в рамках оценки деятельности учебных заведений.

Лица, занимающиеся профориентацией молодежи, должны развивать потенциал ОУР, знания, навыки, ценности и отношения к достижению устойчивого развития, с ориентацией на "зеленую" экономику, устойчивое производство и потребление, утилизацию и переработку отходов.

Особое внимание Дорожная карта-2021 уделяет молодым людям, которые во всем мире являются бенефициарами и движущей силой ОУР, выступают активными социальными новаторами, могут осуществлять перемены во имя устойчивого будущего. Молодежь должна быть включена в проектирование, реализацию и мониторинг политики и программ в области образования в интересах устойчивого развития. Творческий потенциал молодежи позволяет ее рассматривать в качестве одного из ключевых субъектов в практических действиях по решению проблем устойчивого развития.

Заключение

Дорожная карта-2021 преемственно с Дорожной картой –2014 расширила внимание к продвижению в образовательную среду комплексного подхода к ОУР, подчеркивая его важность и необходимость для школ или других учебных заведений, на всех уровнях с раннего детства и на всю жизнь, включая обучение в сообществах работать вместе. Особое внимание было уделено к обновлению ее информационно-программного компонента, направлениям взаимодействия с социокультурным окружением, вопросам управления для консолидации усилий общества в реализации ЦУР.

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 19-013-00345.

Литература

1. Иванова С. В., Иванов О. Б. Устойчивое развитие в неустойчивом мире: образовательный аспект // Ценности и смыслы. 2021. № 3 (73). С. 6–26.
2. Education for sustainable development: a roadmap// UNESCO. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374802>

(дата обращения: 05.10.2021).

3. Education for sustainable development for 2030. Toolbox. UNESCO, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://en.unesco.org/themes/education-sustainable-development/toolbox> (дата обращения: 05.10.2021).

4. *Facer, K.* Futures in education: Towards an ethical practice. Paper commissioned for the UNESCO Futures of Education report (forthcoming, 2021) UNESCO. Paris, France, 2021. 48 p.

5. Framework for the implementation of Education for Sustainable Development (ESD) beyond 2019. UNESCO, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000370215.locale=en> (дата обращения: 05.10.2021).

6. International Commission on the Futures of Education Progress Update March 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://en.unesco.org/futuresofeducation/2021-consultations> (дата обращения: 05.10.2021).

7. UNESCO Roadmap for Implementing the Global Action Programme on Education for Sustainable Development. UNESCO, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1674unescoroadmap.pdf> (дата обращения: 05.10.2021).

A DECADE OF ACTION TO ACHIEVE THE GLOBAL GOALS BY2030: CONTINUITY OF CHANGE

The introduction provides a brief analysis of the Education for Sustainable Development Roadmap, which was launched at the World Forum on Education for Sustainable Development in May 2021 (Berlin), replaced the 2014 Global Action Programme on Education for Sustainable Development Roadmap and launched the Decade of Action to Achieve the Global Goals by 2030. The aim of the article is to determine the continuity and new approaches to the organization of the educational environment of educational organizations in the context of the implementation of the Decade of Action to Achieve the Global Goals by 2030. The results of the study state that the Roadmap-2021, in continuity with the priority areas of action stipulated in the 2014 Roadmap and adhering to the importance of education for sustainable development in the global world, also includes new tasks. They are: revision of goals and values of education in general; updating the content of education to form a culture of sustainability; inclusion of all Sustainable Development Goals and actions to accelerate their achievement in education for sustainable development; integrated implementation of education for sustainable development at all levels of training, education, awareness; creation of necessary conditions for interaction of educational organization with the surrounding socio-cultural space by organizing partnership, including networking, with the local community, civic, government and business structures. The conclusion is that the Roadmap 2021 is education for sustainable development in action, it is

"citizenship in action," which updates the view of the role and functions of the educational environment of educational organizations in achieving all the Sustainable Development Goals and becomes a driver of educational content renewal.

Keywords: Education for Sustainable Development Roadmap, educational environment, continuity, update, culture.

References

- Education for sustainable development: a roadmap// UNESCO. 2020 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374802> (data obrashcheniya: 05.10.2021).
- Education for sustainable development for 2030. Toolbox. UNESCO, 2021. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://en.unesco.org/themes/education-sustainable-development/toolbox> (data obrashcheniya: 05.10.2021).
- *Facer, K.* Futures in education: Towards an ethical practice. Paper commissioned for the UNESCO Futures of Education report (forthcoming, 2021) UNESCO. Paris, France, 2021. 48 p.
- Framework for the implementation of Education for Sustainable Development (ESD) beyond 2019. UNESCO, 2021 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000370215.locale=en> (data obrashcheniya: 05.10.2021).
- International Commission on the Futures of Education Progress Update March 2021 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://en.unesco.org/futuresofeducation/2021-consultations> (data obrashcheniya: 05.10.2021).
- *Ivanova S. V., Ivanov O. B.* Ustojchivoe razvitie v neustojchivom mire: obrazovatel'nyj aspekt // *Cennosti i smysly*. 2021. № 3 (73). S.6–26. [In Rus].
- UNESCO Roadmap for Implementing the Global Action Programme on Education for Sustainable Development. UNESCO, 2014 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1674unescoroadmap.pdf> (data obrashcheniya: 05.10.2021).

Правопорядок и институты правопорядка в современном социуме: социально-философский анализ

Статья посвящена научно-философскому исследованию понятий «правовой порядок» и «институты правопорядка». Наряду с юридическими проанализированы социокультурные основания правопорядка, обусловленные его спецификой и перспективой развития в современной России. Дан анализ органов правопорядка — особых социальных институтов, призванных выполнять организационно-регулирующие функции государственного управления посредством правовых норм.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении диапазона научно-философского понимания феномена правопорядка и институтов правопорядка с позиции социальной философии. Социально-философское осмысление институтов правопорядка характеризует их не только как органы исполнительной власти, формально выполняющие свои функции, но и как структуры, ориентированные на обеспечение устойчивости, стабильности и гармоничного развития государственно организованного социума.

Методологической основой исследования стали методы: диалектический, абстрактно-логический, феноменологический, системного анализа и синтеза.

В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о необходимости изменения вектора анализа институтов правопорядка с их структурных или функциональных оснований на культурологический аспект, т. е. на более широкий ценностный аспект, связанный с социальной гармонизацией.

Как цитировать статью: Денильханов А. Х., Муратшина Ю. Р. Институты правопорядка: социально-философский анализ и функции в современном социуме // Ценности и смыслы. 2021. № 5(75). С.43–63.

А. Х. Денильханов

*Кандидат политических наук, доцент кафедры философии языка и коммуникации философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доцент Высшей школы бизнеса МГУ имени М. В. Ломоносова, член коллегии Адвокатской палаты г. Москвы
E-mail: aslanbekk@yandex.ru*

Aslanbek Kh. Denil'khanov
PhD (Political Sciences), Associate Professor at the Philosophy of Language and Communication Chair of the Philosophy Faculty, Associate Professor at the Higher School of Business, Lomonosov Moscow State University; Member of the bar Association of Moscow, Russia

Ю. Р. Муратшина

*Аспирант кафедры философии языка и коммуникации по специальности «социальная философия» философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
E-mail: juliamuratshina@mail.ru*

Yulia R. Muratshina
Postgraduate Student of the Philosophy of Language and Communication Chair, specialty "social philosophy", the Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University, Russia

Ключевые слова: право, философия права, порядок, правопорядок, правоохранительные органы, институты правопорядка, государственное управление.

Введение

Управление социумом требует установления определенных границ дозволенного и должного поведения всех его членов, а также установления запретов на противоправные действия с их стороны с целью гармоничного сосуществования. В связи с этим социум нуждается в четко артикулированных правилах поведения, устанавливаемых органами государства в виде правовых норм. Главная задача государства — сформулировать эти нормы надлежащим образом, создавать условия для их соблюдения с помощью соответствующих государственных и негосударственных институтов.

Посредством правовых норм устанавливается правовой порядок, в пределах которого реализуются права, свободы и законные интересы различных субъектов права. Правовой порядок зависит от политической системы государства, его философско-правовых традиций, духовно-нравственного потенциала общества. Поэтому представляется важным рассмотреть категорию правового порядка не только с нормативно-догматической точки зрения, но и с культурологической, синтезирующей в себе различные области гуманитарного знания: философию, антропологию, историю, социологию и др., а также с учетом особенностей социальной стратификации современного российского общества.

О социальной стратификации писал еще древнегреческий философ Платон в «Государстве», согласно которому polisное (сегодня — государственное) устройство человеческого бытия обусловлено естественно-природной необходимостью, природным неравенством способностей человека. Он отмечал, что «люди рождаются не слишком похожими друг на друга, их природа бывает различна, да и способности к тому или иному делу также» [13, с. 158–159]. Задача государства в том и заключается, рассуждал Платон, чтобы оно распределяло обязанности между жителями в соответствии с их задатками, способностями и возможностями, т.к. именно в этом состоит показатель справедливого государственного устройства. «Каждый отдельный человек, — по его мысли, — должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего

способен <...> заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие — это и есть справедливость» [13, с. 242]. В этом случае, заключает мыслитель, каждый житель работает во благо всего общества и государства.

Если перевести платоновское понимание задач государства на современное государственное управление, то речь идет о правопорядке, устанавливаемом государством и призванном максимально учесть интересы всех социальных страт, гармонизировать отношения между ними.

Сегодня, когда все мировое сообщество столкнулось с новой реальностью, связанной с пандемией коронавируса, переоценка субстанциональных ценностей общества, в том числе таких категорий как право, правопорядок, институты правопорядка, становится особенно актуальной. Общество столкнулось с тем, что виртуальная реальность, которая в большей степени находилась за пределами правового регулирования, стала неотъемлемым атрибутом человеческого общежития, так как без нее уже не мыслятся практически все виды социальных отношений, включая политику, экономику, духовную сферу, образование, предпринимательство и др. Право, как регулятор этих новых отношений, призвано их юридически формализовать. Однако сфера высоких технологий настолько стремительно развивается и становится частью нашей жизни, что законодатели попросту не успевают формализовать новые обстоятельства, поскольку это сопряжено с множеством проблем юридической казуистики.

Категории «правопорядок» и «правовые институты» также объективно наполнились новым содержанием, и оттого, насколько правильно будут урегулированы отношения, синтезировавшие в себе реальность и виртуальность, интересы различных страт, будет зависеть дальнейшее развитие социума.

Согласно методологической посылке Г. В. Сориной все вышесказанное диктует необходимость освоения уже на стадии обучения в образовательных учреждениях «техники критического философствования» [19, с. 23], поскольку вместе с прогрессом меняется и сознание человека, вовлеченного всецело в этот динамичный процесс. По ее справедливому утверждению, «необходимость овладения техникой критического мышления становится особенно очевидной в период кризисного, нестабильного состояния человеческого общества. Критическое мышление выступает как форма рационального мышления, вносящего порядок, гармонию, в хаос иррационального, неструктурированного мышления» [19, с. 23].

Это состояние кризиса и нестабильности сегодня переживает весь мир, и необходимо научиться не выживать, а полноценно жить в новой реальности. Из кризиса социум может выйти обновленным, если в основу переоценки ценностей поставит критическое мышление, через призму которого будет анализировать содержание жизненно важных для него понятий и категорий. В совместной статье Г. В. Сориной и В. С. Пронских изложен важный и актуальный методологический подход, который заключается в том, что «в современных условиях способность к суждению стала особенно востребованной. Все чаще человек или общество в целом сталкиваются с ситуациями, для которых не существует готовых схем принятия решений, и необходимо уметь анализировать, задавать вопросы, выдвигать гипотезы, отбрасывать гипотезы, оценивать собственные и чужие утверждения и аргументы и понимать, что истинное утверждение почти всегда ограничено определенными неявными предположениями и теориями. Пандемия коронавируса продемонстрировала это в полной мере» [28].

В связи с вышеизложенным представляется важным именно философское переосмысление фундаментальных категорий правовой науки, которые по своей природе консервативны, что позволит придать им правотворческую динамику в соответствии с новыми вызовами времени.

Постановка цели и задач исследования

Целью настоящего исследования является социально-философский анализ понятий «правопорядок» и «институты правопорядка». Данная цель обусловлена тем, что они являются основополагающими и неоднозначно толкуются в юридической науке. Как отмечают теоретики социологии права, «ни в отечественной, ни в зарубежной юридической науке нет единого понимания правового порядка» [20, с. 176]. Многоаспектность проблематики данного понятия, как и институтов правопорядка, обусловлена тем обстоятельством, что она в равной степени является предметом исследования социальной философии, философии права, политологии и социологии вместе с отраслевыми юридическими науками, т.е. является междисциплинарной. Поставленная цель обусловила следующие задачи: определить этимологический и семантический смыслы понятия «правопорядок» с позиций философии права; исследовать основные теоретические подходы к проблеме правового порядка и институтов правопорядка; определить роль, значение и эффективность институтов

правапорядка в зависимости от политического режима; проанализировать сущность, функции и социальную стратегию институтов правапорядка для выявления основных тенденций динамики правапорядка в современном российском обществе.

Социально-философский и политико-правовой взгляд на данную проблематику позволит выработать наиболее эффективные инструменты и гармоничные формы взаимодействия между публичной властью и другими субъектами права в этой сфере социально-правовых отношений.

Методы исследования

Теоретическое осмысление правапорядка и институтов правапорядка в данном исследовании основано на социально-философской методологии как инструментарию анализа их формально-юридического состояния с учетом нравственно-этического аспекта, а также их культурологической основы и вектора стратегии их деятельности в системе государственного управления.

В ракурсе общенаучных методов (диалектического, абстрактно-логического, феноменологического, системного анализа и синтеза) исследована сущность понятий «правапорядок» и «институты правапорядка» как особых социальных институтов, наделенных определенными исполнительно-распорядительными функциями, их назначение, цели, задачи. Наряду с общенаучными теоретическими методами в качестве основополагающего был использован эмпирический — описательный метод, включающий в себя приемы наблюдения, интерпретации, сопоставления и обобщения.

Правапорядок: правовой и социально-философский аспекты

Термин «правапорядок» состоит из двух взаимосвязанных понятий — «право» и «порядок», каждое из которых является самостоятельным объектом научного исследования. Право в этом словосочетании первично, т.к. в обратной их последовательности (порядок права) возникает совершенно новое смысловое значение, что явилось бы предметом других теоретических изысканий.

Следует отметить, что понятие «право», как регулятор социальных отношений, уже подразумевает упорядочивание жизнедеятельности различных субъектов права. Добавление к нему понятия «порядок» имеет сугубо практическое значение, связанное с реализацией права,

что и обусловило данное словосочетание.

Проведем исследование каждого из обозначенных понятий по отдельности, затем раскроем сущность и значение правопорядка для российской действительности, а также его особенности в европейских странах.

Как уже было отмечено выше, одним из базовых аспектов рассмотрения права является его понимание в качестве основного социального регулятора. В таком случае право понимается как система установленных, которые регулируют отношения в социуме (взаимосвязи разной временной протяженности, которые складываются между людьми, их общностями, формальными институтами, государством).

Понятие права имеет двойственную природу: объективное право и право субъективное. Право в объективном смысле раскрывается как система установленных государством норм. Важной характеристикой права в таком определении выступает закреплённость правил поведения членов социума, органов власти и управления в формализованных источниках (законах, постановлениях, судебных решениях с прецедентной силой, правовых обычаях) и их обязательность для исполнения, которая обеспечивается силой государственного принуждения.

В субъективном смысле право есть мера возможного или должного поведения лица (субъекта права). Данный аспект понимания права раскрывается в случае, если речь идет о праве индивида (например, право человека на жизнь).

С позиции философии права нам импонирует двойственная природа права, поскольку она коррелирует с естественно-правовым подходом к правам человека, в рамках которого постулируется неотчуждаемость определенных прав и факт их принадлежности каждому субъекту права уже с момента рождения.

На необходимость взаимосвязи естественного и положительного права указывали как отечественные мыслители, так и зарубежные [4]. Один из ярких представителей школы философии права и основоположников конституционного права России Б. Н. Чичерин отмечал, что «положительное право развивается под влиянием теоретических норм, которые не имеют принудительного значения, но служат руководящим началом для законодателей и юристов. Отсюда рождается понятие о праве естественном в противоположность положительному. Это не действующий, а потому принудительный закон, система общих юридических норм, вытекающих из человеческого разума и долженствующих служить

мерилом и руководством для положительного законодательства. Она и составляет содержание философии права» [25, с. 94].

Среди зарубежных представителей естественно-правового направления для целей данного исследования представляется интересным взгляды выдающегося американского философа права Лона Л. Фуллера. В его работах акцентируется внимание на проблематике соотношения права и морали, моральных начал права и правопорядка. «Внутренняя мораль права, — отмечал он, — требует, чтобы существовали правила, чтобы эти правила были известны, и чтобы их соблюдали те, на кого возложено проведение их в жизнь. Эти требования могут казаться этически нейтральными, если иметь в виду внешние цели права. Кроме того, так же как наличие права является предварительным условием хорошего права, действие в соответствии с заранее известным правилом является предварительным условием для любой содержательной оценки справедливости закона <...> Достоинство добросовестно построенного и применяемого правового порядка в том и заключается, что он представляет испытующему взгляду общества те правила, которыми он руководствуется в своих действиях» [24, с. 188–189].

Методологическая ценность двойственной природы права заключается в том, что в основе правовой нормы и права в целом должны быть моральные ценности общества, означающие, что свои исходные начала право получает от этики (или моральной философии). Эти начала, включая представление о легитимности государственных институтов, представляются нам крайне важными для выстраивания эффективной деятельности современных институтов правопорядка. Подлинная легитимность правоохранительной системы должна иметь естественно-правовые основания. Такое положение дел должно поддерживаться эффективной взаимной коммуникацией данной системы с обществом.

Для гармонизации объективного и субъективного смыслов права важно, чтобы право было воплощением действительной воли граждан, объективацией их естественных и неотчуждаемых прав. В противном случае право становится мощным инструментом органов власти и правопорядка, легитимирующих любые их решения и действия, вплоть до противоправных.

Оба вышеуказанных смысла права связаны с порядком, реализуются в его рамках, охраняются и обеспечиваются им посредством функционирования соответствующих институтов (органов) правопорядка.

Поэтому можно констатировать, что понятие «порядок» в большей степени характеризует деятельность этих самых институтов, основанных на нормах и правовых предписаниях.

В данном исследовании порядок мы рассматриваем как социальную категорию, сочетающую в себе субъективный и объективный факторы, в отличие от естественно-научного подхода, основанного на получении научного, эмпирического факта или некоей строгой упорядоченности элементов множества.

На первом уровне понимания порядка можно отметить, что порядок рассматривается как «состояние благоустроенности, надежности и организованности», противопоставляется «беспорядку, хаосу» [16, с. 234]. Вместе с тем следует иметь в виду идею относительности порядка и беспорядка. Так, Андре Конт-Спонвиль пишет: «Что же мы понимаем под беспорядком, а именно: не распознанный порядок. Отсюда порядок — это такой беспорядок, который легко вообразить, запомнить или использовать. Следовательно, оба понятия относительны <...> Таким образом, абсолютного беспорядка не существует потому, что не существует абсолютного порядка: есть лишь различные относительные порядки» [8, с. 121].

По утверждению О. В. Кильдюшова, «впервые в радикальном теоретическом виде проблема порядка была поставлена задолго до возникновения современной социальной философии и теоретической социологии — еще в середине XVII века классиком политической мысли Нового времени Томасом Гоббсом в его знаменитом “Левиафане” <...> поскольку именно он, исходя из своего реалистического (“пессимистического”) взгляда на человеческую природу (“негативной антропологии”) впервые в столь артикулированной форме поставил вопрос об условиях возможности социальной жизни по ту сторону всякого нормативизма, характерного для предшествующих модусов описания человеческих обществ» [7, с. 124].

М. А. Соболевская отмечает, что «в социологии термин “социальный порядок” имеет целый ряд логически связанных между собой значений. Во-первых, “порядок” относится к существованию определенных ограничений, запретов, контроля в общественной жизни. Во-вторых, указывает на существование взаимности в обществе: поведение каждого индивида не случайно и хаотично, но отвечает взаимностью или дополняет поведение других. В-третьих, охватывает элемент предсказуемости и повторяемости общественной жизни: люди могут действовать социально только

в том случае, если они знают, чего ожидают друг от друга. В-четвертых, может означать определенную согласованность, непротиворечивость компонентов социальной жизни, и, наконец, в-пятых, устойчивость, более или менее длительное сохранение всех форм» [17, с. 794].

Наиболее глубокий анализ концепция социального порядка получила в трудах Т. Парсонса, который утверждал, что социальный порядок — это объективная реальность, не требующая доказательств. «Я же всегда предполагал, — отмечает социолог, — что социальный порядок, хотя и несовершенный, *существует* реально, и вслед за этим задавался вопросом о том, при каких условиях можно объяснить этот факт его существования» [12, с. 258].

Анализируя данное умозаключение Т. Парсонса, М. А. Соболевская констатирует, что «если социальный порядок действительно существует (а эмпирическая реальность подтверждает этот факт), то, по мнению Парсонса, необходима теория, которая могла бы его объяснить. Но это должна быть такая теория, которая вышла бы за пределы классического утилитаристско-экономического объяснения человеческого действия, которое сводит все к выгоде <...> Решение поставленной задачи предлагается Парсонсом в разработке нормативистской теории действия, которая становится основой его теории порядка» [17, с. 795].

Для Т. Парсонса, структура является элементом, упорядочивающим взаимодействующие части, т.е. единство социальных действий, находящихся в динамике. Структура понимается им как нормативный порядок, включающий в себя социальный порядок и социальные нормы, которые должны опираться на общие ценности и нормы. Действия отдельного индивида, таким образом, должны соотноситься с действиями других индивидов и общества в целом, что в конечном итоге ведет к теоретическому синтезу социального действия и социального порядка.

Опираясь снова на исследование О. В. Кильдюшова, можно отметить, что проблематика порядка исследовалась также в созданных «в XVII и XVIII веках вслед за Гоббсом теории общественного договора в версиях Джона Локка [9], Жан-Жака Руссо [15] и Иммануила Канта [6] <...> как попытка обоснования в условиях краха традиционных феодальных структур господства нового общественного порядка, который опирается не на “вечные” иерархии сословного общества, а на типично модерную свободу решений рациональных акторов» [7, с. 124].

Проблема порядка обсуждалась впоследствии на крупном научном

форуме в Германии. «В сборник его материалов вошли тексты Ганса-Георга Гадамера, Ганса Блюменберга, Германа Люббе, Юргена Хабермаса и Карла-Отто Апеля (Kuhn, Wiedmann, 1962)», а также на прошедшем позднее в США междисциплинарном конгрессе, «в сборнике материалов которого были опубликованы статьи Толкотта Парсонса, Эрика Фегелина и др. (Kuntz, 1968)» [7, 127].

В настоящее время исследования порядка имеют глобализационный характер, направленный на обсуждение проблем мирового порядка. Выдающимися учеными и общественными деятелями разных стран ведутся дискуссии относительно многомерности структуры мирового порядка, полярности мира (биполярность, однополярность, многополярность) на современном этапе развития человечества, необходимости установления принципов и свода правил взаимодействия стран с целью обеспечения международной стабильности и безопасности [18].

Таким образом, если право — категория сугубо юридическая, порядок — категория социальная, возникшая задолго до объективного (или положительного) права. Поэтому можно утверждать, что синтез их (право и порядок) рождает совершенно новую категорию, которая носит междисциплинарный характер.

Многогранность категории правопорядка предполагает разные методологические инструменты и подходы, которые могут быть использованы в качестве оснований для его исследования.

Правопорядок, безусловно, связан с политической организацией общества и политическим режимом. Отсюда, порядок политический — это «соотношение организационных форм политического процесса и норм политического поведения граждан, при котором сохраняется минимально необходимая стабильность режима правления. Политический порядок проявляется в легитимности, эффективности деятельности властных структур, в постоянстве норм и ценностей политической культуры, привычности типов поведения, устойчивости политических отношений» [3].

Социально-философский анализ категории правопорядка предполагает изменение вектора исследования от формально-юридического аспекта к нравственно-этическому. Опыт Советского Союза с его тоталитарным режимом, а также постперестроечный период, который начался в середине 80-х годов прошлого века, свидетельствуют о том, что преимущественно насильственный характер в технологии право-

порядка необходимо снижать в силу того, что, во-первых, сами по себе насильственные методы утрачивают свою эффективность, во-вторых, растет отчуждение публичной власти от общества.

Практика многих европейских стран, а также России показывает, что наибольший эффект в установлении правопорядка имеют ненасильственные технологии при тесном взаимодействии органов правопорядка с гражданами. Показательным в этой связи является динамика отношений власти и общества, начиная с 90-х годов прошлого века в России: многие нормы уголовного права декриминализованы, т.е. составы многих преступных деяний перешли в сферу административных проступков; первые части некоторых статей особенной части Уголовного кодекса РФ предусматривают в качестве санкций денежные штрафы или обязательные работы вместо ранее предусмотренных более строгих наказаний (ограничение или лишение свободы); создаются различные общественные советы при законодательных (представительных) органах, федеральных органах исполнительной власти и исполнительной власти субъектов РФ [22]; сформирована Общественная палата РФ — постоянно действующий консультативно-совещательный орган, призванный «обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, иных некоммерческих организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, конституционного строя Российской Федерации и демократических принципов развития гражданского общества в Российской Федерации» [21] и др.

Такие процессы особенно необходимы в нашей стране в первую очередь для культурологической основы правопорядка. По мнению современного исследователя, «для западноевропейской философской культуры характерна дискретно-инструментальная интерпретация правопорядка, а для российской культуры характерна морализация правового сознания и соответствующая этому континуально-теологическая модель видения этого феномена. Поскольку эти мировоззренческие стратегии в определенной мере зеркально отражают один и тот же феномен, то прямое заимствование правового инструментария и технологий непродуктивно и чревато в большей мере потерями, нежели позитивными результатами» [1, с. 5].

Социальная стратегия правопорядка и в России, и в западных странах заключается, на наш взгляд, не только в юридической формализации складывающихся новых общественных отношений, но и необходимости при их создании непрерывного учета нравственных, социальных, культурных, экономических, личностных и других аспектов исторической реальности. Важно, чтобы правопорядок органично сочетался с социально-культурными основами общественного бытия. В этом случае он понимается субъектом права как всеобщий принцип гармоничного социального пространства, а не как инструмент, направленный на разрешение различного рода конфликтов. «Феномен правопорядка, — считает В. А. Артемов, — может быть более адекватно понят и проанализирован, если будет рассмотрен не столько как социальное, сколько как социетальное образование. Такой ракурс анализа позволяет осуществить смещение методологического центра тяжести, которое позволяет полнее учесть в процессах правового нормирования не только структурный, функциональный аспекты, но и культурологический “срез” этого феномена, понять его в качестве особого явления культуры» [1, с. 5].

По мнению Ю. Хабермаса, важнейшей основой при принятии норм права является синтез легальности и легитимности правотворчества и правоприменения [27, с. 664]. Легальность и легитимность рассматриваются ученым как форма и содержание, т.е. фактическая данность нормы и ее социальная значимость, как результат «общей воли» [26, с. 369].

Исследование сущности социально-культурных основ правопорядка позволяет охарактеризовать и переосмыслить комплекс тактических и стратегических задач, стоящих перед российским государством, а также определить их динамику с целью гармонизации общественных отношений и отношений с властью. «Правапорядок в современном российском обществе — ключ к решению основных проблем модернизации страны <...> поскольку именно способность к регулированию социальных отношений посредством институтов и инструментов права выражает в интегрированном виде потенции и действенность современного государства, его реальные возможности направлять, регулировать и контролировать усложняющуюся динамику социальных систем» [1, с. 5].

Сущностное содержание категории правопорядка исследуется в рамках современной философии права. Исследователи справедливо отмечают: «Наиболее распространенная в современной российской правовой теории трактовка данного понятия такова: это сфера общественного порядка

или фактический порядок общественных отношений, урегулированный действующим правом» [23, с. 328].

С точки зрения М. И. Байтина, правопорядок — это «порядок в общественных отношениях, регулируемых правом, при котором гарантируется реализация субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношений, обеспечивается их правомерное поведение, осуществление законности» [2, с. 420]. В таком понимании акцентируется функция правопорядка по отношению к субъективным правам граждан.

Важным в предлагаемом определении представляется указание на его дуализм «состояние — процесс»: правопорядок — динамичное явление правовой действительности, которое выражает и «статический» результат воздействия правовых норм на общественные отношения, и их перманентную реализацию в конкретных правоотношениях (как при правомерном, так и противоправном поведении индивидов). Данное определение также указывает на гарантийный и обеспечительный характер правопорядка (и соответственно — его институтов) по отношению к индивидам и их общностям. Обеспечение надлежащих условий для реализации и защиты прав, свобод и законных интересов является, на наш взгляд, концептуально важной чертой правопорядка.

Институты правопорядка: правовой и социально-философский аспекты

Под институтом правопорядка чаще всего подразумевается орган исполнительной власти — правоохранительный орган как институциональная форма права. Данное понятие также является дискуссионным в силу того, что имеет множество определений и многообразие органов правопорядка, которые классифицируются по характеру правового интереса, методу осуществления деятельности, направленности правоохранительного интереса, форме образования, целям, задачам, функциям и иному их предназначению. Отсутствует также законодательное закрепление данного понятия [10].

Некоторые исследователи предлагают определить органы правопорядка через правоохранительную деятельность, характеризуя ее как «деятельность государства, которая осуществляется с целью охраны права специально уполномоченными органами путем применения юридических мер воздействия в соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка» [14, с. 11]. В соответствии с признаками правоохранительной деятельности (охрана права,

специально уполномоченные органы, юридические меры воздействия, строгое соблюдение процессуального порядка) предлагается следующее определение правоохранительных органов: «Правоохранительные органы — это специально уполномоченные государством органы, основной функцией которых является охрана законности и правопорядка, защита прав и свобод человека, борьба с преступностью» [14, с. 12].

Существуют также различные классификации правоохранительных органов. По наиболее общей классификации их можно разделить на государственные и негосударственные. К государственным относятся судебные органы, прокуратура РФ, Следственный комитет РФ, Министерство внутренних дел РФ, Федеральная служба безопасности РФ, Совет Безопасности РФ, Министерство юстиции РФ, Федеральная налоговая служба РФ, Уполномоченный по правам человека в РФ и др. К негосударственным органам относятся адвокатура, нотариат, третейские суды, а также субъекты права, осуществляющие частную детективную и охранную деятельность.

Можно также классифицировать органы правопорядка в широком диапазоне направления их деятельности: органы, призванные выявлять и расследовать преступления; органы, оказывающие юридическую помощь различным субъектам права; органы, обеспечивающие правопорядок и безопасность; органы, осуществляющие правосудие.

Исходя из вышеизложенного, мы можем предложить следующее определение органов (или институтов) правопорядка: институты правопорядка — органы и организации, создаваемые в государстве для установления и поддержания гарантированного правового порядка с целью обеспечения в обществе условий для реализации и защиты прав, свобод и законных интересов граждан и других субъектов права, находящихся в интерактивной коммуникации, в процессе транспарентного освещения собственной деятельности, а также применения санкций за правонарушения.

Сущностные признаки правового порядка и его институтов определяют функции институтов правопорядка в современном социуме:

- упорядочивающая (установление порядка в противоположность хаосу, появляющемуся в случае нерегламентированности отношений внутри общества);
- стабилизирующая (поддержание стабильного состояния социума);
- принудительная (обеспеченность права силой государственного принуждения);

- карательная (применение наказания за нарушения, обладающие признаками общественной вредности или общественной опасности);
- правоохранительная (реализация комплекса мер по защите прав и свобод граждан);
- коммуникационная (выстраивание системной эффективной коммуникации с гражданами).

Коммуникационную функцию в современном усложняющемся информационном обществе мы считаем принципиально важной для эффективного функционирования и развития институтов правопорядка. Широкий диалог власти и гражданского общества — это залог интеграции органов правопорядка с населением. По нашему мнению, при институционализации общественных отношений проблемой может стать информационная изоляция. Для ее недопущения власть должна все время поддерживать каналы обратной коммуникации на всех этапах нормотворческого процесса, а также при реализации нормативных актов [5, с. 80]. Особую актуальность это положение приобретает в отношении институтов правопорядка, для деятельности которых транспарентная и двусторонняя коммуникация является залогом успешного осуществления стоящих перед ними задач.

В рамках выстраивания постоянной коммуникации важно правовое просвещение граждан. Воспитание и повышение уровня правовой культуры, развитие правосознания являются важными факторами повышения качества деятельности институтов правопорядка, поскольку они находятся в диалектической взаимосвязи с обществом, обладающим определенным уровнем правовой культуры. Чем выше такая культура, тем выше требования, предъявляемые социумом к обеспечивающим его права институтам, и тем больше внутренняя ответственность лиц, задействованных в самих институтах правопорядка.

В российском законодательстве нормативным документом, закрепляющим подход к правовому просвещению и повышению уровня правовой культуры (отраженным в просветительской функции институтов правопорядка) являются, в частности, Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан 2011 года (далее — Основы) [11]. В этом нормативном акте подчеркивается, что законная деятельность правоохранительных органов, направленная на поддержание правопорядка и пресечение противоправных деяний, оказывает влияние на формирование пози-

тивного типа правосознания.

Согласимся, что для обеспечения правопорядка в обществе крайне важно, чтобы деятельность институтов правопорядка являлась именно позитивным примером. Следует отметить, что в Основах среди условий, способствующих распространению правового нигилизма, не указывается на недостатки в деятельности правоохранительных органов. На наш взгляд, этот фактор следовало бы отразить в документе, имеющем концептуальный характер для дальнейшего совершенствования государственной политики в соответствующей сфере. Отметим также, что в Основах не уделено достаточного внимания также вопросам выстраивания благоприятного образа институтов правопорядка, проблемам восприятия их деятельности гражданами и обратной связи.

Коммуникационный аспект представляется особо важным еще и потому, что невозможно представить выполнение просветительской функции правоохранительными органами, если в основе не лежит их позитивный облик, строящийся, в том числе, на их эффективной коммуникации с обществом.

Полагаем, что данный нормативный документ нуждается в дополнении и изменении с учетом вышеуказанных положений, для того чтобы явиться правовым ориентиром для деятельности институтов правопорядка.

Заключение

В результате проведенного исследования авторы приходят к следующим выводам:

1. Представляется важным изучение правопорядка и институтов правопорядка не только с точки зрения их структурных или функциональных оснований, а в большей степени культурологического, т.е. более широкого ценностного аспекта, поскольку недостаточно их рассматривать только в правовом дискурсе.

2. Необходимо, на взгляд авторов, чтобы институты правопорядка, как инструменты воплощения правопорядка, воспринимались обществом не только как легитимные органы насилия, противопоставляющие себя противоправным деяниям, а как часть гражданского общества, направленная на соблюдение законов, поддержание стабильности в государстве и гармонизацию общественных отношений. Недостаточная интегрированность институтов правопорядка с обществом и приоритет в их

деятельности насильственных действий неизбежно ведут к снижению взаимодействия с обществом.

3. Насильственные действия, даже если они основаны на законе и других нормативных актах, порождают отчуждение власти от социума, ведут к негативному восприятию даже правомерных действий органов правопорядка. В результате теряется эффективность такого рода правопорядка. Безусловно, не исключая такие методы, институты правопорядка в то же время должны быть нацелены не только на раскрытие правонарушений и применение наказаний, но и на их превенцию, то есть меры профилактического характера.

4. Кадровому отбору необходимо уделять особое внимание, так как наделенные властными исполнительно-распорядительными полномочиями должностные лица не всегда реагируют на правонарушения должным образом (зачитывание прав подозреваемого при задержании, объяснение причин задержания; поиск доказательств, не только уличающих правонарушителя, но и оправдывающих его и др.), а порой даже злоупотребляют своими полномочиями.

5. Органы правопорядка необходимо создавать с учетом ценностных особенностей страны. Если западноевропейские страны делают акцент на юридизацию и формализацию практически всех сфер общественной жизни, включая нравственные основы, то в России преобладает духовная составляющая и морализация правового порядка. Ярким примером является школа философии права в России на рубеже веков (XIX — XX вв.).

6. Необходимо постепенно устранять деформацию между правом, как сводом установленных демократическим образом законов, и правоприменительной практикой, когда органы правопорядка и судебные органы в некоторых случаях совершенно по-разному толкуют нормы права. Такая практика усиливает отчуждение публичной власти и органов правопорядка от населения.

7. Вектор видения институтов правопорядка и их стереотипы следует направить в сторону личности как высшей ценности, защиты ее прав и законных интересов, предоставляя ей все больше возможностей для раскрытия своего творческого потенциала, в том числе и в сфере управления государством.

Литература

1. *Артемов В. А.* Правопорядок в современном российском обществе: социально-философский анализ: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.10. М., 1999. 352с.
2. *Байтин М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005. 544 с.
3. *Василик М.* Политология: Словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. М.: Гардарики, 2001. 328 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/15.php (дата обращения: 21.09.2021).
4. *Денильханов А. Х.* Идея естественного права в политической мысли России (конец XIX — начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. Изд-во Моск. ун-та (М.), 2010. № 1. С. 107–109.
5. *Денильханов А. Х., Муратишина Ю. Р.* Правовая коммуникация и право на коммуникацию // Ценности и смыслы. 2020. № 5 (69). С. 74–92.
6. *Кант И.* О поговорке «Может, это и верно в теории, но не годится для практики» / Пер. с нем. Н. Вельденберга // Кант И. Собрание сочинений в 8-ми тт. Т. 8. М.: Чоро. 1994. С. 158–204.
7. *Кильдюшов О. В.* Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 122–149.
8. *Конт-Спонвиль А.* Философский словарь. Dictionnaire philosophique / Андре Конт-Спонвиль; [пер. с фр. Е. В. Головиной]. М.: Этерна: Палимсест, 2012. 750 с.
9. *Локк Дж.* Два трактата о правлении / Пер. с англ. Е. С. Лагутина, А. Л. Субботина, Ю. В. Семенова // Локк Дж. Сочинения в 3-х тт. Т. 3 М.: Мысль. 1988. С. 135–405.
10. *Лукичев Ю. А.* Проблемы учебной дисциплины «Правоохранительные органы» // Научный журнал «Право и образование». 2017. № 4. С. 64–72.
11. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан 2011 года. Утверждены Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 года № Пр-1168 // «Российская газета», № 151, 14.07.2011.
12. *Парсонс Т.* Система современных обществ // Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
13. Платон. Государство // Сочинения: в 4 т. Т. 3. Ч. 1. Под общей ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб., 2007. 493 с.
14. Правоохранительные органы: курс лекций и учебно-методические материалы / Под ред. Ю. А. Лукичева. СПб.: Астерион, 2020. 336 с.
15. *Руссо Ж.-Ж.* Общественный договор, или Начала политического права / Пер. с франц. С. В. Занина // Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб.: Росток, 2013. С. 116–239.
16. Словарь современного русского литературного языка [Текст] / Ред. коллегия: ... д-р филол. наук Ф. П. Филин (пред.). М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. Ленинградское отделение. (Библиотека «Огонек»). Т. 10: По — Поясочек / Ред. К. А. Тимофеев и Н. М. Медевец, 1960. 1774 стб.
17. *Соболевская М. А.* Проблема социального порядка в современной социоло-

гической теории: от дискурса порядка к порядку дискурса // Молодой ученый. 2013. № 12 (59). С. 794–798. URL: <https://moluch.ru/archive/59/8423/> (дата обращения: 21.09.2021).

18. *Солянова М. В.* Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-mirovogo-poryadka-v-sovremennyh-zapadnyh-issledovaniyah/viewer> (дата обращения 21.09.2021 г.).

19. *Сорина Г. В.* Экспертный анализ текста: методология и практика. Учебное пособие / Г. В. Сорина. М.: Издательский центр АНОО «ИЭТ», 2017. 182с.

20. Социология права: курс лекций: [в 2 т.] / [А. Г. Бережнов и др.]; отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Проспект, 2015. Т. 1. 366 с.

21. Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об Общественной палате Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/f172539c9dd0ac1e82d7e2e08686bf31f6cff18/ (дата обращения: 21.09.2021).

22. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 21.09.2021).

23. Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. Т. 2. Отв. ред. М. Н. Марченко. М. Проспект, 2011. Лекция 30. «Правопорядок: философско-теоретический разбор». 555 с.

24. Фуллер Лон Л. Мораль права / Лон Л. Фуллер; пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007. 308 с.

25. *Чичерин Б. Н.* Философия права. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 336 с.

26. *Habermas J.* Faktizität und Geltung. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992. 704 p.

27. *Habermas J.* Kultur und Kritik. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973. 397 p.

28. Vitaly Pronskikh, Galina V. Sorina. Expert Text Analysis in the Inclusion of History and Philosophy of Science in Higher Education // [Электронный ресурс]. URL: <https://rdcu.be/cxZdH> (дата обращения: 21.09.2021).

THE RULE OF LAW AND THE INSTITUTIONS OF LAW AND ORDER IN MODERN SOCIETY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The article is devoted to the scientific and philosophical study of the concepts of "legal order" and "institutions of law and order". Along with legal ones, the socio-cultural foundations of the rule of law are analyzed, due to its specifics and the prospects for development in modern Russia. The authors present the analysis of law enforcement agencies — special social institutions designed to perform organizational and regulatory functions of public administration through legal norms.

The theoretical and / or practical significance of the research is to expand

the range of scientific and philosophical understanding of the phenomenon of law and order and law enforcement institutions from the position of social philosophy. The socio-philosophical understanding of the institutions of law and order characterizes them not only as executive authorities that formally perform their functions, but also as structures focused on ensuring the stability, stability and harmonious development of a state-organized society.

The methodological basis of the research are the methods: dialectical, abstract-logical, phenomenological, system analysis and synthesis.

As a result of the conducted research, the authors come to the conclusion that it is necessary to change the vector of analysis of law enforcement institutions from their structural or functional bases to a culturological, i.e. to a broader value aspect associated with social harmonization.

Keywords: law, philosophy of law, order, law and order, law enforcement agencies, institutions of law and order, public administration.

References

- *Artemov V. A.* Law and order in modern Russian society: Socio-philosophical analysis: dis. ... doct. philos. Sciences: 09.00.10. M., 1999. 352 p. [In Rus].
- *Baitin M. I.* The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). 2nd ed., add. m.: Law and the state, 2005. 544 p. [In Rus].
- *Chicherin B. N.* Philosophy of Law. Moscow: Tipo-lit. T-va I. N. Kushnerev and Co., 1900. 336 p. [In Rus].
- *Comte-Sponville A.* Philosophical Dictionary. Dictionnaire philosophique / Andre Comte-Sponville; [translated from the French by E. V. Golovina]. Moscow: Eterna: Palimpsest, 2012. 750 p. [In Rus].
- *Denilkanov A. Kh.* The idea of natural law in the political thought of Russia (late XIX-early XX century) // Bulletin of the Moscow University. Series 12: Political Sciences. Publishing house of Moscow. un-ty (Moscow), 2010. № 1. Pp. 107–109. [In Rus].
- *Denilkanov A. Kh., Muratshina Yu. R.* Legal communication and the right to communication // Values and meanings. 2020. № 5 (69). Pp. 74–92. [In Rus].
- Dictionary of the modern Russian literary language [Text] / Editorial Board: ... Doctor of Philology F. P. Filin (pred.). M.-L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Leningrad branch. (Library "Ogonyok"). Vol. 10: Po-Zasochek / Ed. K. A. Timofeev and N. M. Medets, 1960. 1774 stb. [In Rus].
- Federal Law No. 32-FZ of 04.04.2005 (as amended on 11.06.2021) «On the Public Chamber of the Russian Federation». [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/f172539c9d0ac1e82d7e2e08686fbf31f6cff18/ (data obrashcheniya: 21.09.2021). [In Rus].
- Federal Law No. 212-FZ of 21.07.2014 (as amended on 27.12.2018) «On the basics of public Control in the Russian Federation». [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (data obrashcheniya: 21.09.2021). [In Rus].
- *Fuller Lon L.* The morality of law / Lon L. Fuller; translated from the English by T. Danilova, edited by A. Kuryaev. Moscow: IRISEN, 2007. 308 p. [In Rus].
- Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of development

of legal literacy and legal awareness of citizens in 2011. Approved by the President of the Russian Federation on April 28, 2011, № Pr-1168 / / «Rossiyskaya Gazeta», № 151, 14.07.2011. [In Rus].

- *Habermas J.* Faktizitat und Geltung. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992. 704 p.
- *Habermas J.* Kultur und Kritik. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973. 397 p.
- *Kant I.* About the saying «Maybe this is true in theory, but it is not suitable for practice» / Per. with German N. Veldenberg / / Kant I. Collected works in 8 volumes, vol. 8. M.: Choro. 1994. Pp. 158–204. [In Rus].
- *Kildyushov O. V.* The problem of social order (the Hobbesian problem): to the heuristics and pragmatics of the constitutive question of the modern theory of society / / Sociological Review. 2016. Vol. 15. No. 3. Pp. 122–149. [In Rus].
- Law enforcement agencies: a course of lectures and educational materials / Edited by Yu. A. Lukichev. St. Petersburg: Asterion, 2020. 336 p. [In Rus].
- *Locke J.* Two treatises on government / Translated from the English by E. S. Lagutina, A. L. Subbotina, Yu. V. Semenova // Locke J. Essays in 3 t.t. 3 m.: Thought. 1988. Pp. 135–405. [In Rus].
- *Lukichev Yu. A.* Problems of the academic discipline «Law enforcement agencies» / / Scientific journal «Law and Education». 2017. № 4. Pp. 64–72. [In Rus].
- *Parsons T.* System of modern Societies / / Translated from English by L. A. Sedova, A. D. Kovaleva. Edited by M. S. Kovaleva. M.: Aspect-Press, 1998. 270 p. [In Rus].
- Philosophy of Law. Course of lectures: textbook: in 2 t.t. 2. Ed. M. N. Marchenko. M. Prospect, 2011. Lecture 30. «Law and order: philosophical and theoretical analysis». 555 p. [In Rus].
- *Plato.* The State / / Essays: in 4 vols. 3. Part 1. Under the general editorship of A. F. Losev and V. F. Asmus. St. Petersburg, 2007. 493 p. [In Rus].
- *Rousseau J.-J.* The social contract, or the Beginning of political law / Trans. from French by S. V. Zanina / / Russo Zh.—Zh. Political essays. St. Petersburg: Rostock, 2013. Pp. 116–239. [In Rus].
- *Sobolevskaya M. A.* The problem of social order in modern sociological theory: from the discourse of order to the order of discourse / M. A. Sobolevskaya.— Text: direct // Young scientist. 2013. № 12 (59). Pp. 794–798. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://moluch.ru/archive/59/8423/> (data obrashcheniya: 15.09.2021). [In Rus].
- Sociology of Law: course of lectures: [in 2 volumes] / [A. G. Berezhnov et al.]; ed. by M. N. Marchenko. M.: Prospekt, 2015. Vol. 1. 366 p. [In Rus].
- *Solyanov M. V.* The problem of world order in modern Western studies. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-mirovogo-poryadka-v-sovremennyh-zapadnyh-issledovaniyah/viewer> (data obrashcheniya: 21.09.2021). [In Rus].
- *Sorina G. V.* Expert analysis of the text: methodology and practice. Textbook / G. V. Sorina. M.: Publishing center of ANOO «IET», 2017. 182 p.
- *Vasilik M.* Political Science: Dictionary-reference / M. A. Vasilik, M. S. Vershinin et al. M.: Gardariki, 2001. 328 p. [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/15.php (data obrashcheniya: 21.09.2021). [In Rus].
- *Vitaly Pronskikh, Galina V. Sorina.* Expert Text Analysis in the Inclusion of History and Philosophy of Science in Higher Education // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rdcu.be/cxZdH> (data obrashcheniya: 21.09.2021).

В. В. Назарова

Аспирант Института стратегии развития образования РАО, Москва
E-mail: polkovodc93@mail.ru

*Victoria V. Nazarova,
Postgraduate student of
the Institute for Strategy
of Education Development
of the Russian Academy
of Education, Moscow,
Russia*

О взаимовлиянии науки, политики и образования

Развитие науки является одним из основополагающих факторов, способствующих становлению современного общества. Наука в числе прочих задач ставит перед собой и задачу развития общества и государства, улучшение условий жизни личности. Несмотря на повсеместное применение результатов трудов ученых, порой с внедрением научных результатов возникают проблемы, в том числе политического характера. В этой связи представляется целесообразным проследить взаимное влияние науки и политики на примере системы образования, основной целью которой является обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства. В качестве примера, демонстрирующего связь науки и политики в области образования, предлагается рассмотреть период системной модернизации общего образования, происходивший в России в конце XX — начале XXI века. В этот период произошли переломные изменения в сфере образования, осуществлен отказ от советской идеологии, переход к новым подходам и методам обучения и воспитания. Конечно, в настоящее время уже стало ясно, что далеко не все изменения были позитивными, ситуация перелома в 1990-е годы в достаточной мере проблематизирована, и исследовать этот вопрос весьма интересно, однако не это является предметом данной статьи.

В рамках данной работы представляется важным обратить внимание на философское осмысление научной и политической сфер жизни общества, поскольку именно философия стремится создать обобщенную картину мира и, посредством рационального мышления, определить место человека

Как цитировать статью: Назарова В. В. О взаимовлиянии науки, политики и образования // Ценности и смыслы. 2021. № 5 (75). С.64–76.

в этом мире. Для того, чтобы показать взаимовлияние науки и политики, их влияние на систему образования, следует обратиться к таким разделам философии, как философия науки и политическая философия.

Ключевые слова: *система образования, модернизация, наука, политика, философия.*

Введение

В статье используются понятия, определяющие философию науки как исследование природы «научного знания, его структуру и функции, методы научного познания, способы обоснования и развития научного знания» [12]. Политическая философия, в свою очередь, сосредоточена на рассмотрении вопросов природы политики, ее важности для человека, того, каким образом складываются отношения между личностью, обществом и государством [11].

Понимание процессов связи политики и науки невозможно без применения рационального мышления, используемого философией. Постигая мир, философия разработала разделы, к которым в данном случае следует обратиться, исследуя вопрос связи между такими сферами человеческой деятельности как «наука» и «политика». Речь идет о политической философии и философии науки. Обращение к рассмотрению трактовок некоторых, казалось бы, известных понятий, в различных словарях, позволило обратить внимание на существенные аспекты. Важно пронаблюдать, какие определения понятию «политика» даются в словарях политологических, по политической философии и философской энциклопедии. Внимание к предлагаемым определениям связано с тем, что политика изучается как минимум двумя областями: во-первых, самой наукой о политике, то есть политологией, во-вторых — политической философией, рассматривающей политику через призму политических ценностей и ее идей [11].

Характерно, что философские словари предлагают различные термины к обоснованию политики. Так, встречается определение, характеризующее политику как сферу действительности, представляющую собой отношения между группами людей и связанную с проблемой «завоевания, удержания и использования государственной власти» [13]. Схожим является термин, предлагаемый Новейшим философским словарем, который определяет политику как сферу деятельности, для которой характерно распределение «власти внутри государства и между государствами» [8]. В этом же определении устанавливается, что общественный

порядок, обеспечиваемый политикой, достигается посредством «четкого разграничения отношений господства и подчинения» [8]. Интересно вспомнить, что постулат А. А. Богданова о «господстве и подчинении» [3] именно в образовании развивает в своих работах С. В. Иванова: «Обратим внимание, как Богданов в способах и приемах преподавания видел социально-политические проблемы. Вероятно, ни один ученый не изучал дидактические вопросы с такой стороны. Обучение и наличие знания Богданов рассматривает как средства господства. Так, с его точки зрения, было всегда, начиная с Древнего Египта и Вавилона, где жрецы осуществляли властные полномочия потому, что они владели знаниями и могли с их помощью организовать жизнь в государстве. Жрецы управляли государством, диктуя систему правления фараону; руководили любыми работами: земледельческими, оросительными, инженерными, строительными, дорожными и т.д» [5].

Приведенные определения из словарных источников и позиции исследователей демонстрируют, что с точки зрения данной области философии политика связана в первую очередь с завоеванием и удержанием власти на государственном уровне. Невольно представляется, что получение доступа к власти является самоцелью политики и политических деятелей.

Вместе с тем политический толковый словарь предлагает несколько иное определение, отличное по своей сути от того, что предлагают философские толкования: «политика как общее понятие подразумевает применение на практике искусства или науки руководства и управления государствами или другими политическими образованиями» [1].

Предлагаемое толкование имеет существенно отличающийся подход. Во-первых, политика становится «искусством или наукой», благодаря которым осуществляется руководство такой крупной системой, как государство. В приведенном определении не сделан акцент на удержании власти как самоцели. Наоборот, политика здесь выступает в качестве некоторой научно обоснованной практики по управлению государственной системой.

Характерно то, что в поддержку предложенного термина можно привести высказывания А. П. Огурцова, который подчеркивал связь между политикой и наукой. По мнению А. П. Огурцова, государство (что подразумевает и политическую его составляющую) с помощью науки решает свои проблемы. В то время как наука, используя собственные знания, оказывает влияние на принятие управленческих политических

решений [10]. Следовательно, политика стремится использовать фактор научного обоснования. В рамках данного исследования представляется более объективным подход к пониманию политики, предложенный политическим толковым словарем, нежели философскими. Безусловно, здесь следует сделать акцент на окружающую государство политическую жизнь, уровень вовлеченности граждан в политику и ее влияние на общественную жизнь в тот или иной период времени.

Обсуждение

Одним из политически ярких периодов российской истории является время перестройки и затем распад Советского Союза, фактически это был короткий период, определяемый обычно 1985–1991 гг. Далее мы уже говорим о ситуации в России. Преобразования в бизнесе, политике, общественной жизни привели к масштабным изменениям в стране. Однако в рамках данной статьи мы сконцентрировали свое внимание на политической деятельности и ее связи с наукой и образованием.

Нельзя не отметить серьезные изменения в научном статусе политиков, государственных деятелей, законодателей. Отметим, что А. В. Юревичем дана статистика [14] по количеству политических деятелей, имеющих научные степени, в 1998 году. Среди членов Правительства Российской Федерации более половины имели ученые степени, половина министров имели ученую степень докторов наук, при этом количество кандидатов наук было вдвое меньше (24%). Для депутатов Государственной Думы статистика имеет обратные характеристики: пятая часть депутатов являлась кандидатами наук и 12% — доктора наук. Схожее процентное соотношение имели руководители фракций [14]. При этом данные показатели вовсе не свидетельствуют о непосредственном переходе ученых к профессиональной политической деятельности. Следует помнить и об упрощенной процедуре доступа к получению ученых степеней среди лиц, занимающих государственные должности, поскольку многие высшие учебные заведения имели статус государственных и в переходный период девяностых годов. А. Ю. Юревич объясняет желание политиков получить ученые степени тем, что со времен СССР в сознании общества лица, имеющие ученые степени, имели особый социальный статус и уважительно воспринимались гражданами страны. Надо учесть и «экспертность», которая становилась одним из неотъемлемых качеств политика, имевшего степень кандидата или доктора наук. В целом и в современных

российских реалиях такая тенденция не утратила своей актуальности, однако значительно ужесточился доступ к получению ученых степеней.

В переходный период девяностых годов XX века политика оказала и еще одно отрицательное влияние на научную сферу. В целом, начиная с периода перестройки, в России существует проблема, связанная с эмиграцией научных работников.

Упадок науки в России 90-х годов, снижение уровня жизни всех, включая ученых, объясняет отток ученых за рубеж. Очевидно, что политические преобразования послужили причиной общего оттока интеллектуальных кадров из научной сферы: кто-то предпочел заниматься бизнесом, другие ушли в политику, но многие покинули страну (появилось публицистическое клише — «утечка мозгов»).

Отчасти эта тенденция не преодолена и по сей день: недостаточный объем финансовых вложений в научную сферу, непрестижность статуса научного работника становятся причинами для трудовой миграции ученых. Для российской науки характерно и стремительное старение кадров. При том, что на государственном уровне имеется понимание необходимости притока молодых кадров в науку, пока потери 90-х годов не преодолены. К сожалению, данная проблема на протяжении девяностых годов в нашей стране углублялась из-за системного экономического кризиса и нехватки финансовых ресурсов для их распределения в научную отрасль, из науки исчезли целые поколения и сейчас их возмещение уже практически невозможно, в настоящее время требуются значительные усилия для прихода в науку молодых кадров.

Однако и этот приход затруднен в силу того, что вышеуказанные факторы стали причиной не только подрыва потенциала российской науки, но и ее авторитета. Мы наблюдаем уже достаточно отдаленные негативные последствия, и несмотря на то, что современное общество и власть осознает, что человеческий капитал имеет ведущую роль в вопросах изменения качества жизни в стране и в мире, преодоления этих последствий еще не произошло.

Возвращаясь к обсуждению вопроса связи науки и политики, отмечаем, что их взаимодействие несводимо исключительно к уходу исследователей в политические структуры. XXI век по праву считается веком открытий, изменивших жизнь общества. Благодаря стремительному развитию науки современное общество высокими темпами проходит свои этапы развития. Влияние научных достижений, быстрая смена

цивилизационных укладов оказывает свое воздействие на политические структуры.

Многие ученые сотрудничают с властью по разным научным и политическим аспектам, при этом активно и эффективно ведут исследовательскую деятельность. Реалии современной политической жизни демонстрируют, что ученым необходимо иметь высокие научные достижения и популярность в научном сообществе, ведь тогда они более привлекательны для властных структур в качестве экспертов, консультантов и советников, их идеи вызывают большее доверие. При всех возможностях влияния ученых на управленческие и законодательные структуры, они, конечно, не несут ответственности за принятие управленческих решений.

Как справедливо отмечал Питер Дрент, являвшийся в 2003 году президентом Союза европейских академий, полномочия науки и политики следует различать, при этом организуя их эффективное взаимодействие. Задача ученых состоит в подготовке проектов, разработке путей их осуществления либо оценки их неосуществимости, проработке возможности успеха и учета потенциальных рисков. Данная информация должна быть донесена в нужной форме для представителей политических структур, а уже их задача — оценить необходимость принятия управленческих решений на основе данных, полученных от науки. В качестве одного из примеров приводится характерное утверждение: наука оценила риски и последствия от курения табачных изделий, однако наука не отвечает за законодательные инициативы по ограничению либо запрету на курение [7].

Впоследствии наука, конечно же, соберет эмпирические данные для подтверждения или опровержения эффективности принятых политических решений. В дальнейшем политики вновь должны оценить данные, полученные наукой, для реализации вверенных им полномочий.

Аналогично, наука проводит исследования по эффективности применения тех или иных видов вооружения, однако принимают решения об их использовании в дальнейшем политические структуры. Следует дополнительно отметить, что данный вопрос касается уже не только науки и политики, но и этических принципов. Среди ярких примеров — это открытия в области атома: с одной стороны — это мирный атом (атомные станции), с другой — это атомная бомба. «Однако это последнее легко находило оправдание в необходимости политики сдерживания.

В настоящее время это оправдание даже не выносится на обсуждение, оно как бы само собой подразумевается» [6].

Говоря о связи науки и политики сквозь призму образования, полагаем важным обратить свое внимание на социальный характер взаимодействия. Помимо науки, на политические решения в сфере образования оказывает свое влияние и общественное мнение, а также зачастую противоположные позиции профессионального сообщества. Также отдельная сложность связана с географическим положением России и трудности в принятии объективных решений, в равной степени эффективных для всей территории страны. Более того, принимаемые решения могут быть непопулярными в обществе, иметь не всегда предсказуемые последствия. Иначе говоря, достижение баланса между наукой, образованием, государственной целью и общественным мнением может стать довольно сложной задачей для взвешенных и объективных политических решений.

Отмечая важность взаимодействия политиков с учеными как экспертным сообществом, надо подчеркнуть, что, в свою очередь, условием для успешной реализации научных исследований является как раз независимость науки от политики. Конечно, законодательная и исполнительная власть может иметь поводы для исследований учеными широкого круга практических проблем и вопросов, но в части фундаментальных исследований их актуальность должны определять ученые, но не представители управленческих структур. На исследования, проводимые даже по государственному заданию, не может и не должно оказываться давление для получения тех или иных «удобных» выводов, поскольку наука по своей сути объективна и не может зависеть от общественных отношений. В ином случае по результатам таких «заказных» исследований будут приняты и неверные управленческие решения. Порочный круг замкнется.

Отмечаем, что такая позиция науки характерна не только для нее самой, но и для политики. В качестве подтверждения приводим один из терминов «науки», представленном в Большой актуальной политической энциклопедии. Здесь наука представляет собой «специализированную деятельность по созданию системы знания о природе, обществе и человеке, позволяющую адекватно описывать, объяснять природные или общественные процессы и прогнозировать их будущее» [2]. В приведенном определении характерно указание на «адекватное описание» существующих явлений и процессов, что носит объективный характер,

независимо от политических пожеланий. Здесь же выделяется и прогностическая функция науки, столь важная для политической сферы.

Политические инициативы должны удовлетворять не только сиюминутным потребностям общества и государства, но и предлагать такие проекты, которые будут востребованы в будущем, смогут способствовать развитию социальных институтов. Все эти задачи не могут быть сведены исключительно к политическим решениям: эти решения должны иметь в том числе и научные основания.

Разговор о науке не может быть полным без обсуждения связи с системой образования. Без получения современного образовательного опыта представляется затруднительным ведение успешной исследовательской деятельности. Повышение научного потенциала также напрямую связано с системой общего, среднего профессионального и высшего образования, а также работой с кадровым потенциалом как образовательных, так и научных организаций.

В школе формируются первичные предпочтения обучающихся в выборе трудовой деятельности в будущем. Безусловно, для того, чтобы у обучающихся было сформировано здоровое отношение к обучению, развивался исследовательский интерес, необходима эффективная работа, начиная с формирования государственной политики в сфере образования и заканчивая образовательной практикой, работой учителей и преподавателей.

Самые заметные преобразования различных систем, что распространяется и на систему образования, происходят не в ходе постепенных преобразований в жизни конкретной школы или университета, а в ходе последовательной работы по реформированию всей системы. Именно на этом должно быть сконцентрировано внимание общественности, научных и профессиональных сообществ, политических структур, здесь должно происходить взаимовлияние ради достижения эффективных результатов. От научного сообщества требуется и разработка оснований, и экспертиза, и анализ принимаемых решений.

Образование является одной из социальных структур: сначала воздействие этой системы испытывает на себе ребенок, обучающийся в школе, студент, обучающийся в образовательной организации высшего образования. В дальнейшем взрослый человек связан со сферой образования через своих детей, которые проходят аналогичный образовательный маршрут. Говоря в более широком смысле, образование

оказывает влияние на жизнь отдельного человека, общества в целом, и тех направлений развития, по которым движется государство.

Девяностые годы XX века в этом отношении являются неисчерпаемым примером для проведения анализа реформаторской деятельности, что напрямую связано с политикой, наукой и образованием.

Ответом на кризис в системе образования стала реформа образования 1992 года, отраженная в Законе Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266–1 «Об образовании» (далее — Закон), содержащем идею развития личности, образования и понимания образования как фактора развития общества [9].

Принятый Закон и образовательная реформа 1992 года имели ряд важнейших особенностей, задавших определенный вектор развития системы общего образования. Закон «Об образовании» характеризуется концептуальным замыслом, учитывающим новую философию, неразрывно связанную с идеей демократизации школы, общества, страны в целом. Важнейшим обстоятельством являлось то, что было услышано мнение тех, кто связан непосредственно со школой — учителей, учеников, родителей, общественности. Демократизация школы, ее гуманизация, учет интересов образовательного сообщества — основные тезисы образовательной реформы 1992 года.

Однако за каждым проектом модернизации стоит личность, которая организует движущую силу проекта. Для закона «Об образовании» характерно то, что его продвижением занимался Э. Д. Днепров, советский и российский педагог, академик Российской академии образования, первый избранный министр образования России. Данный пример демонстрирует довольно успешный опыт взаимосвязи ученого и политика на образовательном поприще. Э. Д. Днепров писал: «принятые в 1996 году поправки к Закону «Об образовании» в целом вызывали у меня не только деловое, но и личностное удовлетворение. Будучи министром образования, я писал первый текст проекта этого закона в больнице на Открытом шоссе как завещание перед операцией на сердце» [4]. Несмотря на сложный экономический период, острое социальное напряжение, нехватку средств на подготовку и реализацию реформы образования, закон «Об образовании» все же увидел свет и был признан ЮНЕСКО «самым прогрессивным и демократическим образовательным актом в мире конца XX столетия» [4].

Здесь заслуга Эдуарда Дмитриевича проявляется в политической

составляющей, способности отстаивать принципы и новую философию российского образования, довести законопроект до его утверждения и постепенного внедрения норм законодательства в образовательную действительность.

При этом заслуги Э. Д. Днепровы проявились и в научной сфере. Так, значительным вкладом в педагогическую науку стала подготовка академиком Днепровым многотомного труда по истории российского образования и педагогики («Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: с древнейших времен до конца XVII в.»). Отдельно следует отметить, что Э. Д. Днепров в своей работе «Образование и политика. Новейшая политическая история российского образования» акцентирует внимание на том, что образование не может находиться в позиции «вне политики», поскольку результаты, полученные в ходе реформы, являются итогом проведенных мероприятий на государственном уровне. С течением времени в ходе научного анализа становится понятно, насколько эффективным было реформирование, и какие ошибки были допущены управленцами.

Взаимовлияние науки и политики является вопросом, который можно исследовать с различных сторон. Некоторые члены сообщества полагают, причем обоснованно, что данные сферы не могут находиться в достаточно тесном сотрудничестве, поскольку влияние может оказаться отрицательным. Так, встречаются тезисы о том, что для политики хорошо то, что хорошо для политических партий и их интересов, в то время как наука должна оставаться беспристрастной и объективной.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что увлечение политической сферой на профессиональном уровне имеет различные основания. Выделяется стремление политика к получению доступа к материальным благам, доступ к власти как самоценности. В зависимости от мотивов ученые также вовлекаются в политическую жизнь, однако зачастую они занимают не руководящие должности и чаще всего привлекаются в качестве консультантов и советников политиков.

Вместе с тем мировая политика XXI века невозможна без учета тех результатов, которые сегодня получает наука, в том числе прогностических данных: уже сегодня необходимо решать экологические, геополитические

тические и общественные проблемы, которые осознает наука, используя свою прогностическую функцию. Однако принятие решений осуществляется не учеными, а политиками. И именно их ошибки в дальнейшем критикуются общественностью.

Зачастую к политикам, имевшим ранее опыт исследовательской деятельности, отношение граждан неоднозначное и связано с тем, что несмотря на наличие ученых степеней, далеко не каждый политик построил карьеру в науке. Однако к таким реалиям не стоит относиться однобоко. Некоторым политическим деятелям удается успешно соблюдать баланс между наукой и политикой. Безусловно, в данном вопросе одним из ключевых факторов является сама личность политика. Вместе с тем умение действовать и как политик, и как ученый, позволяет оценивать как научный потенциал проведенных исследований, так и их политическую жизнеспособность, связанную с улучшением качества жизни общества.

Литература

1. *Андерхилл, Д.* Политика. Толковый словарь: русско-английский / Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, и др.; Под ред. А. Маклина. М.: ИНФРА-М: Весь Мир, 2001. 762 с.
2. *Беляков А. В., Матвейчев О. А.* Большая актуальная политическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2009. 412 с.
3. *Богданов А. А.* Вопросы социализма. М.: Политиздат, 1990. 480 с.
4. *Днепров Э. Д.* Образование и политика. Новейшая политическая история российского образования. Том 1 / Э. Д. Днепров. М.: [б. и.], 2006. 338 с.
5. *Иванова С. В.* К проблеме методологических истоков дидактики // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 5. С. 4–24.
6. *Иванова С. В.* Этика научной деятельности и этичность ученого. III Ткаченковские чтения –2021. Сборник материалов. Под общей редакцией С. В. Ивановой. М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2021. С. 138–141.
7. Наука и политика: место встречи — Будапешт // Портал журнала «Наука и жизнь» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/4954/> (дата обращения 02.09.2021).
8. Новейший философский словарь / гл. ред. А. А. Грицанов. Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998. — 896 с.
9. Об образовании: федер. закон Рос. Федерации от 10 июля 1992 года № 3266–1// Ведомости СНГ и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1797.
10. *Огурцов А. П.* Наука: власть и коммуникация (социально-философские аспекты) // Философия. Наука. Культура. М.: 2008. С. 405–416.
11. Политическая философия [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/672209> (дата обращения: 06.09.2021)].
12. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.:

Гардарики, 2004. 1072 с.

13. Философский энциклопедический словарь/ Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.

14. Юревич А. В. Наука и политика: механизмы взаимодействия // Наука. Инновации. Образование. 2009. № 1. С. 286–300.

ON THE MUTUAL INFLUENCE OF SCIENCE, POLITICS AND EDUCATION

The development of science is one of the fundamental factors contributing to the formation of modern society. Science, among other tasks, sets itself the task of developing society, improving the living conditions. Despite the widespread use of the results of the works of scientists, sometimes problems arise with the introduction of scientific results, including a political nature. In this regard, it seems appropriate to trace the mutual influence of science and politics on the example of the education system, the main purpose of which is education and upbringing in the interests of the individual, society and the government. As an example, demonstrating the connection between science and education policy, it is proposed to consider the period of systemic modernization of general education that took place in Russia at the end of the 20th — the beginning of the 21st century. During that period, there were crucial changes in the field of education, the rejection of Soviet ideology, the transition to new approaches and methods of teaching and upbringing.

Within the framework of this work, it is important to pay attention to the philosophical understanding of the scientific and political spheres of society. Philosophy seeks to create a generalized picture of the world and, through rational thinking, determine a person's place in this world. In order to show the mutual influence of science and politics, their influence on the education system, it is necessary to turn to such sections of philosophy as the philosophy of science and political philosophy.

Keywords: education system, modernization, science, politics, philosophy.

References

- *Anderhill, D.* Politika. Tolkovjy slovar': russko-anglijskij / D. Anderhill, S. Barrett, P. Bernell, i dr.; Pod red. A. Maklina. Moskva: INFRA-M: Ves' Mir, 2001. 762 s. [In Rus].
- *Belyakov A. V., Matvejchev O. A.* Bol'shaya aktual'naya politicheskaya enciklopediya.— Moskva: Eksmo, 2009. 412 s. [In Rus].
- *Bogdanov A. A.* Voprosy socializma. M.: Politizdat, 1990. 480 s. [In Rus].
- *Dneprov E. D.* Obrazovanie i politika. Novejshaya politicheskaya istoriya rossijskogo obrazovaniya. Tom 1 / E. D. Dneprov. Moskva: [b. i.], 2006. 338 s. [In Rus].
- *Filosofiya: Enciklopedicheskij slovar' / pod red. A. A. Ivina.* Moskva: Gardariki, 2004.

О взаимовлиянии науки, политики и образования

- 1072 s. [In Rus].
- *Filosofskij enciklopedicheskiy slovar'* / Gl. redakciya: L. F. Il'ichyov, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalyov, V. G. Panov. M.: Sov. Enciklopediya, 1983. 840 s. [In Rus].
  - *Ivanova S. V. Etika nauchnoj deyatel'nosti i etichnost' uchenogo. III Tkachenkovskie chteniya –2021. Sbornik materialov. Pod obshchej redakciej S. V. Ivanovoj. M.: FGBNU «Institut strategii razvitiya obrazovaniya RAO», 2021. S. 138–141. [In Rus].*
  - *Ivanova S. V. K probleme metodologicheskikh istokov didaktiki // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2012. № 5. S. 4–24. [In Rus].*
  - *Nauka i politika: mesto vstrechi — Budapesht // Portal zhurnala «Nauka i zhizn'» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/4954/> (data obrashcheniya 02.09.2021). [In Rus].*
  - *Novejshij filosofskij slovar' / gl. red. A. A. Gricanov.— Minsk: Izd. V. M. Skakun, 1998.— 896 s. [In Rus].*
  - *Ob obrazovanii: feder. zakon Ros. Federacii ot 10 iyulya 1992 goda № 3266–1 // Vedomosti SND i VS RF. 1992. № 30. St. 1797. [In Rus].*
  - *Ogurcov A. P. Nauka: vlast' i kommunikaciya (social'no-filosofskie aspekty) // Filosofiya. Nauka. Kul'tura. M., 2008. S. 405–416. [In Rus].*
  - *Politicheskaya filosofiya [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ru-wiki/672209> (data obrashcheniya: 06.09.2021)). [In Rus].*
  - *Yurevich A. V. Nauka i politika: mekhanizmy vzaimodejstviya // Nauka. Innovacii. Obrazovanie. 2009. № 1. S. 286–300. [In Rus].*

Педагогический университет — структурообразующий элемент региональной образовательной системы*

В соответствии с Программой развития педагогических образовательных организаций высшего образования в 2021–2024 гг. необходимо обеспечить тесную взаимосвязь педвузов с региональными образовательными системами. В данном исследовании, опираясь на общую теорию систем и опыт организации образовательных систем различного уровня, авторы решают задачу определения свойств, цели, структуру, функций системы образования региона, для того чтобы понять, какое место должен занимать в ней педагогический вуз, и каким образом он может быть в данную систему интегрирован. Авторы выделяют в региональной образовательной системе две подсистемы — дидактическую и институциональную, определяют состав их элементов, выделяют главную цель региональной системы образования. В каждой подсистеме выделяются субъекты и объекты как разновидности элементов, определяется характер взаимодействия элементов как внутри каждой из подсистем, так и в региональной образовательной системе в целом. Для успешного функционирования региональной образовательной системы необходимо согласование целей как отдельных субъектов каждой из подсистем, так и самих подсистем в рамках единой системы. Педагогический университет, занимая в региональной системе образования уникальное место, объединяющее обе ее подсистемы, имеет возможность такого согласования целей путем «мягкого» взаимодействия со всеми субъектами

Как цитировать статью: Коротков А. М., Штыров А. В., Земляков Д. В. Педагогический университет — структурообразующий элемент региональной образовательной системы // Ценности и смыслы. 2021. № 5 (75). С.77–91.

А. М. Коротков

Член-корреспондент РАО,
доктор педагогических наук, профессор,
ректор Волгоградского государственного социально-педагогического университета,
г. Волгоград
E-mail: korotkov@vspu.ru

Aleksandr M. Korotkov
Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Education), Professor, Rector, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

А. В. Штыров

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры методики преподавания физики и математики, ИКТ Волгоградского государственного социально-педагогического университета,
г. Волгоград
E-mail: an.shtyrov@gmail.com

Andrey V. Shtyrov
PhD (Education), Assistant Professor of the Department of Methods of Physics and Mathematics Teaching & IT of Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Д. В. Земляков

Руководитель лаборатории информационных технологий образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета, г. Волгоград
E-mail: d.v.zemlyakov@gmail.com

Dmitry V. Zemlyakov
Head of the Education Information Technology Laboratory of Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

системы образования. Таким образом, роль педагогического вуза в региональной системе образования — роль фундамента или структурного каркаса этой системы.

Ключевые слова. региональная образовательная система, педагогический университет, педагогическое образование, дидактическая система, образовательные институты, субъекты образования, целеполагание, цель образовательной системы, структура образовательной системы.

Введение. Программа развития педагогических образовательных организаций высшего образования в 2021–2024 гг., принятая Министерством просвещения РФ 29 октября 2020 г. [11], предусматривает необходимость тесной взаимосвязи педвузов с региональными образовательными системами. Педагогический университет на современном этапе должен стать системообразующим ядром, интегрирующим всех участников образовательного процесса в регионе, формирующим единое педагогическое сообщество региона. Эта функция педагогического университета становится особенно актуальной для сохранения связности образовательной системы региона и доступа всех участников образовательного процесса к ее ресурсам в любых условиях, в том числе экстремальных, подобных пандемии COVID-19.

Для определения наиболее эффективного способа выполнения данного требования Программы необходимо построить модель интеграции педагогического вуза в образовательную среду региона, которая бы учитывала основные факторы, как способствующие, так и препятствующие данному процессу. Построение модели имеет смысл начать с определения особенностей и функций региональной системы образования, элементов этой системы и взаимосвязей между ними.

«Региональная система образования» (или «региональная образовательная система») — устоявшийся в литературе и нормативной документации термин, понимание которого, тем не менее, требует некоторых уточнений. Разные авторы вкладывают в это понятие различный смысл, в зависимости от того, какой именно аспект системы образования они рассматривают. Так, В. В. Чекмарев и Н. В. Логвин рассматривают региональную систему образования как «мезосоциоэкономическую», с точки зрения ее экономической эффективности и согласованности с общей хозяйственно-экономической системой региона [15]. Вопросы планирования и прогнозирования деятельности региональной системы образования поднимает А. Л. Кураков [6]; особенности ее институционального развития исследует Е. А. Безгласная [1]. Определенный интерес для нашего исследования представляют работы Г. Н. Лищиной и О. А. Глотова [7], С. А. Писаревой и А. П. Тряпицыной [10], С. В. Тарасова [14], а также монографии С. В. Ивановой, О. Б. Иванова [4], С. М. Марковой [8].

Цель статьи. Несмотря на то, что авторы исследуют различные аспекты проблемы (в том числе проектирование региональной системы образования, управление ею, организацию взаимодействия элементов системы и т.д.), можно выделить в их работах нечто общее, а именно — понимание термина «региональная система образования» как совокупности органов управления образованием и образовательных учреждений региона, являющихся элементами данной системы. Это логичное и справедливое понимание данного феномена. Но в таком случае перед исследователем, взявшимся решить задачи интеграции педагогического вуза в региональную систему образования, встают два вопроса: а) являясь образовательной организацией, педвуз входит в региональную образовательную систему «по умолчанию», что ставит под сомнение саму постановку задачи; б) действительно ли совокупность региональных образовательных органов является системой, и каковы характеристики этой системы? Эти вопросы и обусловили основную задачу нашего исследования — определить свойства, цели, структуру, функции системы образования региона, понять, какое место должен занимать в ней педагогический вуз, и каким образом он может быть в данную систему интегрирован.

Методология и методы. Существует большое количество различных определений термина «система». Большой Энциклопедический словарь определяет «систему» как «множество элементов, находящихся

в отношениях и связях друг с другом, которое образует определённую целостность, единство» [13]. Основоположник общей теории систем Л. фон Берталанфи вводит понятие «открытая система», одним из свойств которой является активное взаимодействие системы в целом и отдельных ее элементов с внешней средой [17]. Важное для нашего исследования уточнение можно найти в определении ГОСТ Р ИСО МЭК 15288–2005: «Система (system) — комбинация взаимодействующих элементов, организованных для достижения одной или нескольких поставленных целей» [3, с. 4].

Исходя из этого, можно предположить, что региональная система образования — *это целостная открытая система элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом и действующая во внешней среде с определенной целью*. Таким образом, нам необходимо определить элементы системы, характер их взаимоотношений и цель системы. Также имеет смысл уточнить характеристики внешней среды, необходимые для эффективного функционирования системы.

Цель, ради достижения которой создается и функционирует система, является основным системообразующим фактором: система не может функционировать, если не определена ее конечная цель. В парадигме личностно ориентированного образования основная цель образовательной системы — развитие личности обучающегося, причем не только развитие мышления, формирование умений и навыков учебной деятельности, но и создание личностного опыта общения, самоутверждения в обществе, саморазвития [12, с. 7]. Эта цель реализуется через множество личностных процессов общения, передачи жизненного опыта, через деятельность, позволяющую раскрыть опыт человечества во всем богатстве его проявлений. Для достижения цели развития личности обучающегося целенаправленно создается *дидактическая система*, под которой будем понимать *совокупность субъектов, взаимодействующих в образовательном процессе с целью развития личности обучающегося* [5, с. 12–13; 9, с. 45].

Элементы системы. Согласно концепции «целеустремленных систем» (“purposeful systems”) Р. Акоффа и Ф. Эмери [16], среди элементов дидактической системы имеет смысл выделить *субъекты* и *объекты*. Субъекты обладают способностью к самостоятельному целеполаганию, определяют цели и направления изменений объектной части системы, иными словами, субъекты выступают носителями *идеи* развития систе-

мы. Функция субъектов — деятельность по реализации основной цели системы. Объекты — это применяемые субъектами для достижения целей инструменты. Их функция — обеспечение деятельности субъектов (информационное, инструментальное и т.п.). В процессе развития объекты меняют свои свойства (состояния).

Субъектами дидактической системы являются *личности* — ученики, учителя и другие участники дидактического процесса, стремящиеся к самоопределению и самореализации. Именно они определяют образовательные цели, выбирают средства их реализации, организуют деятельность, направленную на достижение цели, анализируют и используют ее результаты. Объекты дидактической системы — источники учебной информации, необходимой для реализации целей субъектов, и инструменты учебной деятельности субъектов [5, с. 13–17].

Результаты и обсуждение. В условиях цифровизации образования количество субъектов дидактической системы может быть значительно увеличено по сравнению с традиционным «нецифровым» образованием за счет новых возможностей сетевой реализации образовательных программ, а также возможности обучающихся и педагогов включаться в онлайн-проекты различных образовательных организаций. В частности, наряду с учителями и учениками школ к субъектам дидактической системы можно отнести преподавателей и студентов педагогических вузов, которые в сетевом формате включаются в образовательный процесс школ, а также разработчиков цифрового образовательного материала [9, с. 60–61].

Вторым системообразующим фактором системы, в том числе дидактической, наряду с целью, является *согласованная деятельность ее субъектов*. В условиях частичного стирания географических и временных ограничений, предъявляемых к образовательному процессу, значительного увеличения количества субъектов дидактической системы этот фактор приобретает особое значение. Именно согласованность действий преобразует разрозненные, хаотично взаимодействующие *элементы* в *субъекты* системы, способные определить ее цель и совместно действовать для ее достижения.

Целесообразность системы и согласованность действий ее элементов тесно связаны между собой: с одной стороны, единство целей субъектов системы не имеет практического выхода без их согласованных действий, с другой стороны, согласованные действия субъектов системы невоз-

можно без единства целей. При их общей направленности цели каждого субъекта различны, поскольку различны функции субъектов. Таким образом, вопрос оценки сформированности основной цели дидактической системы как общей цели ее субъектов требует особого внимания. Основную цель системы необходимо конкретизировать и представить в виде структурированной целевой модели, учитывающей интересы и потребности каждого субъекта системы.

Целевая модель взаимодействия субъектов дидактической системы — совокупность целей всех субъектов образовательного процесса, отражающая их интересы и потребности, направленные на развитие обучающихся.

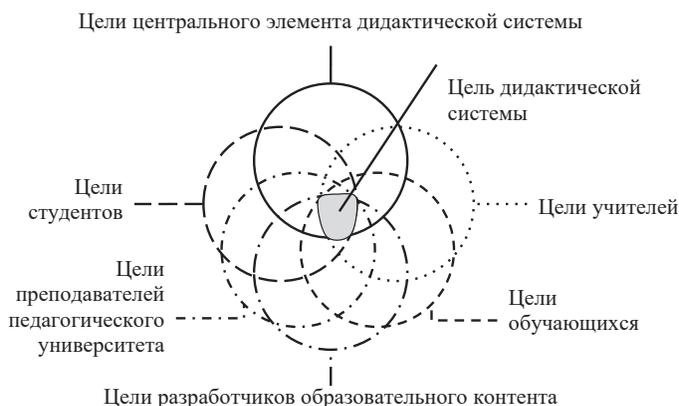

Рисунок 1. Целевая модель взаимодействия субъектов дидактической системы образования.

Эффективность проектирования дидактической системы определяется тем, насколько полно в ней раскрываются системообразующие факторы. Первый системообразующий фактор, цель — развитие обучающегося — задает *персонифицированный характер* дидактической системы. Персонифицированность закрепляет в качестве центрального субъекта системы не обучающегося вообще, как некую абстрактную сущность, а *конкретного обучающегося* как уникальную личность, для развития которой и создается эта система [5, с. 13]. Персонифицированность обособывает феномен *«автономности субъекта дидактической системы образования»*: функционирование и поведение субъекта определяется

в первую очередь его внутренними основаниями, а не воздействием внешнего окружения. Таким образом, под автономностью субъекта дидактической системы образования мы понимаем характеристику субъекта, отражающую возможность самостоятельного целеполагания и реализации учебной деятельности в соответствии со своими личностными целями, потребностями и способностями [18].

Второй системообразующий фактор — согласованность действий субъектов дидактической системы образования — отражает ее *поли-субъектный характер*. Согласованность действий субъектов дидактической системы соответствует ее целенаправленности и реализуется в ходе *совместной деятельности* субъектов, представляющей собой «динамичный процесс самоорганизации личности учащихся» [2, с. 13].

Но дидактическая система, будучи ориентированной на отдельного субъекта образовательного процесса (собственно, своя дидактическая система выстраивается вокруг каждого обучающегося, который, таким образом, является *центральным субъектом* данной системы [5, с. 16–17]), сама, в свою очередь, является частью более крупной образовательной системы, которая обладает собственными характеристиками и включает собственные элементы и взаимосвязи между ними. Данные элементы являются внешними по отношению к дидактической системе, и для взаимодействия с ними необходима определенная *среда*, в которой функционирует система. А.В. Петров определяет среду как «совокупность условий, в которых совершается деятельность» [9, с. 76]. Общее свойство среды — отделенность от системы с сохранением влияния на нее, что предполагает автономность системы в достижении главной цели ее функционирования. Среда же «обслуживает» процессы в системе, обеспечивает ее ресурсами. Здесь следует уточнить, что образовательная среда «обладает качественными характеристиками, собственными средовыми факторами и имеет многоуровневую структуру с вертикальными взаимосвязями между уровнями этой структуры» [4, с. 19].

Для того чтобы среда наиболее эффективным образом выполняла свое предназначение, имеет смысл создавать, *конструировать*, среду, подходящую именно для данной системы. В случае дидактической системы это будет *образовательная среда*, являющаяся составной частью сред более высокого уровня — информационной среды, социальной среды и др. В ней можно выделить структурные области, обладающие определенной целостностью, и рассматривать их как элементы, напри-

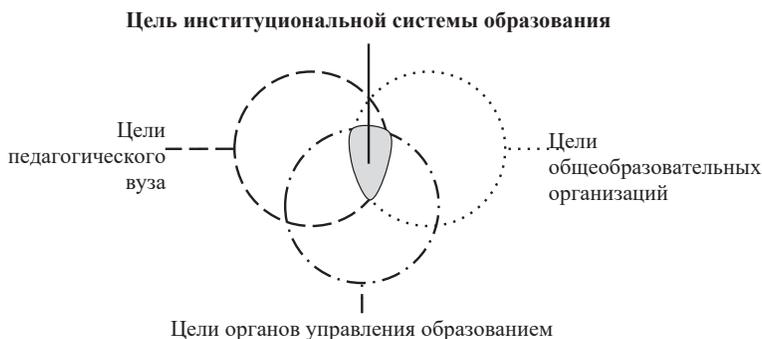
мер, *цифровую образовательную среду (ЦОС)* — совокупность цифровой инфраструктуры и цифрового образовательного контента, обеспечивающих взаимодействие субъектов образовательного процесса. Цифровая образовательная среда искусственно создается для того, чтобы помочь субъектам дидактической системы в решении задач, которые они перед собой ставят, содействовать в достижении ими целей обучения, воспитания и развития. Иными словами, ЦОС носит обслуживающий, вспомогательный характер по отношению к дидактической системе.

При конструировании среды ее возможности должны определяться потребностями субъектов дидактической системы. Цифровая образовательная среда, сложившаяся стихийно, как правило, нестабильна. Если нет единой методологической и методической основы, если среда не конструируется целенаправленно, если ее компоненты не согласованы друг с другом, вряд ли можно ожидать, что она будет способствовать развитию дидактических систем. Механическая замена обычных средств обучения цифровыми не только не приводит к повышению качества образования, но и дискредитирует дидактический потенциал цифровой образовательной среды. Образование в цифровой среде — это обучение, воспитание и развитие обучающихся в условиях, когда цифровые технологии, цифровой образовательный контент являются инструментом учебной деятельности, средством самореализации обучающихся.

Кто конструирует образовательную среду? На межличностном уровне — сами субъекты дидактической системы образования (персоны). Но глобальные вопросы решаются на уровне институтов: образовательных организаций различного уровня, органов управления образованием, методических объединений и т.д. Они являются элементами *«институциональной системы образования»*, внешней по отношению к дидактической системе, но являющейся вместе с ней подсистемой образовательной системы. Именно институциональную систему обычно подразумевают, когда говорят о *«региональной системе образования»*. Обратим внимание, что она может существовать не только на региональном или муниципальном, но и на федеральном, а в некоторых случаях и на межгосударственном уровне. Основные функции институциональной системы образования — нормативно-правовое регулирование образовательного процесса, осуществляющегося в дидактической среде, верификация, стандартизация и контроль его реализации, обеспечение ресурсами, в том числе методическими, материальными и т.д.

Таким образом, развитие и функционирование дидактической системы происходит в процессе взаимодействия ее субъектов, осуществляющимся в образовательной среде, и под внешним воздействием институциональной системы образования.

В институциональной системе, как и в дидактической, выделим системообразующие факторы: 1) общую цель, которая формируется из частных целей отдельных институтов и 2) согласованность их действий для достижения общей цели. Согласованность действий институтов, как правило, имеет формальное отражение в документах: программах взаимодействия, дорожных картах, программах развития, договорах, материалах конференций, публичных слушаний и т.д.

Рисунок 2. Целевая модель взаимодействия институциональных субъектов образования.

В этой общей среде в рамках дидактической и институциональной систем сосуществуют и взаимодействуют субъекты разных типов — персоны (элементы дидактической системы) и институты (элементы институциональной системы). При этом следует помнить, что элементы институциональной системы в свою очередь являются системами, производными от персональных субъектов дидактической системы (интегрирующими их), но при этом обладают некоторыми свойствами и возможностями, нехарактерными для персональных субъектов: доступ к ресурсам среды (организационным, материальным и т.д.); возможность анализировать и обобщать процессы и практики, происходящие на уровне персоналий; возможность управлять системными процессами

в среде и т.п. Таким образом, институциональные субъекты обладают средообразующей функцией, т.е. способны формировать среду, в которой происходит взаимодействие как их самих, так и персональных субъектов в различных сочетаниях, а также поддерживать и координировать это взаимодействие. Следовательно, общей целью институциональной системы образования признаем создание среды для эффективного функционирования дидактической системы образования, и интеграция их в единую образовательную систему, подсистемами которой являются дидактическая и институциональная системы. Именно такую систему мы и предлагаем рассматривать как региональную систему образования (при условии, что составляющие ее институциональную подсистему учреждения и организации действуют на региональном уровне).

Взаимодействие дидактической и институциональной систем, как элементов системы образования региона, возможно на основе согласованности целей: на этом уровне также действует системообразующий фактор общей цели.

Схематически процесс выработки общей цели и согласования действий элементов подсистем и самих подсистем можно изобразить следующим образом:

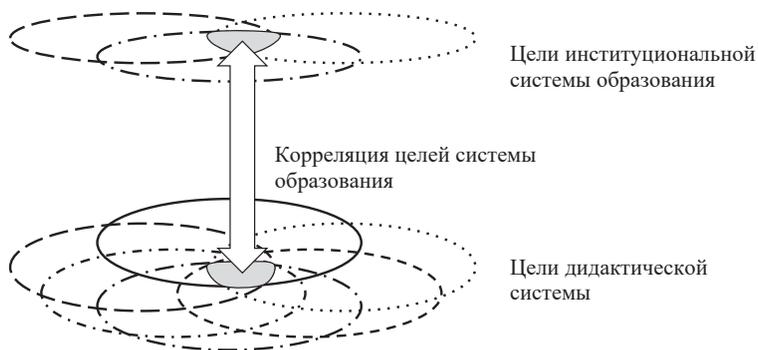

Рисунок 3. Целевая модель взаимодействия дидактической и институциональной систем.

Схемы взаимодействия элементов региональной системы образования формируются, как правило, на уровне персональных субъектов дидактической системы на основе совпадения (на определенном этапе) некоторых их личностных целей. Затем с использованием ресурсов

и возможностей субъектов институциональной системы происходит апробация, трансформация, легитимизация и трансляция сформированного типа взаимодействия. На этом этапе очень важно согласование, верификация целей субъектов разных типов (персональных и институциональных), т.к. при несовпадении целей автономных субъектов их совместная деятельность оказывается невозможной.

Теперь ясной становится роль педагогического вуза в региональной системе образования. Взаимодействуя одновременно и с институциональной системой на уровне учреждений и организаций, и с дидактической — на уровне личностного взаимодействия с ее субъектами (обучающимися, преподавателями, родителями), педагогический университет становится мостом между ними, обеспечивая координацию целей и действий как на персональном, так и на институциональном уровне, способствуя выработке наиболее эффективных и реалистичных путей и моделей достижения целей, прогнозируя дальнейшие тренды и обеспечивая доступ всех участников процесса к необходимым интеллектуальным, информационным, методическим и иным ресурсам.

Заключение. Достижение главной цели образования — развития конкретного обучающегося — напрямую зависит от всех участников образовательного процесса, согласованности их взаимодействия. Особого внимания требует вопрос интеграции педагогических вузов в региональную систему образования в новых условиях, характеризующихся цифровизацией образования, повышением доступности интернета, трендом на распространение персональных образовательных траекторий, личностной ориентацией образовательного процесса, с одной стороны, и кадровым дефицитом, недостаточным вниманием к практической подготовке студентов, ранней профориентации школьников на педагогическую профессию, с другой стороны. Для системного решения накопившихся противоречий необходимо осмыслить, научно обосновать и описать целевую модель интеграции педагогических вузов с региональной системой образования в новых условиях, и на основе этой модели скорректировать сложившиеся практики взаимодействия участников образовательного процесса на персональном и институциональном уровнях.

Построение данной модели следует начать с прояснения структуры региональной системы образования, которое проведено в данной работе на основе системного подхода. Важным шагом является построение целевой модели взаимодействия субъектов дидактической системы

образования и целевой модели взаимодействия субъектов институциональной системы образования и анализ их корреляции.

По всей видимости, именно на этом этапе мы обнаружим проблемы, связанные с недостаточной интеграцией педагогических вузов в региональные системы образования, недостаточным использованием потенциала новых возможностей цифровой образовательной среды (онлайн, цифровизация и т.д.), которые позволяют вузу более активно взаимодействовать не только с институтами, но и напрямую с субъектами дидактических систем, создавать совместные образовательные проекты. Внешне эти проблемы будут выражены в расхождении, несогласованности целей субъектов дидактической системы и субъектов институциональной системы.

Наличие таких расхождений будет означать необходимость коррекции функционирования региональной системы образования. Роль педагогического вуза состоит в анализе ситуации и проведении такой коррекции путем «мягкого» взаимодействия с субъектами системы образования — как персонами, так и институтами. Являясь важным элементом этой системы, педагогический вуз занимает в ней уникальное структурообразующее место, объединяющее на региональном уровне две важные, но, как правило, разрозненные образовательные системы — дидактическую и институциональную. Таким образом, роль педагогического вуза в региональной системе образования — роль фундамента, или структурного каркаса этой системы.

* Статья подготовлена в ходе исследования по проекту «Разработка целевой модели интеграции педагогических вузов с региональной системой образования (предлагается реализация в сетевом формате)», реализуемого при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ в рамках государственного задания (дополнительное соглашение от 21.07.2021 г. № 073–03–2021–013/3 к соглашению от 18.01.2021 № 073–03–2021–013)

Литература

1. Безгласная Е. А. Институциональные особенности развития региональной системы образования // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации. Материалы IV Международной конференции: в 2 частях. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2015. Т. 1. С. 20–26.
2. Гайдукова И. Е. Совместная деятельность как педагогическая категория // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 12–13.
3. ГОСТ Р ИСО/МЭК 15288–2005 Информационная технология. Системная инженерия. Процессы жизненного цикла систем.— Стандартинформ, 2007.

4. *Иванова С. В., Иванов О. Б.* Образовательное пространство как модус образовательной политики: монография. М.: «Русское слово — учебник», 2020. 160с.
5. *Коротков А. М.* Готовность старшеклассников к учебной деятельности в компьютерной среде: методология, теория и практика формирования. Волгоград: Перемена, 2003. 307 с.
6. *Кураков А. Л.* Основные принципы организации системы планирования и прогнозирования при управлении региональной системой профессионального образования // Вестник Чувашского университета. 2004. № 1. С. 93–96.
7. *Лищина Г. Н., Глотов О. А.* Сетевое интегративное партнерство в развитии региональной системы профессионального образования // Научные исследования: от теории к практике. 2015. № 3(4). С. 103–105.
8. *Маркова С. М.* Проектирование педагогических систем и их реализация в условиях региональной системы профессионального образования (на примере Мининского университета). М.— Нижний Новгород: Флинта, 2017. 168 с.
9. *Петров А. В.* Методологические и методические основы личностно-развивающего компьютерного образования. Волгоград: Перемена, 2001. 267 с.
10. *Писарева С. А., Тряпичина А. П.* Повышение квалификации педагогов: возможности педагогического вуза в региональной системе образования // Образовательная панорама. № 2(4). С. 69–77.
11. Распоряжение Министерства просвещения Российской Федерации от 29.10.2020 № Р-118 «Об утверждении Программы развития педагогических образовательных организаций высшего образования, находящихся в ведении Министерства просвещения Российской Федерации, на 2021–2024 годы».
12. *Сериков В. В.* Образование и личность. Теория и практика проектирования образовательных систем. М.: Логос, 1999. 272 с.
13. Система // Большой Российский энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 2003. С. 1437.
14. *Тарасов С. В.* Развитие системы образования Ленинградской области в контексте процессов модернизации региональных образовательных систем // Журнал правовых и экономических исследований. 2014. № 2. С. 11–16.
15. *Чекмарев В. В., Логвин Н. В.* Региональные системы образования как мезосоциальноэкономические системы // Экономика образования. 2013. № 2. С. 8–14.
16. *Ackoff R., Emery F.* On purposeful systems. Chicago: Aldine-Atherton, 1972. xii, 288 p.
17. *Bertalanffy L. von.* The History and Status of General Systems Theory // The Academy of Management Journal. 1972. Vol. 15. № 4. P. 407–426.
18. *Korotkov A. M., Shtyrov A. V., Spiridonova S. B., et al.* Joint Activity of Autonomous Actors in an Open Educational Environment // ARPHA Proceedings. 2020. Vol. 3. P. 1213–1226. doi: 10.3897/ap.2.e1213

PEDAGOGICAL UNIVERSITY AS A STRUCTURE-FORMING ELEMENT OF THE REGIONAL EDUCATION SYSTEM

Following the Program of the development of pedagogical educational organizations of higher education in 2021–24, it is necessary to ensure a close

relationship of pedagogical universities with regional education systems. In this study, based on the general theory of systems and experience in organizing education systems of various levels, the authors solve the problem of determining the properties, purpose, structure, functions of the education system in the region, to understand what place should occupy the pedagogical university in it, and how it can be integrated into this system. The authors identify two subsystems in the regional education system: didactic and institutional, determine the composition of their elements; identify the main purpose of the regional education system. In each subsystem, the authors identify subjects (actors) and objects as varieties of elements; determine the nature of the interaction of elements within each subsystem and in the regional education system as a whole. For the successful functioning of the regional education system, it is necessary to coordinate the goals of both individual subjects of each subsystem, and the subsystems themselves as part of a unified system. Pedagogical university, occupying a unique place in the regional education system, uniting both of its subsystems, has the possibility of such coordination of objectives through “soft” interaction with all the subjects of the education system. Thus, the role of the pedagogical university in the regional system of education is the role of the foundation or the structural framework of this system.

Keywords. regional education system, pedagogical university, teacher education, didactic system, educational institutions, educational actors, purposefulness, educational goal, education system structure.

References

- *Ackoff R., Emery F.* On purposeful systems. Chicago: Aldine-Atherton, 1972. xii, 288 p.
- *Bezglasnaja E. A.* Institucional'nye osobennosti razvitija regional'noj sistemy obrazovanija // Institucional'naja transformacija jekonomiki: rossijskij vektor novoj industrializacii Materialy IV Mezhdunarodnoj konferencii: v 2 chastjah. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F. M. Dostoevskogo, 2015. T. 1. S. 20–26. [In Rus].
- *Bertalanffy L. von.* The History and Status of General Systems Theory // The Academy of Management Journal. 1972. Vol. 15. № 4. P. 407–426.
- *Gajdukova I. E.* Sovmestnaja dejatel'nost' kak pedagogicheskaja kategorija // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2013. № 3 (40). S. 12–13. [In Rus].
- GOST R ISO/MEK 15288–2005 Informacionnaja tehnologija. Sistemnaja inzhenerija. Processy zhiznennogo cikla sistem.— Standartinform, 2007. [In Rus].
- *Korotkov A. M.* Gotovnost' starsheklassnikov k uchebnoj dejatel'nosti v komp'yuternoj srede: metodologija, teorija i praktika formirovanija. Volgograd: Peremena, 2003. 307 s. [In Rus].
- *Korotkov A. M., Shtyrov A. V., Spiridonova S. B., et al.* Joint Activity of Autonomous Actors in an Open Educational Environment // ARPHA Proceedings. 2020. Vol. 3. P. 1213–1226. doi: 10.3897/ap.2.e1213

- *Kurakov A. L.* Osnovnye principy organizacii sistemy planirovanija i prognozirovaniya pri upravlenii regional'noj sistemoj professional'nogo obrazovanija // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2004. № 1. S. 93–96. [In Rus].
- *Lishhina G. N., Glotov O. A.* Setevoe integrativnoe partnerstvo v razvitii regional'noj sistemy professional'nogo obrazovanija // Nauchnye issledovanija: ot teorii k praktike. 2015. № 3(4). S. 103–105. [In Rus].
- *Markova S. M.* Proektirovanie pedagogicheskikh sistem i ih realizacija v uslovijah regional'noj sistemy professional'nogo obrazovanija (na primere Mininskogo universiteta). M.— Nizhnij Novgorod: Flinta, 2017. 168 s. [In Rus].
- *Petrov A. V.* Metodologicheskie i metodicheskie osnovy lichnostno-razvivajushhego komp'juternogo obrazovanija. Volgograd: Peremena, 2001. 267 s. [In Rus]
- *Pisareva S. A., Trjapicyna A. P.* Povyshenie kvalifikacii pedagogov: vozmozhnosti pedagogicheskogo vuza v regional'noj sisteme obrazovanija // Obrazovatel'naja panorama. № 2(4). S. 69–77. [In Rus].
- Rasporjazhenie Ministerstva prosveshhenija Rossijskoj Federacii ot 29.10.2020 № R-118 “Ob utverzhenii Programmy razvitija pedagogicheskikh obrazovatel'nyh organizacij vyshego obrazovanija, nahodjashhihsja v vedenii Ministerstva prosveshhenija Rossijskoj Federacii, na 2021–2024 gody”. [In Rus].
- *Serikov V. V.* Obrazovanie i lichnost'. Teorija i praktika proektirovanija obrazovatel'nyh sistem. M.: Logos, 1999. 272 s. [In Rus].
- Sistema // Bol'shoj Rossijskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: BRJe, 2003. S. 1437. [In Rus].
- *Tarasov S. V.* Razvitie sistemy obrazovanija Leningradskoj oblasti v kontekste processov modernizacii regional'nyh obrazovatel'nyh sistem // Zhurnal pravovyh i jekonomicheskikh issledovanij. 2014. № 2. S. 11–16. [In Rus].
- *Chekmarev V. V., Logvin N. V.* Regional'nye sistemy obrazovanija kak mezosociojekonomicheskie sistemy // Jekonomika obrazovanija. 2013. № 2. S. 8–14. [In Rus].

Н. А. Коноплева

Доктор культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия
E-mail: Nina.Konopleva@vvsu.ru

Nina A. Konopleva
Dr.Sc. (Culturology), professor of the chair of design and technology Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

Е. И. Васильева

Ассистент кафедры дизайна и технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия
E-mail: Vasilyeva.E@vvsu.ru

Ekaterina I. Vasileva,
Assistant of the chair of design and technology Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

Проблемы и перспективы современного дистанционного обучения

Статья посвящена актуальным проблемам, которые возникли у студентов при обучении в период распространения нового вирусного заболевания.

Столкнувшись с мировой угрозой для здоровья и жизни в период пандемии коронавируса, в целом, под запрет попадают массовые скопления людей. Процесс образовательного и межкультурного взаимодействия между людьми перемещается в виртуальную область: вебинары, онлайн-встречи, видеоконференции и др., тем самым, переводя образование в формат онлайн, где не только студенты, но и преподаватели обнаруживают ряд трудностей.

Угроза мировой пандемии не миновала, сохранение дистанции останется актуальным, несмотря на открытие школ и университетов для очных встреч, период карантинных мероприятий не закончился, поэтому и в дальнейшем останется востребованным дистанционный формат взаимодействия. Несмотря на то, что дистанционное обучение использовалось и задолго до начала мировой пандемии, в настоящий момент оно, несомненно, актуализировано и является частью жизни практически каждого россиянина.

В статье демонстрируются результаты эмпирического исследования и представлен анализ часто встречающихся проблем, акцентируется внимание на положительных сторонах в дистанционном обучении, а также предлагаются новые способы коммуникации с обучающимися посредством игровых технологий.

Ключевые слова: высшее образование, дистанционное обучение, игра, игровые технологии, информационные технологии.

Как цитировать статью: Коноплева Н. А., Васильева Е. И., Каменная Е. О. Проблемы и перспективы современного дистанционного обучения // Ценности и смыслы. 2021. № 5 (75). С.92–103.

Введение

Несмотря на достаточно активное использование цифровых средств коммуникаций на протяжении последних десятилетий, продвижение формата дистанционного взаимодействия в обучении как школьников, так и студентов испытывало серьезные трудности, так как федеральные государственные образовательные стандарты рассчитаны на очный формат. Кроме того, не все учебные заведения страны, а также семьи обладали достаточным количеством необходимого для организации этого процесса оборудования. Несомненной проблемой, влияющей на эффективность дистанционного образования, является отсутствие скоростного интернета и сбои в его работе.

Опыт работы в изменившихся условиях российской действительности продемонстрировал определенную степень формальности взаимодействия удаленного характера со стороны как ряда преподавателей, так и школьников, и студентов, обнажил проблемы материального недостатка многих семей, особенно многодетных, не способных обеспечить детей необходимой техникой для занятий, выявил сложности коммуникаций детей и родителей, не способных самостоятельно объяснить материал для школьников даже младших классов, что вызвало рост конфликтности в семьях.

Но, вместе с тем, выявил и позитивные стороны онлайн обучения, в частности, данные обстоятельства способствовали значительному росту открытости образования, актуализации самостоятельного поиска и анализа необходимой информации, без участия педагога, как наставника.

Таким образом, можно сказать, что дистанционное обучение в условиях активного распространения коронавирусной инфекции имеет двойственный характер, демонстрируя как негативные, так

Е. О. Каменная

*Ассистент кафедры
дизайна и технологий
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса,
Владивосток, Россия
E-mail: Elena.Kamennaya1@
vvsu.ru*

Elena O. Kamennaya
*Assistant of the chair of design
and technology Vladivostok
State University of Economics
and Service, Vladivostok,
Russia*

и позитивные характеристики [6].

Мы в нашем исследовании обратились к анализу отношения студенческой молодежи к дистанционным формам обучения. Актуальность проведенного исследования обуславливается также и тем, что снятие ограничений для личного посещения университета не создает уверенности в сохранности здоровья подрастающего поколения, в связи с чем, при заболевании одного из участников образовательного процесса возникает необходимость в проведении занятий, согласно учебному плану, но все же посредством дистанционных форм [5, 14].

Прежде чем продемонстрировать данные проведенного нами опроса хотелось бы подробнее остановиться на особенностях дистанционного обучения.

Безусловно, оно носит прикладной характер и активно использовалось задолго до мирового охвата пандемией. Развитие информационных технологий только способствовали улучшению классического формата получения знаний, не замещая его полностью, особенно в преподавании практических профессиональных дисциплин, организации лабораторно-экспериментальных исследований и демонстрации наглядных примеров мастерства в практической деятельности дизайнера, конструктора, технолога, специалиста по формированию личностного имиджа, приемов речевой коммуникации и актерского мастерства, стилиста, аниматора и проч. [10]. Дистанционные формы образования не позволяли использовать такие современные образовательные технологии, как деловые игры и тренинги в их обычном формате непосредственных коммуникаций, затрудняли работу в сфере организации и проведения занятий по проектной деятельности.

Достаточно серьезной проблемой является невозможность в полной мере проконтролировать уровень знаний обучающихся при электронных формах тестирования, выполнении контрольных работ, так как обучающиеся, отвечая на вопросы могут пользоваться справочниками и интернет-источниками. Еще труднее проконтролировать навыки учащихся.

Студенты и их родители востребуют качество образования, гибкость систем преподавания, разнообразие форм обучения, внедрение креативных технологий [12]. Имея накопленный опыт офлайн обучения, невозможно мгновенно с уверенностью в достижении необходимой компетентности обучающихся перевести привычные формы взаимо-

действия в образовательной организации на электронную платформу.

Вместе с тем в сложных современных условиях значительно возрастает необходимость в проведении занятий дистанционно с помощью вебинаров, видеоконференций или дистанционных встреч в различных сетевых аккаунтах, поэтому становится актуальной необходимость повышения эффективности таких форм обучения как со стороны профессорско-преподавательского состава вузов и средних специальных учебных заведений, так и обучающихся.

Причем дистанционное обучение несет ряд преимуществ для обучающегося, а именно усваивается культура деловой переписки, активируется групповая работа студентов, возникает полная свобода в выборе материала, совершенствуются компетенции самостоятельного поиска необходимого материала, осваиваются приемы тайм-менеджмента, умения грамотно распределять свое время, учитывая не только затраченное на посещение вебинаров, но и оценивая возможности собственной самостоятельной подготовки [13].

В свою очередь, негативность подобных форм образования состоит в том, что у студентов притупляются коммуникативные навыки без непосредственных контактов. Активизируется клиповое мышление, характеризующееся поверхностностью восприятия, языковым минимализмом и речевой бедностью. Ограничиваются способности к осознанию чувств окружающих, особенностей их характера, усиливаются тенденции к избеганию непосредственных контактов, возрастает склонность к отчуждению. Практически теряется воспитательная функция образования, затрудняется нравственное становление личности, изначально формирующееся в процессе взаимодействия со значимыми для представителей растущего поколения личностями (друзья, педагоги и проч.). В связи с тем, что утрачивается возможность оценки поведения молодежи при непосредственном контакте, не складываются представления о добре и зле, возникающие на основе осознания общепринятых правил социального взаимодействия.

При дистанционных формах обучения значительно возрастает информационная нагрузка как на преподавателей, так и студентов, которым длительное время приходится проводить за компьютерами и другими гаджетами, что несомненно, не сказывается позитивно на их здоровье. Неограниченность информационных ресурсов дает полную свободу студентам в выборе материала, но не гарантирует при неграмотном

поиске качества информации из интернет-источников. При этом материал усваивается сложнее, так как отсутствуют очные консультации преподавателя.

В результате, хотя дистанционное обучение имеет актуальный характер, но, тем не менее, не дает полных оснований в заинтересованности студентов [5].

Методология

Необходимость выведения классических занятий в дистанционную форму заставила нас обратиться к выявлению возникающих при этом потребностей студентов и их отношения к очному и дистанционному взаимодействию в образовательном процессе. Для этого нами был использован социологический метод исследования (анкетирование), с последующей адаптацией полученных данных для совершенствования приемов и принципов дистанционного обучения. Данное исследование является пилотным и служит основой для дальнейшего анализа в данном направлении.

Цель исследования — получение информации о дистанционной форме обучения, анализ часто встречаемых проблем, с которыми сталкиваются современные студенты, и возможность корректировки дистанционного обучения для повышения эффективности обучения.

Выборка и метод исследования. В исследовании принимали участие 220 студентов Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Сбор данных происходил на базе Google Forms при помощи разработанной авторами анкеты.

Результаты

Процесс перехода на дистанционный формат обучения был непростым, но адаптировались респонденты, по их мнению, хорошо, лишь 8,6% не смогли полностью овладеть обучающими онлайн-технологиями. Вместе с тем, знания, полученные при дистанционном формате обучения, 53,2% респондентов не считают равнозначными знаниям, получаемым при очном взаимодействии, 23,2% студентов считают, что знания эквивалентны, остальные 23,6% затруднились ответить. Но, в целом, 55,4% опрошенных отметили удовлетворенность осуществленными в период карантина дистанционными формами обучения. Но настораживает, что 37,7% опрошенных оказались не удовлетворены такой формой обучения,

лишь 55,5% вполне довольны такой формой взаимодействия, только 6,8% затруднились ответить.

Возраст опрошиваемых студентов среднего и высшего профессионального образования от 15 до 23 лет, что согласно «теории поколений» говорит об их принадлежности к поколению Z, характеризующемуся как «носителей постинновационных ментальностей» [7, 8], Т. В. Оберемко отмечает, что именно поэтому обучающиеся легко адаптируются к новым технологиям, внедренным в привычное очное взаимодействие [11].

Среди опрошенных нами респондентов 70% отмечают, что обучаться дистанционно удобно, 17,7% считают эту форму неудобной, не смогли определиться 12,3%. Современные технологии предлагают обширный выбор траекторий по взаимодействию со студентами в процессе обучения и 75,5% респондентов довольны лекциями формата Online или вебинарами. Владивостокский государственный университет экономики и сервиса активно использует платформу электронной образовательной среды Moodle. 60,9% опрошенных студентов отметили работу на платформе, как удовлетворительную, для получения новых знаний. Будучи в «online», преподаватели дополняли возможность получать знания, отправляя студентам не только дополнительную литературу, но и собственные презентации по лекциям, как отметили 64,1% респондентов.

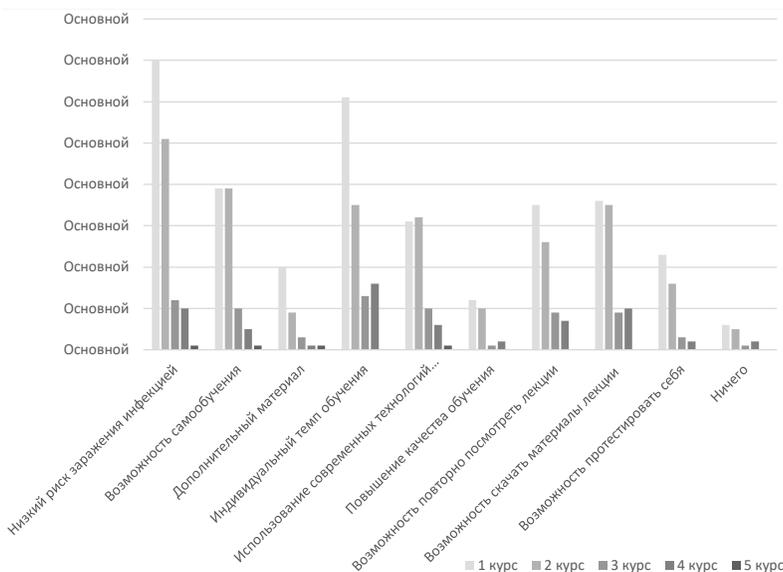
Опрошенные студенты отмечают и сложности, с которыми столкнулись: 55,9% считают, что с временным уходом на дистанционное взаимодействие нагрузка увеличилась, но отмечают плюсы, такие как: самостоятельная работа, которую отметили 46,4%; индивидуальный темп обучения (61,4%); низкий риск заражения (66,4%). Полученные данные приведены в рисунке 1 — «Достоинства дистанционного обучения, по мнению студентов».

Из представленной диаграммы видно, что среди основных достоинств студенты выделяют возможность самообучения и индивидуальный темп обучения. Становится очевидно, что в процессе обучения важным является самостоятельный поиск информации.

В качестве одной из форм самостоятельной работы авторы предлагают применять игровые технологии в формате «online» взаимодействия.

Как известно, игровые технологии активно используются в педагогической практике: деловые игры, ролевые игры, игровые тренинги и т.д. Применение игры в обучении позволяет преподавателю наладить коммуникацию при взаимодействии со студентами, а самим студентам быстрее освоить новый материал, погрузиться в атмосферу профес-

сиональной деятельности, анализировать и изменять свои действия в сложных и конфликтных ситуациях при работе. Это способствует повышению интереса к изучаемым дисциплинам, уменьшая затрачиваемое время для усвоения учебного материала [9, 16].

Рисунок 1. Достоинства дистанционного обучения, по мнению студентов

Выводы

Использование игры способствует включению логического мышления, при этом доставляя удовольствие обучающимся, воздействуя на их эмоции, дают четкое понимание, что студент и его обучение занимают центральное место в образовательном процессе [17, 18].

Конечно, использование игровых технологий может быть эффективным только в том случае, если все игровые элементы влияют на мотивацию и облегчают обучение. Мотивация обучающихся предполагает при этом активное начало деятельности, интенсивность и настойчивость поведения [19, 20]. Тем не менее, студенты не всегда обладают высокой мотивацией. В этом случае целесообразно при дистанционном обучении использовать социальные сети, так как они хорошо знакомы каждому современному студенту. Лучше всего социальные сети подходят для

отработки практических навыков. Причем можно констатировать, что в последние годы на различных интернет-площадках наблюдается прирост научно-популярного контента, основными пользователями которого являются школьники и студенты [1, 2].

Игры с использованием различных социальных сетей позволят каждому студенту погрузиться в практическую деятельность, тем самым знакомя со спецификой будущей профессии. Студенты самостоятельно или в команде занимаются сбором информации, адаптацией этой информации под формат той или иной социальной сети и непосредственной публикацией своего контента. Главной задачей игровых заданий является формирование понимания сущности будущей профессиональной деятельности, способствующее развитию общекультурных компетенций. На данном этапе преподаватель предоставляет список наиболее полезных источников или лекционные материалы, затем оценивает способность студентов к работе с литературой. Этот вид деятельности предоставляет полную свободу действий и поощряет ту самостоятельность в учебном процессе, которой отдают предпочтение современные студенты.

После освоения базового теоретического материала студентам предлагаются практические задания, направленные на формирование профессиональных компетенций. В этом случае целесообразно использовать элементы ролевых игр. Студентам предлагается выступить на практических занятиях «online» формата в разных ролях: роли работодателя или партнера, конкурента или коллеги. Осваиваются определенные игровые ситуации: разрешение конфликтов, участие в переговорах, собеседованиях и межличностном рабочем взаимодействии с коллегами в предлагаемых обстоятельствах. На основе полученных знаний об игровых технологиях, приемах сторителлинга, нарративных методах в онлайн коммуникациях обучающиеся в дальнейшем могут сами записывать мастер-классы, создавать видеолекции, готовить креативные рекламные тексты, используемые в копирайтинге и сопровождении аккаунтов, делиться информацией в социальных сетях. Примеряя на себе роль преподавателя, руководителя и др., студенты полностью погружаются в изучаемые темы и расширяют уже имеющиеся знания и навыки.

Игра — один из наиболее интересных и подходящих видов учебной деятельности в современных условиях. Благодаря играм студенты способны воспринимать и усваивать максимальное количество информации за короткий срок. Самое главное, что использование игровых технологий

способствует развитию важных навыков, таких как: коммуникативные, управленческие, организационные, игровые ситуации создают условия для отработки этих навыков, а деятельность, осуществляемая в игре, полностью контролируется самим студентом [15]. Преподаватель в данном случае выступает в качестве помощника и наставника.

Что касается позитивных сторон дистанционного обучения, то это возможность учащимся приобретать способности управления самостоятельной подготовкой, умений в поисках необходимой информации, навыков обратной связи в общении с преподавателем, освоения этикетных норм в процессе взаимодействия с ним. Достоинством этого образования, особенно в крупных городах, является экономия времени на дорогу к учебному учреждению. Индивидуальное общение с преподавателем позитивно может отражаться на застенчивых и неуверенных в себе обучающихся, не стремящихся отвечать на вопросы в большой группе обучающихся. Важным позитивным фактором является возможность получения знаний, не будучи привязанным к определенному географическому пространству.

Таким образом, перспективность данного образования состоит преимущественно в возможности гибкого сочетания его форм с традиционными формами.

В связи с возросшей социокультурной необходимостью дистанционных форм обучения профессорско-преподавательскому составу учебных заведений необходимо направить значительные усилия на их совершенствование. Интерес к дистанционным формам обучения и его проблемы, выявленные на основании проведенного опроса, предполагают подкрепление педагогической деятельности новейшими технологиями для полного погружения обучающихся в образовательный процесс.

Литература

1. *Аверьянова Г. А.* Интернет-проект как способ подготовки студентов к развитию творческой активности обучающихся // *Russian Journal of Education and Psychology*, 2016. № 12(68). С. 5–16.
2. *Антонова Т. А.* Учебная игра в профессиональном образовании // *Проблемы современной науки и образования*. 2016. № 8 (50). С. 55–61.
3. Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы России / *Нарбут Н. П.* [и др.] // *Социология образования*. 2020. — № 3. С. 611–620.
4. *Гаврилова Н. В., Есмурзаева Ж. Б., Гаврилова Н. С.* Электронное обучение и некоторые вопросы социально-психологической безопасности // *Концепт*. 2015.

№ 03 (март) [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15063.htm>. (дата обращения: 01.11.2021).

5. Дистанционное обучение в вузе / *Водолад С. Н.* [и др.] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 1 (13). С. 129–138.

6. *Иванов А. Г.* Компьютерные игры в обучении истории // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3(59). С. 134–138.

7. *Ковин Е. А., Лысенко О. В.* Теория поколений в контексте социологии управления // Научный результат. Социология и управление. Т. 5, № 4, 2019. С. 151–162.

8. *Кулакова А. Б.* Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 1–10.

9. *Малый Ю. М.* Игровые технологии в процессе обучения иностранному языку современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики // Сборник научных трудов. Под редакцией В. М. Панфиловой. 2017. Издательство: Елабужский институт Казанского федерального университета. С. 124–126.

10. *Михайлов О. В., Денисова Я. В.* Дистанционное обучение в российских университетах: «шаг вперед, два шага назад»? // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 65–76.

11. *Оберемко Т. В.* Когнитивные особенности современных студентов — миф или реальность // Образование и право. 2020. № 5. С. 155–159.

12. *Ольховая Т. А., Пояркова Е. В.* Новые практики инженерного образования в условиях дистанционного обучения // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 8/9. С. 142–154.

13. *Собирова Г. Э.* Преимущества и недостатки дистанционного обучения в высших учебных заведениях // Academic research in educational sciences. 2021. № 1. С. 55–61.

14. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности / *Алешковский И. А.* [и др.] // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 86–100.

15. Трансформация обучения в высшей школе во время пандемии: болевые точки / *Гафуров И. Р.* [и др.] // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 101–112.

16. *Торубарова И. И., Деряева О. Г., Деряева А. Г.* Применение игровых технологий в образовательном процессе медвуза // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7–3 (46) С. 124–126.

17. *Cagda Kivanc Caganaga Emine Gozcu* The importance of using games in EFL classrooms. *Cypriot Journal of Educational Sciences*. 2016. 1(3), 126–135.

18. *Cristyne Hebert, Jennifer Jenson* (2019) Digital Game-Based Pedagogies: Developing Teaching Strategies for Game-Based Learning. *The Journal of Interactive Technology and Pedagogy: promoting open scholarly discourse around uses of digital technology in teaching, learning, and research*. 15, 109–119.

19. *Rima Bahous, Nahla Nola Bacha, Mona Nabhani* (2011) Motivating Students in the EFL Classroom: A Case Study of Perspectives. *English Language Teaching*. 3, 33–43.

20. *Victor Samuel Zirawaga* (2017) Gaming in Education: Using Games as a Support Tool to Teach History. *Journal of Education and Practice*. 15, 55–64

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DISTANCE EDUCATION IN
MODERN RUSSIAN CULTURE

The article is devoted to the actual problems that students faced while studying during the spread of a new viral disease.

Distance learning is widely used in developed countries as additional education and training. Faced with the global threat to health and life, in general, mass gatherings of people fall under the ban, and the whole process of interaction between people is reflected precisely in webinars, online meetings, conferences and others, thereby, general education is moving into the online format, where not only students, but also teachers face a number of difficulties.

Since the threat has not passed, maintaining the distance will remain relevant despite the opening of schools and universities for face-to-face meetings, the period of quarantine measures will matter, which indicates the further demand for distance learning.

The article reflects an empirical study and presents an analysis of common problems, focuses on the positive aspects of distance learning, and proposes new ways of communicating with students through gaming technologies.

Keywords: higher education, distance learning, game, game technologies, educational problems, information technology, learning

References

- *Averianova G. A.* Internet-proect kak sposob podgotovki studentov k razvitiyu tvorcheskoy aktivnosti obychauyschihsia // Russian Journal of Education and Psychology, 2016. № 12(68). S. 5–16. [In Rus].
- *Antonova T. A.* Ychebnaya igra v professionalnom obrazovanii // Problemy sovremennoy nayki i obrazovania. 2016. № 8 (50). S. 55–61. [In Rus].
- *Cagda Kivanc Caganaga Emine Gozcu* (2016) The importance of using games in EFL classrooms. *Cypriot Journal of Educational Sciences*. 1(3), 126–135.
- *Cristyne Hebert, Jennifer Jenson* (2019) Digital Game-Based Pedagogies: Developing Teaching Strategies for Game-Based Learning. *The Journal of Interactive Technology and Pedagogy: promoting open scholarly discourse around uses of digital technology in teaching, learning, and research*. 15, 109–119.
- *Distantsionnoye obucheniye v vuze / Vodolad S. N.* [i dr.] // *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 1 (13). S. 129–138. [In Rus].
- *Gavrilova N. V., Yesmurzayeva ZH.B., Gavrilova N. S.* Elektronnoye obucheniye i nekotoryye voprosy sotsial'no-psikhologicheskoy bezopasnosti // *Kontsept*. 2015. № 03 (mart) [Elektronnyy resurs]. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15063.htm>. (data obrashcheniya: 01.11.2021). [In Rus].
- *Ivanov A. G.* Komp'yuternyye igry v obuchenii istorii // *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2019. № 3(59). S. 134–138. [In Rus].

- *Kovin Ye.A., Lysenko O. V.* Teoriya pokoleniy v kontekste sotsiologii upravleniya // Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye. T. 5, № 4, 2019. С. 151–162. [In Rus].
- *Kulakova A. B.* Pokoleniye Z: teoreticheskiy aspekt // Voprosy territorial'nogo razvitiya. 2018. № 2 (42). S. 1–10. [In Rus].
- *Malyy YU.M.* Igrovyye tekhnologii v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku sovremennyye problemy filologii i metodiki prepodavaniya yazykov: voprosy teorii i praktiki // Sbornik nauchnykh trudov. Pod redaktsiyey V.M. Panfilovoy. 2017 Izdatel'stvo: Yelabuzhskiy institut Kazanskogo federal'nogo universiteta. S. 124–126. [In Rus].
- *Mikhaylov O.V., Denisova YA.V.* Distantcionnoye obucheniye v rossiyskikh universitetakh: «shag vpered, dva shaga nazad»? // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2020. T. 29. № 10. S. 65–76. [In Rus].
- *Oberemko T. V.* Kognitivnyye osobennosti sovremennykh studentov — mif ili real'nost' // Obrazovaniye i pravo. 2020. № 5. S.155–159. [In Rus].
- *Ol'khovaya T.A., Poyarkova Ye. V.* Novyye praktiki inzhenernogo obrazovaniya v usloviyakh distantcionnogo obucheniya // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2020. T. 29. № 8/9. S. 142–154. [In Rus].
- *Rima Bahous, Nahla Nola Bacha, Mona Nabhani* (2011) Motivating Students in the EFL Classroom: A Case Study of Perspectives. *English Language Teaching*, 3, 33–43.
- *Sobirova G. E.* Preimushchestva i nedostatki distantcionnogo obucheniya v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh // Academic research in educational sciences. 2021. № 1. S55–61. [In Rus].
- Studenty vuzov Rossii o distantcionnom obuchenii: otsenka i vozmozhnosti / *Aleshkovskiy I. A.* [i dr.] // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2020. T. 29. № 10. S. 86–100. [In Rus].
- *Torubarova I. I., Deryayeva O. G., Deryayeva A. G.* Primeneniye igrovyykh tekhnologiy v obrazovatel'nom protsesse medvuza // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. 2020. № 7–3 (46) S.124–126. [In Rus].
- Transformatsiya obucheniya v vysshey shkole vo vremya pandemii: bolevyye tochki / *Gafurov I. R.* [i dr.] // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2020. T. 29. № 10. S. 101–112. [In Rus].
- *Victor Samuel Zirawaga* (2017) Gaming in Education: Using Games as a Support Tool to Teach History. *Journal of Education and Practice*. 15, 55–64.
- Vynuzhdennoye distantcionnoye obucheniye kak stimuly tekhnologicheskikh izmeneniy vysshey shkoly Rossii / *Narbut N. P.* [i dr.] // Sotsiologiya obrazovaniya. 2020.— № 3. S. 611–620. [In Rus].

А. Г. Рукавишников

Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры эстетики философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
E-mail: roukavishnikov@ya.ru

Andrey G. Rukavishnikov, PhD (Philosophy), Senior Lecturer of the Department of Aesthetics at the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University, Russia

В. В. Зеньковский об эстетическом воспитании и натуралистических тенденциях в педагогике

В статье предпринята попытка показать взаимосвязь, существующую между принципами христианской философии В. В. Зеньковского и его педагогическими идеями. Отстаивается тезис о том, что исходным пунктом воспитательной системы Зеньковского было опровержение педагогического натурализма, планомерное развитие которого приводит к крайне опасным тенденциям в образовательном процессе, в частности, к выхолащиванию его воспитательной компоненты, к подмене целостного педагогического процесса практической педагогикой, нацеленной исключительно на формирование навыков и умений для повседневной жизни. Педагогический натурализм и логически вытекающий из него метафизический индивидуализм являются следствием кризисных явлений как в педагогике, так и в европейской культуре в целом. Разобраться в причинах этого явления, а также в определённой степени защититься от него возможно, по мысли Зеньковского, в случае возврата в педагогическую теорию ценностного измерения, основанного на принципах христианской этики. Кроме того, необходимо уделить особое внимание эстетической составляющей воспитательного процесса, поскольку она способствует формированию правильного вкуса и прививает иммунитет против «хамизма» в культуре.

Ключевые слова: В. В. Зеньковский, педагогический натурализм, метафизический индивидуализм, воспитывающее обучение, христианская педагогика.

Как цитировать статью: Рукавишников А. Г. В. В. Зеньковский об эстетическом воспитании и натуралистических тенденциях в педагогике // Ценности и смыслы. 2021. № 5 (75). С.104–118.

Введение

В кругу людей, интересующихся русской философией, но не занимающихся ей профессионально, В. В. Зеньковский известен в основном своими историко-философскими изысканиями и имеет репутацию учёного, проделавшего поистине фундаментальную работу по реконструкции и актуализации основных идей и концепций русских мыслителей. Однако более пристальный взгляд на наследие отца Василия позволяет увидеть в его творчестве гораздо больше граней. В контексте данной статьи хотелось бы сфокусировать внимание как минимум на двух из них.

Во-первых, Зеньковский стремился к построению собственной, оригинальной, основанной на христианстве, философской системы. Для него было абсолютно очевидно, что христианское богословие и философия не находятся в противостоянии, как часто это пытаются представить, а наоборот — дополняют друг друга в органическом синтезе. Подлинная философия, по мнению отца Василия, должна строиться на преодолении разделения между богословием и философией, на выстраивании диалога между ними в новом социокультурном контексте, с учётом долгого исторического пути, который был пройден как светской философией, так и христианским богословием. В сфере философии Зеньковский раскрывает интеллектуальный и познавательный потенциал христианства, в противовес устоявшейся в западной интеллектуальной культуре точке зрения отстаивает саму возможность и даже необходимость построения христианской философии [12], наглядно демонстрирует надуманность тезиса об изначальном конфликте науки и религии. Вместе с тем он резко выступает против попыток рассмотрения религиозного опыта как чего-то производного, вторичного; при всём своём внимании и интересе к области психологии Зеньковский отрицательно относится к стремлению свести всю область религиозного к определённым психологическим механизмам [15].

«Основы христианской философии» — уникальный образец такого рода подхода к решению общих для философии и богословия мировоззренческих проблем, своеобразный творческий ответ на кризисные явления в секулярной философии XX века. В этой работе Зеньковский проявляет себя и как блестящий знаток обширного историко-философского материала, и как чуткий диагност своего времени, мыслитель, выстраивающий свою концепцию не только в рамках строгого логического подхода и аргументов разума, но ещё и, выражаясь языком Блеза

Паскаля, прислушиваясь к «доводам сердца». «Мы познаем истину не только разумом, но и сердцем. Именно сердцем мы познаем начальные понятия, и тщетно рассудок, к этому непричастный, пытается их опровергнуть» [17], — пишет Паскаль, и эта его установка оказывается вполне созвучной мировоззренческим поискам Зеньковского, да и русской религиозной философии в целом [20].

По мнению отца Василия, религиозное и, в частности, христианское мировоззрение отнюдь не противоречит науке и философии, наоборот, ретроспективный взгляд на европейскую культуру доказывает нам исходное органическое единство науки и религии, возможность их симбиоза, плодотворного и продуктивного взаимодействия между ними. К так называемой естественной философии Зеньковский относится настороженно, полагая, что её возникновение было следствием «упрощённого воцерковления» античной и в особенности аристотелевской философии, которое во времена Фомы Аквинского привело к гносеологическому дуализму знания и веры. «Отделять разум от веры, философию от богословия — значит ограничивать свет Откровения только той сферой духа, которая обращена к Богу, считать, что жизнь в Церкви не открывает нам пути к преобразению всего нашего естества, запечатленного действием первородного греха» [12].

Во-вторых, отец Василий приложил немало усилий для создания оригинальной педагогической концепции. Причём, что важно, в этой области многие его выводы были фундированы серьёзным эмпирическим материалом, а не базировались на чистых теоретических постулатах. Конечно, мы не можем сказать, что в области педагогики Зеньковский-практик полностью вытесняет Зеньковского-метафизика. Вернее будет сказать так: даже когда отец Василий ведёт речь о принципах воспитания, он остаётся глубоким и вдумчивым мыслителем, просто его философское дарование реализуется немного в иной форме, принципы христианской философии выступают здесь своего рода базисом.

Христианский фактор в педагогической системе В. В. Зеньковского.

Опасность «метафизического индивидуализма»

Хронологически интерес к проблемам психологии и педагогики предшествовал разработке Зеньковским основ христианской философии и даже принятию им священного сана, однако можно уверенно сказать, что в латентном, несистематизированном виде они легли в основу как

психологической, так и связанной с ней педагогической концепции отца Василия. По крайней мере, внимательный анализ совокупности работ Зеньковского убедительно показывает наличие тесной связи между философским кредо отца Василия и его общими педагогическими установками.

В работах «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» [9], «Предмет педагогической психологии» [8], «Социальное воспитание, его задачи и пути» [11], а также в целом ряде отдельных статей, опубликованных в эмигрантской печати, отец Василий отстаивает идею о том, что религиозная компонента не должна оставаться на периферии образовательного процесса, вытесняться только в узкое пространство религиозного образования, воскресных и прочих религиозных школ. Своей главной целью Зеньковский объявляет продвижение идей христианской антропологии в педагогику вообще и особенно в педагогику отечественную, причём не в каком-то ограниченном формате. Речь идёт о необходимости принять религиозное в полной мере, признавая, что христианское мировоззрение, моральные ценности христианства и, в первую очередь, христианское понимание человека в том виде, в котором оно было сформулировано ещё в эпоху мужей апостольских, а именно как органическое единство тела, души и духа [16], призваны вновь стать фундаментом образовательной системы в целом и детской педагогики в частности.

Отец Василий убеждён, что личность может быть главной целью педагогической деятельности, только если она фундирована в Боге. В этом случае возможна реализация главной предпосылки воспитательной деятельности, а именно — «веры в детскую душу». «В свете христианской антропологии основные вопросы воспитания получают новое освещение, получают иной смысл, чем обычно мы видим в них. Самая задача воспитания в свете христианской антропологии освобождается от той поверхностности, которая присуща самым лучшим течениям современной педагогики, занятой часто поистине пустяками и проходящей мимо основных и страшных проблем жизни. Вера в детскую душу, как основа и "оправдание" всего воспитания, надлежаще осмысливается лишь в том учении о человеке, какое развивает христианство» [9].

В случае отвержения действия «супранатуральных» начал в развитии личности мы неизбежно придём к так называемому *педагогическому натурализму*, когда образование ставит главной и единственной целью

приспособление ребенка к конкретным запросам современной жизни, к её вызовам и тем задачам, которые она ставит перед человеком. Иными словами, это практически ориентированная педагогика, способствующая воспитанию системы ориентиров в области нашей повседневной жизни и не более того.

В «Проблемах воспитания в свете христианской антропологии» отец Василий достаточно подробно рассматривает различные варианты педагогического натурализма, исследует мировоззренческие парадигмы, из которых он вырастает. Общим мировоззренческим ядром для активизации процесса «натурализации» педагогики Зеньковский называет рационалистические установки эпохи Просвещения, связанные с верой в возможность рационального переустройства жизни на началах разума, а главное — с признанием того, что это самое переустройство жизни всецело в нашей власти.

Зеньковский справедливо сетует, что педагогическим системам, возникающим на основе натурализма, как будто бы не хватает глубины в понимании человека. Они в определённом смысле одномерны и по этой причине достаточно узко и ограниченно трактуют внутреннее богатство человеческой личности, например, редуцируя его исключительно к интеллектуальной составляющей. Во многом под воздействием натурализма происходит постепенная замена в системе школьного образования воспитания обучением или, выражаясь языком Иоанна Фридриха Гербарта, «воспитывающим обучением». «И я теперь же признаюсь,— пишет Гербарт в «Общей педагогике»,— что не представляю себе воспитания без преподавания, и, обратно, по крайней мере, в этой книге не признаю такого преподавания, которое бы не было воспитывающим» [6]. Ключевой интенцией Гербарта было формирование максимально целостной воспитательной стратегии, в рамках которой воспитание и обучение как специфические цели, средства и последовательные процессы были бы объединены общей целью — приближением воспитанника к добродетели [19] Однако на практике планомерное развитие принципа «воспитывающего обучения» приводит к тому, что собственно воспитательная компонента оказывается сильно урезанной, а то и вовсе элиминированной из системы образования. Особое внимание Зеньковский обращает на тот факт, что педагогический натурализм почти полностью исключает проблему смысла человеческой жизни, снимает с повестки дня необычайно важные для христианского мировоззрения

вопросы о смерти и спасении. В конечном счёте, по мысли отца Василия, целью педагогической деятельности должно стать не «воспитывающее обучение», а «обучающее воспитание».

«Надо понять, что это все не риторика, не надуманное осложнение педагогической мысли, а наоборот — неустраимая тема её. Надо понять, что связывание в воспитании проблем земной жизни с темой вечности не вытекает из религиозного обоснования, а, наоборот, его требует. Потому и необходимо религиозно осмыслить вопрос воспитания, что есть смерть, есть неизбежный разрыв в движении души к ее целям... Воспитание в последнем своем смысле и должно ставить проблему спасения — ставить ее более даже остро и серьезно, чем в другой постановке ее» [9].

В своих лучших проявлениях педагогический натурализм проявляет характерное для себя внутреннее противоречие, как будто осознавая свою односторонность. Например, во французском Просвещении мы можем обнаружить возврат к новозаветным мотивам в антропологии; более того, Жан-Жак Руссо, например, развивает упомянутое нами выше и столь важное для христиански ориентированной педагогики учение о детской душе; в «Эмиле» отношение к ребёнку буквально пронизано новозаветными мотивами, стремлением воспитать личность, свободно выбирающую благо и следующую за Творцом, ибо «всё выходит хорошим из рук Творца, всё вырождается в руках человека» [18]. Но, с другой стороны, в эту же эпоху мы видим, как вера в детскую душу приводит не к органически связанной с ней идее спасения, а, напротив, к забвению или устранению христианского учения о первородном грехе, к возрастанию столь пагубного для педагогики *метафизического индивидуализма*, который, в конечном счёте, приводит педагогическую теорию в состояние глубокого кризиса.

«С нашей точки зрения основная причина современного педагогического кризиса в том и заключается, что педагогическая мысль оторвалась от христианской антропологии, что вслед за другими сферами культуры педагогика стала на путь секуляризации, отделения себя от веры, от Церкви. Преодоление педагогического натурализма, возврат к обоснованию педагогики в целостном христианском мировоззрении, привлечение идей христианской антропологии к освещению основных проблем педагогики — и есть та основная задача, в разрешении которой лежит ключ к плодотворному творчеству в сфере воспитания» [9].

Потенциал педагогического натурализма в контексте христианской педагогики

Кризисные явления в области педагогики нельзя считать отдельным феноменом, эффективно разобраться в их причинах мы сможем только в том случае, если подойдём к этому вопросу с предельно широких исследовательских позиций, будем рассматривать ситуацию в педагогике как частный случай общекультурного европейского кризиса. Здесь, с одной стороны, жизненно важными оказываются философская интуиция, вдумчивое и внимательное изучение многомерности феномена ново-европейской культуры, а с другой — готовность к диалогу, отсутствие категоричности в оценках, желание вести дискуссию на поле идейных оппонентов.

По нашему мнению, в своей педагогической концепции отец Василий демонстрирует нам образец такого подхода. Отмечая безусловную односторонность натуралистического подхода в педагогике, он всё же не отвергает его полностью. За ним признаётся важное прикладное значение, он в определённой степени способствует развитию педагогического знания, например, ставит чётко и настойчиво вопрос о развитии творческих сил в ребенке, активизирует интерес к психологии детства, особенно на фоне активного развития естественнонаучного знания во второй половине XIX века.

«Все эти мотивы могут быть рецепированы христианской мыслью: учение о ребенке и внимание к его природе вполне отвечает христианскому отношению к ребенку; научно-психологический подход, будучи нейтральным по своей природе, вполне может быть воспринят христианской мыслью... Но если христианская мысль может рецепировать эти мотивы, то нельзя все же забывать их всегдашнюю двойственность: будучи, с одной стороны, приемлемыми для христианства, они, с другой стороны, работали на те тенденции времени, которые шли явно против религии. Надо сказать, что двойственность присуща почти всем педагогическим идеям, поэтому нужно обладать христианским критицизмом, чтобы усваивать из педагогического материала то, что нам подходит» [7].

Собственно, интерес Зеньковского к психологическим проблемам педагогики во многом был обусловлен желанием синтезировать научные достижения педагогического натурализма с принципами христианской педагогики. Или, вернее сказать, желанием христианизировать их, подобно тому, как на заре христианской веры усилиями представителей

Александрийской школы христианизировались философские и культурные достижения античности.

Реализация этой интенции происходит поэтапно, путём реформы метафизических оснований психологии, раскрытия самой возможности психологического исследования религии и применения наработок в этой области к педагогической теории.

Первым шагом в этом направлении можно считать осмысление Зеньковским вопроса об основаниях психологии как области научного знания. Опираясь, в первую очередь, на работы Л. М. Лопатина и Г. И. Челпанова, он формулирует свои общепсихологические идеи и свой оригинальный подход к психологии в целом. «Говоря о психологии у В. В. Зеньковского, надо обязательно иметь в виду (во избежание некоторой инерции современного восприятия места и роли этой дисциплины), что речь у него идёт не об эмпирической психологии, занятой изучением психических «фактов» и в специальном разделе обобщающей и систематизирующей полученные данные. Мыслитель всё время имеет в виду психологию *философскую*, или *метафизическую*, т.е. дисциплину, обращённую к истокам психики и стремящуюся, *прежде всего*, прояснить природу и основания психического бытия» [13, с. 94].

Следующий шаг можно считать работу «Задачи религиозной психологии» (1915), где Зеньковский в режиме диалога с актуальными западными авторами обрисовывает в целом предмет психологии религии. Обращая внимание читателя на безусловную значимость субъективной стороны религии и религиозных переживаний конкретного человека, Зеньковский тем не менее старается не преувеличивать роль этого фактора, старается избежать крена в область психологизма. «Однако процесс развития новой научной дисциплины имеет и свою негативную сторону — «психологизм», то есть подход, в рамках которого исключаются все другие постановки религиозной проблемы, кроме психологической. Тем не менее «психологизм» в этом смысле является детищем «дурной психологии» и может быть устранен путем развития более адекватных подходов в самой этой науке. В оппонировании как овнешняющим социологическим или медицинским подходам, так и «психологизму», Зеньковский строит свою программу психологии религии как «эмпирической» и вместе с тем «теоретической» науки» [1].

Наконец, финальным аккордом звучит книга 1923 года «Психология детства» [10]. В ней Зеньковский активно ссылается на актуальные пси-

хологические теории, в частности, на теорию психоанализа (упомяная имена Зигмунда Фрейда и Альфреда Адлера), но при этом руководствуется принципом «христианского критицизма», остаётся верным тем фундаментальным принципам, которые будут им чётко и системно сформулированы десять лет спустя в книге «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии». Любопытно, что схожим образом обращается к психоаналитической традиции другой видный русский философ Б. П. Вышеславцев. Обращаясь к важному для Фрейда понятию сублимации, Вышеславцев трактует его совершенно в ином ключе, как «восстановление первоначально-божественной и к Богу устремленной формы» [5].

Эстетическое воспитание как средство против «хамизма» в культуре

Другой важной темой книги «Психология детства» становится вопрос об «эстетической жизни» ребёнка. Дело здесь вовсе не в желании соответствовать философской моде рубежа конца XIX — начала XX вв., которая упорно увязывала эстетику и психологию, рассматривала эстетику как исключительно психологическую науку [14]. Зеньковский уделяет пристальное внимание сфере эстетики совсем по иным причинам, для него раскрытие глубокой внутренней связи психологии и эстетики является важным, исходя из более широкого социокультурного контекста.

Общий дух времени, проявляющийся во всё возрастающей секуляризации и реализации принципа «расколдовывания мира», порождает новый тип отношения к бытию, принципиально меняет отношение к человеку и всю систему межличностных связей. В русской религиозной философии этот процесс подвергался многократному и всестороннему анализу, причём, как правило, под критическим углом. Именно в отходе от религиозного начала наиболее ярко проявляется принципиальное отличие между культурой и цивилизацией. Как писал в «Философии неравенства» Н. А. Бердяев, «... в цивилизации есть хамизм зазнавшегося *raguenu*. Этот хамизм передается и культуре, как только она пытается окончательно стать безрелигиозной». [3]. Неизбежным следствием этого «хамизма» становится состояние кризиса культуры, который проявляется в разных сферах человеческой жизни, но наиболее ярко и показательно, пожалуй, в области художественного творчества и искусства. Здесь происходят настолько радикальные изменения, что некоторые исследователи говорят даже не о кризисе, а о процессе умирания того,

что в рамках классической эстетики именовалось искусством [4].

Действительно, эстетическая оболочка культуры оказывается в этой ситуации весьма незащищённой, открытой для агрессивных вторжений извне. Именно для того, чтобы в будущем культура могла полноценно функционировать, весьма важно присмотреться к механизмам формирования эстетических реакций, к специфике «эстетической жизни» ребёнка.

Выделяя разные возрастные группы детства, Зеньковский особенно пристально изучает эстетическую жизнь детей с 3–3,5 лет (время пробуждения интереса к сфере выразительного) и до подросткового возраста, поскольку в эти годы она носит наиболее непосредственный характер. К тому же сформированный в этом возрасте эстетический каркас в значительной степени влияет на ценностные ориентиры и эстетические пристрастия человека в дальнейшем.

Эстетическая сфера ребёнка во многом сродни моральной, поскольку обе они связаны с особым типом мироотношения и носят комплексный целостный характер. Однако если проявление морального начала у ребёнка часто носит неявный, латентный характер, нуждается в психологической работе для своего проявления, то эстетическое начало, как правило, проявляется у ребёнка ярко и предельно открыто. Это весьма благодатный и доступный для исследователя материал, поскольку, как констатирует Зеньковский, «отношение ребёнка к миру (беря лишь то, что даёт эмпирическая сторона личности) носит по преимуществу эстетический характер: эстетическая установка доминирует в детской душе» [10].

Вместе с тем необходимо признать, что эстетические чувства в детском возрасте носят поверхностный характер, для них характерна «печать импрессионизма»: ухватываясь за малейшую возможность восприятия прекрасного, искренне радуясь ему и восхищаясь им, ребёнок всё же не способен претворить сильное эмоциональное переживание в полноценный эстетический опыт в силу неразвитости эстетического мышления и несформированности вкуса.

Эстетическая чувствительность детей проявляется в основном в их необычайном познавательном любопытстве и интересе. Для них не только всё интересно, но и всё прекрасно, без какого-то ни было разделения на виды искусства или жанры творчества. Зеньковский достаточно точно обозначает это словосочетанием «универсальность эстетических интересов». Но при обращении к эстетическому миру ребёнка важно

понимать, что эта универсальность носит не только пассивно-созерцательный характер, как часто бывает у взрослых. Напротив, ей свойственно кипучее желание творчески преобразовывать мир вокруг себя, экспериментировать с различными выразительными средствами с предельным минимумом осмысления, рефлексии. Особую продуктивность этому процессу придаёт игровой характер деятельности ребёнка, его желание драматизировать, эмоционально насыщать любой жизненный опыт. По большому счёту, здесь мы имеем дело с мечтой любого художника — чистым художественным экспериментом, актом творчества в своём самом непосредственном и ярком выражении. (Комментарий 1).

В «Психологии детства» особое внимание уделяется трём видам детского творчества — рисованию, лепке и поэзии, понятой как способность *активно воспринимать* искусство слова (в первую очередь, сказки).

Говоря о рисовании, Зеньковский показывает прямую взаимосвязь этого навыка с развитием языка и формированием того, что несколько позже будет определено американским психологом Рудольфом Арнхеймом как «визуальное мышление» [2]. Отец Василий со ссылкой на исследовательскую литературу и на конкретных примерах показывает оправданность такой взаимосвязи и отмечает, что развитие языка и формирование речи, очевидно, опережает визуальное мышление ребёнка, которое в графическом выражении достаточно долго остаётся на стадии «марания». Кроме того, весьма интересным Зеньковскому представляется некоторая общность, наличествующая между языком и рисованием в первые годы жизни ребёнка: подобно тому, как на первых стадиях развития речи одно слово может заменять собой целое предложение, первоначальные детские рисунки (возникающие, правда, в более позднем возрасте) идут от некой общей черты, которая затмевает собой все прочие, частные. Это наиболее характерно для изображения человека, поскольку именно человек является главным предметом изображения в детских рисунках.

Зеньковский достаточно подробно останавливается на стадиях развития детского рисунка (стадию чистой схемы, стадию смешанной схемы, стадию силуэтов или контуров и, наконец, стадию пластического изображения), отмечая, между прочим, глубокий символизм, который особенно характерен для творчества в раннем детстве. В определённом смысле именно в акте творчества и особенно в акте художественного творчества ребёнок способен познакомиться с феноменом возникновения вещей, прикоснуться к тайне созидания. «Рисование (и лепка —

прим. А.Р.) становится не только средством эстетического творчества, средством "изображения" тех или иных образов, занимающих внимание ребенка, — оно является техническим введением в сферу той активности, с помощью которой мы можем творить, созидать нечто объективное, реальное» [10].

Отдельно Зеньковский останавливается на сказках и их восприятии детским сознанием. По его мнению, драматизм и творческий потенциал детской игры очень созвучен миру сказок. В этом и кроется причина их необычайной популярности среди детей. Кроме того, волшебный мир сказок тесно связан с формированием речи ребёнка, с особым отношением его к слову, самому процессу именованию предметов.

Для более содержательного понимания специфики эстетического опыта у детей важно отличать сказку и миф. «Сказка и миф расходятся, поэтому не столько по принадлежности своей к разным сферам реальности (тем более, что позднейшие сказки — типа сказки о Робинзоне — приближаются к действительности), сколько по участию в их создании разных психических сил, — по своим целям, по своей установке. Задача сказки — дать образы, в которых выражаются, которыми питаются чувства, миф же имеет познавательную функцию, вытекает из задачи понимания действительности» [10].

Заключение

Как видим, эстетическая сфера играет необычайно важную, возможно, даже ключевую роль в формировании личности ребёнка, особенно на ранних этапах его развития. Зеньковский относит эстетическую способность к области высшей духовной жизни ребёнка наряду с моральной и религиозной сферами. Несмотря на глубокую взаимосвязь трёх указанных сфер, между ними существуют существенные различия. Если моральная и религиозная сферы потаены, скрыты в душе ребёнка, в связи с чем их исследование представляется весьма трудоёмким делом, то эстетическая сфера открыта, её внешние проявления обнаруживаются легко, без особых усилий.

Впрочем, богатство и разнообразие эмпирического материала, а также кажущаяся простота и даже некоторая наивность эстетической жизни ребёнка не должна вводить нас в заблуждение. За этим внешним фасадом под пристальным взглядом обнаруживается глубокое духовное содержание, которое способствует пробуждению личностного начала

у ребёнка. Зеньковский наглядно демонстрирует, что занятия творческой направленности при правильном применении со временем могут привести к развитию чувства вкуса, к формированию эстетического иммунитета против того самого культурного «хамизма». В этой связи нет сомнений в том, что школа не должна подавлять стремление ребёнка к эстетике, а всячески поощрять, поскольку, как пишет Зеньковский, «дитя не ищет прежде всего знания — а ищет выражения и питания своей внутренней жизни» [10].

Комментарии

Здесь невольно вспоминаются художественные поиски авангарда, стремление отдельных художников к ничем не опосредованному, «автоматическому» художественному акту. Также весьма симптоматично, что одна из версий происхождения самого слова «дадаизм», отсылает нас как раз к детскому лепету, первому детскому слову.

Литература

1. Антонов К.М., Колкунова К.А. Василий Васильевич Зеньковский: религиозное переживание как основа психологии религии и идеи религиозного воспитания. Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2018. Вып. 48. С. 107 – 120.
2. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Архитектура-С, 2007. 391 с.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
4. Вейдле В.В. Умирание искусства. М.: Республика, 2001. 445 с.
5. Вышеславец Б.П. Этика преображённого Эроса. М.: Республика, 1994. 367 с.
6. Герbart И.Ф. Общая педагогика, выведенная из цели воспитания // Избранные педагогические сочинения. Т.1. М.: Учпедгиз, 1940. 292 с.
7. Зеньковский В.В. Педагогика. М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. богослов. ин-та, 1996. 153 с.
8. Зеньковский В.В. Предмет педагогической психологии // Педагогика и психология / Русская школа за рубежом. Прага, 1925. Кн. 9. С. 13–21.
9. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Изд-во Свято-Владим. братства, 1993. 222 с.
10. Зеньковский В.В. Психология детства. М.: Академический Проект, 2019. 406 с.
11. Зеньковский В.В. Социальное воспитание, его задачи и пути. М.: Моск. просвет. комиссия, 1918. 94 с.
12. Зеньковский В.В. Христианская философия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 1068 с.
13. Летцев В.М. Киевский период творчества В.В. Зеньковского. Реформа метафизических оснований психологии // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2006. Вып. I: 16. С. 93 – 104.
14. Липс Т. Эстетика // Философия в систематическом изложении. М.: Территория будущего, 2006. 440 с.

15. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
16. Мейендорф И., священник. Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1985. 359 с.
17. Паскаль Б. Мысли. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995. 480 с.
18. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Педагогические сочинения: в 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. 656 с.
19. Скрыбина Т.О. Педагогический анализ основных компонентов системы И.Ф. Гербарта // Гуманитарные исследования. 2019, №1 (22). С. 130 – 133.
20. Тарасов Б.Н. Философия сердца в творчестве Паскаля и русских мыслителей // Вестник РХГА. 2015. Том 16. Выпуск 3. С. 229 – 238.

V. V. ZENKOVSKY ON AESTHETIC EDUCATION AND NATURALISTIC TENDENCIES IN PEDAGOGY

The article attempts to show the deep relationship that exists between the principles of Christian philosophy of V. Zenkovsky and his pedagogical ideas. The thesis is defended that the starting point of Zenkovsky's educational system was the refutation of pedagogical naturalism, the systematic development of which leads to extremely dangerous trends in the educational process, in particular, to the disregard of its upbringing component, to the substitution of a complex pedagogical process with practical pedagogy aimed exclusively at the formation of skills and abilities for everyday life. Pedagogical naturalism and the metaphysical individualism that logically follows from it are the result of crisis phenomena, both in pedagogy and in European culture as a whole. According to Zenkovsky, it is possible to understand the causes of this phenomenon, as well as to protect oneself from it to a certain extent, in the case of a return to the pedagogical theory of the value dimension based on the basic principles of Christian ethics. In addition, it is necessary to pay special attention to the aesthetic component of the educational process, since it contributes to the formation of the right taste and instills immunity against "Hamism" in culture.

Keywords: V. Zenkovsky, pedagogical naturalism, metaphysical individualism, Christian pedagogy.

References

- Antonov K. M., Kolkunova K. A. Vasilij Vasil'evich Zen'kovskij: religioznoe perezhivanie kak osnova psihologii religii i idei religioznogo vospitaniya. Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psihologiya. 2018. Vyp. 48. S. 107–120. [In Rus].
- Arnhejm R. Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie. M.: Arhitektura-S, 2007. 391 s. [In Rus].
- Berdyayev N. A. Filosofiya neravenstva. M.: Institut russkoj civilizacii, 2012. 624 s. [In Rus].

В.В. Зеньковский об эстетическом воспитании и натуралистических тенденциях ...

- Gerbart I. F. Obshchaya pedagogika, vyvedennaya iz celi vospitaniya // Izbrannye pedagogicheskie sochineniya. T.1. M.: Uchpedgiz, 1940. 292 s. [In Rus].
- Letcev V. M. Kievskij period tvorchestva V. V. Zen'kovskogo. Reforma metafizicheskikh osnovanij psihologii // Vestnik PSTGU I: Bogoslovie. Filosofiya. 2006. Vyp. I: 16. S. 93–104. [In Rus].
- Lipps T. Estetika // Filosofiya v sistematicheskom izlozhenii. M.: Territoriya budushchego, 2006. 440 s.
- Losskij N. O. Istoriya russkoj filosofii. M.: Sovetskij pisatel', 1991. 480 s. [In Rus].
- Mejendorf I., svyashchennik. Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie. N'yu-Jork, 1985. 359 s. [In Rus].
- Paskal' B. Mysli. M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh, 1995. 480 s. [In Rus].
- Russo Zh.-Zh. Emil', ili O vospitanii // Pedagogicheskie sochineniya: v 2-h t. T. 1. M.: Pedagogika, 1981. 656 s. [In Rus].
- Skryabina T. O. Pedagogicheskij analiz osnovnyh komponentov sistemy I. F. Gerbarta // Gumanitarnye issledovaniya. 2019, № 1 (22). S. 130–133. [In Rus].
- Tarasov B. N. Filosofiya serdca v tvorchestve Paskalya i russkikh myslitelej // Vestnik RHGA. 2015. Tom 16. Vypusk 3. S. 229–238. [In Rus].
- Vejdle V. V. Umiranie iskusstva. M.: Respublika, 2001. 445 s. [In Rus].
- Vysheslavcev B. P. Etika preobrazhyonnogo Erosa. M.: Respublika, 1994. 367 s. [In Rus].
- Zen'kovskij V. V. Hristianskaya filosofiya. M.: Institut russkoj civilizacii, 2010. 1068 s. [In Rus].
- Zen'kovskij V. V. Pedagogika. M.: Izd-vo Pravoslav. Svyato-Tihon. bogoslov. in-ta, 1996. — 153 s. [In Rus].
- Zen'kovskij V. V. Predmet pedagogicheskoj psihologii // Pedagogika i psihologiya / Russkaya shkola za rubezhom. Praga, 1925. Kn. 9. S. 13–21. [In Rus].
- Zen'kovskij V. V. Problemy vospitaniya v svete hristianskoj antropologii. M.: Izd-vo Svyato-Vladim. bratstva, 1993. 222 s. [In Rus].
- Zen'kovskij V. V. Psihologiya detstva. M.: Akademicheskij Proekt, 2019. 406 s. [In Rus].
- Zen'kovskij V. V. Social'noe vospitanie, ego zadachi i puti. M.: Mosk. prosvet. komissiya, 1918. 94 s. [In Rus].

Теологическая интерпретация феномена милосердия в исламской традиции в контексте духовной безопасности

В представленной статье осуществлена теологическая интерпретация феномена милосердия в контексте исламской традиции, которая является необъемлемой частью духовной жизни России. В начале милость и милосердие рассматриваются как «атрибуты Аллаха «Ар-Рахман» («Милостивый») и «Ар-Рахим» («Милосердный»)» [29, с. 43] с акцентом на учение о всеохватности божественного милосердия выдающегося татарского религиозного мыслителя начала XX века Мусы Джаруллаха Бигиева. Далее на основе Корана и хадисов анализируется пророческая миссия Мухаммада, проповедующего проявление милосердия и сострадания к родным и близким, детям, сиротам, больным, бедным и обездоленным, а также к незнакомым, иноверцам и даже притеснителям; миссия, рассматриваемая мусульманскими мыслителями как милость Аллаха, проявленная всем мирам. Отмечается, что проявление милосердия и сострадания является одной из основных составляющих религиозной практики мусульман, средством спасения, приводящим к искуплению грехов и избеганию наказания; получению награды и места в раю; защите от мук, ожидающих умершего в могиле и от испытаний Судного дня. Делается акцент на том, что акты «милосердия в исламе, рассматриваемое как базовое качество и потребность, коренящаяся в деятельной социальной природе человека, носят как обязательный, так и рекомендательный характер, одним из проявлений которого является

Как цитировать статью: Седанкина Т. Е. Теологическая интерпретация феномена милосердия в исламской традиции в контексте духовной безопасности // Ценности и смыслы. 2021. № 5 (75). С.119–135.

Т. Е. Седанкина

Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой систематической теологии ЧУВО «Российский исламский институт», Казань.
E-mail: tatiana-svetlaya@mail.ru

Tatyana Ev. Sedankina
Ph.D (Education), Associate Professor, head of the Department of systematic theology of the "RUSSIAN Islamic Institute", member of the Association of Psychological Assistance to Muslims, Kazan, Russia

благодетельность» [37, с. 17].

Ключевые слова: *духовная и религиозная безопасность; теология; милосердие; всеохватность божественного милосердия; миротворческий потенциал ислама.*

Введение

Безопасность страны, обеспечивающаяся благодаря особому вниманию к ее ключевым взаимосвязанным компонентам (*национальной, духовной и религиозной безопасности*), является одной из важнейших ценностей гражданского общества. Президент В. В. Путин в феврале 2007 года на пресс-конференции в Москве подчеркнул, что «укреплению российской государственности, созданию необходимых предпосылок для обеспечения внешней и внутренней безопасности страны способствуют как ядерный щит России, так и традиционные конфессии России» [13]. Профессор В. Ю. Гадаев убежден, что вышеперечисленные виды безопасности «органически взаимосвязаны» [9, с. 13]. Духовная безопасность, заключающаяся в осуществлении защиты духовных интересов граждан как от внешних, так и от внутренних угроз [6, с. 147], способствует сохранению и популяризации таких нравственных ценностей, как патриотизм, толерантность, милосердие, сострадание, а также укреплению духовной сферы общества, включающей в себя «культурную, идеологическую, информационно-психологическую, научно-образовательную и религиозную безопасность» [35, с. 13]. Особое внимание важности обеспечения «религиозной безопасности общества» [15, с. 19] уделяет Ш. Р. Кашаф. В постановлении Государственной думы четко прописано: «Считать религиозную безопасность российского общества важным приоритетом национальной безопасности наряду с военной, политической, экономической, экологической и социальной» [27].

Осмысление значимости вопросов духовной безопасности, фундаментальным сегментом которой является безопасность религиозная, стал актуальной темой современных исследований. Так, С. Н. Борисов и А. М. Дмитраков убеждены, что в современных реалиях духовную безопасность необходимо перевести с периферийных позиций на основные. Исследователи ратуют за целесообразность институционализации духовности, что позволит снять противоречие между мирским и сакральным, дополнив понятие безопасности «элементом духовности — дружественным Другим», ослабляющим «дихотомию свой-чужой» [3, с. 47].

Следует признать особый вклад традиционных религий в развитие духовной безопасности страны. С. Н. Борисов полагает, что благодаря вере, способствующей поиску ответов на экзистенциальные вопросы, жизнь становится более безопасной, а также осуществляется эффективное посредничество между своими и другими, что является «мощным источником солидарности и дихотомии свой — чужой» [4, с. 52]. В связи с этим В. Ю. Гадаев убежден, что в рамках государственной политики необходима разработка комплекса мероприятий, способствующих обеспечению защиты традиционных духовных ценностей народов России [9, с. 16].

Одним из первых шагов в данном направлении стало создание в декабре 1998 года Межрелигиозного совета [20], который ставил своей целью объединение духовных лидеров и представителей четырех духовных конфессий страны, ратуя за «развитие отечественной теологической школы и ее признание государством», за предоставление россиянам возможности получения знаний, касающихся духовных и культурных традиций народов нашей страны, за утверждение традиционных духовных ценностей, согласия и стабильности.

Особым шагом, способствующим развитию духовной безопасности страны, стала образовавшаяся в феврале 2018 года *Научно-образовательная теологическая ассоциация* (НОТА), способствующая консолидации научно-образовательного и духовного сообщества с целью осуществления совместной научной, методической и экспертной деятельности вузов страны, реализующих направление подготовки «Теология». «Становление профессионального теологического сообщества на базе светских университетов, а также вузов, принадлежащих традиционным религиям России, с привлечением к этой работе иных научных, образовательных, общественных, религиозных, организаций и объединений, будет служить интересам устойчивого и безопасного развития нашего многонационального и многоконфессионального государства» [26], — записано на главной странице официального сайта НОТА. Как отметил Митрополит Волоколамский Илларион: «При всех вероучительных и культурных отличиях, общее ценностно-мировоззренческое ядро является залогом взаимодействия различных религий, «залогом сохранения единства нашей великой многонациональной страны, которое мы обязаны сберечь не только для себя, но и для будущих поколений». [23, с. 27].

Как отметила тогдашний Министр образования и науки РФ Васильева О. Ю. на первой Всероссийской научной конференции «Теология в гуманитарном образовательном пространстве», «важным направлением в развитии Теологии должно стать осмысление фундаментальных понятий и ценностей, которые дала нам теологическая наука» [5]. Продолжая данную мысль, Митрополит Волоколамский Илларион подчеркнул важность изучения религиозных феноменов в теологическом контексте, то есть в рамках конкретной религиозной традиции» [23, с. 21].

В данной статье осуществлена попытка теологической интерпретации феномена милосердия в контексте исламской традиции, которая является необъемлемой частью духовной жизни России. Во время официального открытия Соборной мечети в Москве В. Путин отметил, что гуманистические ценности ислама, так же как ценности других традиционных религий России, способствуют развитию чувства милосердия, учат справедливости и заботе о близких» [4].

Теоретической базой представленного исследования послужили как работы современных авторов научных изданий, так и российские исламские порталы, осуществляющие просветительскую деятельность среди широких слоев населения, а также работы средневековых мусульманских мыслителей, переведенные на русский язык.

Современные исследования, в которых уделено внимание вопросам милосердия в исламской традиции: диссертационное исследование Гусейновой З. И., затрагивающей вопросы милосердия, которое, согласно исламской парадигме, постепенно избавляет от душевных недугов, меняя внутренний мир человека; статьи Т. П. Ларионовой, изучающей конкретные проявления милосердия и благотворительности религиозными организациями России на примере Республики Татарстан; работы С. В. Мельника, анализирующего вопросы миротворчества и ненасилия в мусульманском мире; исследования С. В. Резника, анализирующего вопросы насилия-ненасилия в исламском дискурсе, а также идеологемы мира и милосердия в исламской теологии. Работы Е. А. Царенковой и С. Л. Луниной, касающихся рассмотрения милосердия в качестве смыслообразующей составляющей; исследования А. Г. Хайрутдинова, занимающегося изучением духовного наследия Мусы Бигиева, основной идеей которого является идея всеохватывающего божественного проявления; Джамала Крафесса, генерального директора благотворительной

организации «Исламская помощь» (Швейцария), подробно разбирающего вопросы важности гуманитарной деятельности в исламской традиции.

Российские исламские порталы, осуществляющие просветительскую деятельность среди широких слоев населения, уделяют большое внимание распространению исламских представлений о милости и милосердии Аллаха; о пророческой миссии Мухаммада, рассматриваемого как милость Аллаха, дарованную всем мирам; особое внимание уделено понятиям милосердия, милости и благотворительности, являющимся с позиции религии признаками имана (веры); немалое место занимают публикации, касающиеся милосердного отношения к родителям, детям, больным и немощным, бедным и обездоленным. Особое внимание уделено отношению к сиротам. Встречаются публикации, в которых разъясняется важность проявления милосердия к представителям иных вероисповеданий.

Работы средневековых мусульманских мыслителей: Мухаммад ибн Абдуллах Аль-Имам, руководитель центра «Дар аль-Хадис» в городе Ма'бар, написавший книгу, переведенную с арабского языка «Разъяснение необходимого отношения к разногласию среди последователей Сунны и единой общины», которая еще в 1431 году шейхом Мухаммадом Ибн Абдуль-Уаххаба Аль-Уасаби была названа лекарством от недугов, светом и сиянием; Абдуль-Азиз ибн Яхья аль-Бур'и ратовал за сохранение этой книги, ввиду дарования через нее пользы Исламу и мусульманам; *Абу Мунир, Абдуллах ибн Мухаммад ибн Али 'Усман*, давший высокую оценку данному труду, рекомендуя его для изучения «в научных кружках среди последователей Сунны» в качестве одного из источников для разрешения конфликтных ситуаций и споров. В аннотации данной книги указывается, что она может быть использована в качестве учебного пособия в религиозных заведениях, в программах обучения для русскоязычных мусульман. «Книга полностью опирается на аяты Корана, достоверные хадисы Пророка, мир ему и благословение Аллаха, высказывания учёных, имамов и шейхов, следующих по пути праведных предшественников» [1]. Салих Ахмад аш-Шами, написавшего книгу «Слово мудрости Имама Аль-Газали, переведенную с персидского языка, адресованную специалистам, занимающимся вопросами ислама и историей суфизма, в одной из глав которой указывается, что одним из средств его достижения является проявление милосердия.

Основная часть

1. Рассмотрение понятия милосердия в исламской традиции считаем целесообразным начать с упоминания о том, что милость и милосердие являются двумя из многочисленных атрибутов Аллаха, двумя из его «прекрасных имен» (асма'хусна) — *ар-Рахман* («Милостивый») и *ар-Рахим* («Милосердный»), имена, которые присутствуют в формуле «Басмилла»: «С именем Аллаха, милостивого и милосердного», открывающей все, кроме одной (№ 9), суры Корана. В исламской культуре принято с этой формулы начинать каждое дело [33, с. 105–119]. Как пишет С. В. Резник, согласно исламской традиции, милосердие Аллаха охватывает все Его «творения», одаривая грешника прощением в случае его искреннего раскаяния и прекращения порочных действий [28, с. 46]. «*Мир вам!*» Начертал Господь вам самому Себе милость, так что, кто из вас совершит зло по неведению, а потом раскается после этого и станет благим, то Он — прощающий и милосерд» (Коран, 6: 54). [28, с. 117]

Проблема божественного милосердия нашла отражение в трудах выдающегося татарского религиозного мыслителя начала XX века Мусы Джаруллаха Бигиева (1875–1949). Основной идеей «учения о всеохватности божественного милосердия» является то, что люди, ведущие праведный образ жизни, вне зависимости от религиозной принадлежности будут помилованы Создателем [34]. Муса Бигиев был убежден в возможности спасения всех людей в Судный день благодаря всеобщности божественной милости. Его идея была направлена на укрепление добрых отношений со всеми представителями рода людского независимо от вероисповедания» [2, с. 72]. Исследователь творчества татарского богослова А. Хайрутдинов отмечает: «Произведения Муса Бигиева отличаются своим свободомыслием и не скованы мертвыми религиозными догмами» [36, с. 206]. В ответ на критику со стороны ортодоксальных богословов, которая сопровождает учение религиозного мыслителя со времени его публикации и по сей день, Муса Бигиев выражал благодарность своим оппонентам, тем самым проявляя уважение к своим интеллектуальным противникам, что также является проявлением милосердия, терпения и принятия [2, с. 141].

Размышляя над критическим отношением к трудам М. Бигиева современных богословов, следует упомянуть хадис, также указывающий на милость и милосердие Аллаха, согласно которому ученый, заблуждающийся в своих исследованиях, все равно получает награду

от Милостивого и Милосердного, а если ученый муж окажется прав, то награда Всевышнего будет удвоена. В книге Мухаммада ибн Абдуллаха аль-Имама в пункте «Правило: множество достоинств ученого препятствуют очернению его» приводятся хадисы, разъясняющие причины удвоения награды: «Тому из них, кто достиг истины, полагается две награды: одна за усердие, а вторая за правильность. Тому же, кто ошибся, приложив свои усилия, прощается ошибка и даруется вознаграждение за его стремление и начальные верные шаги в поиске истины». (Аль-Изз Абду-с-Салям / написал в «Кава'ид аль-ахкам» (2/370) [1, с. 171]. Тоже касается и судьи, выносящего решение: «Если судья, вынося постановление, приложил свои усилия (в познании истины), и принял правильное решение, ему полагается две награды, а если он при этом ошибся, то ему полагается одна награда» (аль-Бухари, 7352, Муслим, 1716). В подтверждение данных хадисов автор приводит суру Корана «...А Аллах избирает Своим милосердием, кого пожелает...» (Коран, 2:105). В завершение рассмотрения милости и милосердия как атрибутов и прекрасных имен Аллаха, приведем хадис Аль-Бухари: «*Моя милость превышает Мой гнев*» («Сахих» Аль-Бухари, 7422, передал Абу Хурайра)» [29, с. 43].

2. Осветив место Божественного милосердия в исламской традиции, перейдем к рассмотрению пророческой деятельности Мухаммада, воспринимаемой мусульманской уммой в качестве милости от Аллаха, проявленной для всех созданий этого мира без исключения. Читаем в Коране: «*Мы послали тебя только как милость для миров*» (Коран, 21: 107). В Священной книге мусульман неоднозначно указывается на качества милосердия и сострадания, изначально присущие пророку: «*К вам явился Посланник из вашей среды. Тяжко для него то, что вы страдаете. Он старается для вас. Он сострадателен и милосерден к верующим*» (Коран 9: 128). Каждый мусульманин убежден, что жизнь Мухаммада является непосредственным воплощением этих качеств, что еще при жизни пророка послужило одной из причин большого количества его последователей, принявших ислам. На исламских порталах имеется большое количество просветительских статей, в которых повествуется о качествах пророка и его добродетелях, главными из которых, согласно аятам Корана и хадисам, являются милосердие и сострадание [31].

3. Помимо своей жизни, наполненной милосердием и состраданием, пророк Мухаммад проповедовал о важности проявления этих качеств

к окружающим. В исламе четко прописаны категории лиц, к которым следует проявлять милосердие. Р. Х. Маликовым, рассматривающим милосердие как признак имана, подробно расписаны основные категории, с приведением доказательств из хадисов [19]. В первую очередь это родители, милосердие к которым проявляется в послушании, добром отношении к ним и молитвам за них. В Коране сказано: *«Преклоняй пред ними крыло смирения по милосердию своему и говори:» Господи! Помилуй их, ведь они растили меня ребенком»* (Коран, 17: 23–24). Особая роль в исламе уделена милосердному отношению к детям, проявляющемуся в нежности, заботе и достойном воспитании. Пророк Мухаммад сказал: *«Не из нас тот, кто не проявляет милосердия к малым и не почитает старших»*. (Ат-Тирмизи, 1919). Большое внимание в исламе уделяется родственным связям и добросердечном отношении к ним, поддержке и взаимовыручке как в материальном, так и в психологическом плане. Пророк сказал: *«Слово “Рахим” (родственные узы) связано со словом “Рахман” (Милосердный). И потому тот, кто укрепит эти узы,— с тем и Аллах укрепит свою связь, а кто порвёт их,— с тем порвёт и Аллах»* (Аль-Бухари, 5989), ат-Тирмизи, 1924). Особое внимание в исламской традиции уделено милосердному отношению к сиротам, заключающемуся в их непритеснении, помощи и заботе. Читаем в Коране: *«И вот сироту ты не притесняй, а просящего не отгоняй»* (Коран, 93: 9–10). Согласно хадисам, сострадательное и милосердное поведение по отношению к сиротам *«смягчает сердца сынов Адама и радует Всевышнего Аллаха»*. Пророк Мухаммад говорил, что для смягчения сердца достаточно *«накормить бедняка и погладить сироту по голове»* (Ахмад, 7787) [11]. Также немало внимания уделено состраданию и милосердию к своим рабам и подчиненным, богатых людей к бедным, здоровых к больным, сильных к слабым. Особого внимания заслуживает упоминание мусульманских богословов о том, что пророк Мухаммад проповедовал проявление милосердия к незнакомым людям, иноверцам и даже притеснителям, что несомненно вызывает немало трудностей, но в этом и заключается акт милосердия и сострадания: *«Вместо мести и проклятий он просил Аллаха помиловать их и простить им их невежество и жестокость»* [8]. Ислам предписывает также сострадательное и милосердное отношение к животным и природе в целом: *«Бог взывает к милосердию во всем. Так, будьте милосердны, когда убиваете и когда забиваете: затачивайте лезвие, чтобы ослабить боль»* (Муслим, 1955).

Проявление милосердия и сострадания рассматриваются в качестве «гуманных актов, являющихся одной из основных составляющих религиозной практики мусульман», — убежден Джамаль Краффес [16, с. 121]. Дж. Краффес рассматривает совершение акта милосердия как действие, подкрепляющее веру, ее доказательством, наравне с молитвой: «Намаз — это свет, милостыня (садака) — это доказательство, а терпение — это сияние» (Муслим, 223). Автор указывает, что «слово «саадак» происходит от арабского слова «тасдик», что означает «подтверждение, подкрепление», недаром наиболее часто встречающимся аятом Корана является: «... кроме тех, которые уверовали и творили добрые дела...». [16, с. 120]. Автор подробно расписывает положительные последствия совершения гуманных актов:

- искупление грехов и избежание наказания. Согласно исламским представлениям, совершение милосердных поступков способствует прощению грехов человека: «Милостыня уничтожает грех, как вода гасит огонь...»;
- получение награды. Согласно Корану, всем деяниям человека ведется счет, и каждое из них взвешивается. За каждый акт милосердия верующий получает награду «Дающие милостыню из мужчин и женщин ... им — благородная награда» (Коран, 57, 17–18);
- получение места в раю. Согласно исламской традиции, первыми попадут в рай те, кто совершает благодеяния, заключающиеся в способности сдерживать гнев и прощать обидчика, кто проявляет щедрость к нуждающимся. «Поистине, Аллах любит творящих добро!» (Коран, 3:134);
- защита от мук, ожидающих умершего в могиле и от испытаний Судного дня: «В час воскрешения верующий сможет укрыться в тени своей милостыни» (Аль-Байхаки);
- средство спасения. Выдающийся мусульманский богослов имам ал-Газали указывал на важность проявления милосердия, которое является «одним из средств достижения счастья» [32, с. 62]. Согласно хадисам, к человеку, проявляющему милосердие, Аллах проявляет особую милость, а к немилосердному Аллах милосердия не проявляет. «Проявляйте милосердие к тем, кто на земле, — и Тот, Кто на небесах, проявит милосердие к вам» (Абу Дауд, 4941). «Тому, кто не проявляет милосердия, не будет оказано никакого милосердия» (Бухари, 5997). Таким образом, согласно исламским представлениям, за каждое доброе

благоденствие верующий получает награду от Аллаха (саваб) либо в этой жизни, либо после смерти. Здесь важно отметить, что милосердные поступки должны совершаться искренне, а не ради корыстных целей, даже если они касаются отношений со Всевышним. Хадисы призывают к тому, чтобы акты милосердия не выставлялись напоказ. Следует признать, что среди мусульман имеет место искаженное убеждение, согласно которому благие дела нужно совершать ради достижения саваба, а не ради самих благих дел.

Рассматриваемые выше акты милосердия носят в исламе рекомендательный характер. Вместе с тем имеется и обязательный характер милостыни — это закят, являющийся обрядом и обязательной религиозной практикой мусульманина, имеющей такое же значение, как и молитва. Закят является специальным механизмом, регулирующим оказание помощи нуждающимся. Выплата закята является одним из столпов ислама, заключающимся в «выплате обязательного пожертвования части своего имущества на духовные и благотворительные цели» [18, с. 154].

Согласно исламскому вероучению, милосердие может иметь внутренние и внешние проявления, заключающиеся в материальной и нематериальной помощи [28, С. 42–49]. *Внутренне* милосердие проявляется в добросердечии и сострадательности души, которые ведут к прощению и снисходительности к другим. Существуют хадисы, раскрывающие суть уважения: «Кто следует справедливому и срединному пути, тот выражает глубокое уважение к тому, кто заслуживает этого, питает к нему (братскую) любовь и дружбу, а также отдает ему должное. Такой человек придаст большое значение правам и достоинствам, проявляет к людям милосердие и сострадание...» [14]. Исламское вероучение перенаправляет внимание человека с чужих прегрешений на свои собственные: «В делах, которые вы порицаете в отношении ваших братьев, вы должны смотреть в первую очередь на самих себя и быть искренними перед вашим Господом, проявляя сострадание к своим братьям. Вместе с этим ваши недостатки должны заботить вас больше, чем недостатки других людей» [14]. *Внешне* милосердие может проявляться в виде нематериальных актов, заключающихся в добром слове, улыбке, в моральной поддержке и утешении страдающих, больных, престарелых и слабых и др. Особое внимание в исламской традиции уделяется заботе о сиротах, о проявлении к ним доброты, даже в самом малом, за что обещана награда. «Человек будет вознагражден за каждый волосок, который он погладит

на голове сироты» [29, с. 45]. *Материальные акты милосердия* находят свое проявление в материальной помощи нуждающимся, причем помощь эта может быть как обязательной (закят), так и рекомендательной (садака). Шейх Абу Бакр Джабир аль-Джазири указывает на взаимосвязь милосердия, добросердечности и праведности с чистотой и успокоением души, а также пребыванием духа человека в благодном состоянии [39].

Благотворительность условно можно подразделить на несколько видов: «оказание безвозмездной помощи людям в виде пожертвования, милостыни; обязательная выплата закята; беспроцентный займ нуждающимся на добровольной основе; «вакф» — вечное пожертвование нерасходуемого имущества (как правило, недвижимости), что считается лучшим видом благотворительной деятельности» [25].

Заключение

Таким образом, согласно исламской традиции, основными добродетелями религии являются прощение и милосердие, несоблюдение которых считается «нарушением сущностного духа ислама» [10, с. 163]. Осознанное выполнение религиозных предписания ислама способствует развитию милосердия, сострадания и человеколюбия. «Религия делает помыслы чище, слова — правдивее, а поступки — правильнее и добрее» [17]. Милосердие ко всему живому является обязанностью каждого верующего мусульманина, способствуя укреплению братских уз, любви, терпению и справедливости между людьми.

Современные исследователи, изучающие миротворческий потенциал религии ислам, также приходят к заключению, что, согласно представлению мусульман, милосердие является всеобъемлющей категорией, соединяющей все творения Аллаха друг с другом и с самим Творцом, являющимся источником этого милосердия. Проявление данного качества между людьми способствует большему проявлению его со стороны Аллаха, а ощущение на себе милости и милосердия Творца актуализует внутренние стремления мусульман к проявлению его по отношению друг к другу. Как отмечает С. В. Резник, анализирующий идеологемы милосердия в теологии ислама, данное понимание милосердия является «основополагающим фундаментом» цивилизационной модели мусульман [28, с. 47]. «Принципы милосердия, сострадания, любви и терпения лежат в основе исламской концепции мира», — отмечает С. В. Мельник [22, С. 127], рассматривающий вопросы миротворчества в мусульманском

мире. Т. П. Ларионова, анализирующая вопросы милосердия и благотворительности в религиозных организациях, заключает, что рассматриваемые феномены являются важнейшими духовно-нравственными чертами религиозного человека, указывающими на обладание им особым уровнем «духовно-нравственной культуры» [18, с. 156].

На основании вышеизложенного можно заключить, что ислам имеет значительный миротворческий потенциал, благодаря пропаганде ценностей милосердия, сострадания и прощения.

Литература

1. *Аль-Имам Мухаммад ибн Абдуллах*. Разъяснение необходимого отношения к разногласию среди последователей Сунны и единой общины / Пер. с араб., Ислам М.; Под ред. Абу 'Умара Салима аль-Газзи, 1-е русское изд. Свет Ислама; Бейрут. 2015. 435 с.
2. *Бигиев М. Дж.* Избранные труды: в 2 т. Т. I / пер. с осман. Введение и примечания Айдара Хайрутдинова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 336 с.
3. *Борисов С. Н., Дмитраков А. М.* Духовная безопасность и проблемы безопасности в современном мире. Статья 1 // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 2 (18). С. 42–48.
4. *Борисов С. Н., Дмитраков А. М.* Духовная безопасность и проблемы безопасности в современном мире. Статья 2 // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 3 (19). С. 48–55.
5. В Москве проходит первая Всероссийская научная конференция «Теология в гуманитарном образовательном пространстве» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doctorantura.ru/nauka/nauchnye-konferentsii/3027-v-moskve-prokhorodit-pervaya-vserossijskaya-nauchnaya-konferentsiya-teologiya-v-gumanitarном-obrazovatelnom-prostranstve> (дата обращения: 18.12.2019).
6. *Возьмитель А. А.* Духовная безопасность: социологический анализ // Мир России. 2006. № 6. С. 147–159.
7. *Гагиева А.* Милосердие пророка (мир ему и благословение Аллаха, 2017 // [Электронный ресурс]. URL: https://islam-today.ru/blogi/asya_gagieva/miloserdie-proroka-mir-emu-i-blagoslovenie-allaha/ (дата обращения: 17.12.2019).
8. *Гагиева А.* Посланный как милость для миров. 2017 // [Электронный ресурс]. URL: https://islam-today.ru/blogi/asya_gagieva/poslannyj-kak-milost-dla-mirov/ (дата обращения: 17.12.2019).
9. *Гадаев В. Х.* Религиозная безопасность в контексте религиозной безопасности. Теория и практика общественного развития. Философские науки. 2014. № 10. С. 13–16.
10. *Гусейнова З. И.* Концепция справедливости в средневековой арабо-мусульманской мысли. Дисс. кандидат философских наук. М., 2001. 163 с.
11. *Доброта к сироте* // [Электронный ресурс]. URL: <https://murshid.tv/vopros-otvet/zakyat-i-sadaka> (дата обращения: 13.02.2019).
12. *Достоинства и плоды милостыни*. 2010 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whyyislam.to/statii/dostoinstva-i-plody-milostyni.htm> (дата обращения: 08.11.2020).

13. Ежегодная пресс-конференция Владимира Путина в Кремле вновь была рекордной // [Электронный ресурс]. URL: https://www.newsru.com/russia/01feb2007/press_putin.html (дата обращения: 16.02.2019).

14. Ислам. М.; Под ред. Абу 'Умара Салима аль-Газзи, 1-е русское изд. Свет Ислама. Бейрут. 2015. 435 с.

15. *Каишаф Ш. Р.* Модернизация исламского образования как фактор религиозной и национальной безопасности России // Россия и мусульманский мир. 2016. № 6. С. 19–36.

16. *Крафесс Дж.* Ислам и гуманная помощь // Международный журнал Красного Креста. 2005. Т. 87. № 858. С. 121–140.

17. *Кулиев Э.* Исламоведение. Основы вероучения. Вера в Аллаха. Любовь и милосердие Аллаха // [Электронный ресурс]. URL: <https://e-minbar.com/islamovedenie/book-04/chapter-01/lyubov-i-miloserdie-allaha> (дата обращения: 16.03.2020).

18. *Ларионова Т. П.* Благотворительность и милосердие в социальных учениях конфессиональных организаций в России (на примере Республики Татарстан) // Ученые записки Казанского университета. Т. 153. кн. 5. 2011. С. 150–158

19. *Маликов Р. Х.* Милосердие — признак Имана. 2015 // [Электронный ресурс]. URL: <http://islamdag.ru/vse-ob-islame/41569> Сохранение родственных уз залог успеха в обоих мирах (дата обращения: 09.02.2019).

20. Межрелигиозный совет России // [Электронный ресурс]. URL: <http://interreligious.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

21. *Мельник С. В., Амитбах П.* Религия мира? Ислам и его наследие ненасилия. 2017. № 2. С. 100–102.

22. *Мельник С. В., Кадаифчи-Ореллана С. А.* Миротворчество в мусульманском мире. 2016. № 1. С. 125–128.

23. Митрополит Волоколамский Илларион (Алферов). Теология в гуманитарном образовательном пространстве: становление отрасли // Теология и образование 2018. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. М.: Издательский дом «Познание», 2018. С. 19–27.

24. Московская Соборная мечеть открыта после реконструкции // Президент России // [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50351> (дата обращения: 18.01.2020.)

25. *Мухаметшина Г.* Благотворительность в исламе или счастье в добре // [Электронный ресурс]. URL: http://www.info-islam.ru/publ/stati/aktualno/blagotvoritelnost_v_islame_ili_schaste_v_dobrote/49-1-0-38719 (дата обращения: 12.02.2020).

26. Официальный сайт Научно-образовательной теологической ассоциации // [Электронный ресурс]. URL: <http://nota-theology.ru/about> (дата обращения: 18.12.2019).

27. Постановление ГД ФС РФ от 15.12.1996 № 918-II ГД «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 52.

28. *Резник С. В.* Дихотомия «Насилие-ненасилие» в дискурсе ислама // Тропы метода. 2018. С. 116–123.

29. *Резник С. В.* Идеологемы насилия, мира и милосердия в теологии традиционного ислама // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. № 4 (28). 2018.

С. 42–49.

30. Саких аль-Бухари. Мухтасар. Полный вариант. Перевод с арабского, примечания и указатели: к.ф.н. В. А. Нирша. М.: Издатэльский дом «УММА», 2003. 960 с.

31. Садрутдинова Э. Психологический портрет исторической личности: наш благородный Пророк (мир ему и благословение) // [Электронный ресурс]. URL: <http://annisa-today.ru/blog/elvira-sadrutdinova/psihologiceskij-portret-istoriceskoj-licnosti-nas-blagorodnyj-prorok-mir-emu-i-blagoslovenie-794/> (дата обращения: 19.12.2019).

32. Салих Ахмад аш-Шами. Слово мудрости имама ал-Газали / Пер. с перс. яз. Д. А. Бибаев. М.: Издательство «Исток». 2011. 216 с.

33. Седанкина Т. Е. Магрибские заметки: хрестоматия. Казань: Издательство Яз, 2014. С. 105–119.

34. Седанкина Т. Е. Путь к исламу через труды Мусы Бигиева // II Бигиевские чтения — 2015. Мусульманская мысль в XXI веке: единство традиции и обновления. М.: ООО «Издательский дом «Медина», 2016. С. 124–132.

35. Тонконогов А. В. Духовная безопасность российского общества в условиях современного геополитического соперничества (социально-философский анализ): Автореферат диссертации на соискание уч. ст. д. филос. н. М., 2011. 48 с.

36. Хайрутдинов А. Г. Бигиев Муса (1875–1949) / Татарские интеллектуалы: исторические портреты / сост. Р. Мухаметшин; 2-е изд. Казань: Магариф, 2005. С. 203–213.

37. Царенкова Е. А. Диалог по проблеме милосердия двух субкультур — верующих и свободомыслящих / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2. С. 16–20.

38. Царенкова Е. А., Лунина С. Л. Проблема милосердия как смысложизненной стратегии личности. Севоро-Кавказский психологический вестник. 2014. № 12/1. С. 18–26.

39. Шейх Абу Бакр Джабир аль-Джазаيري. Милосердие в исламе // [Электронный ресурс]. URL: <http://minbar.kz/article/show/id/5652.html> (дата обращения: 11.11.2020).

40. Штейнзальц А. Жить со смыслом: Как обретать помогаю и получать отдавая. Исламская традиция благотворительности // [Электронный ресурс]. URL: <https://self.wikireading.ru/18685> (дата обращения: 09.10.2019)

THEOLOGICAL INTERPRETATION OF THE PHENOMENON OF MERCY IN THE ISLAMIC TRADITION IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL SAFETY

The presented article provides a theological interpretation of the phenomenon of mercy in the context of the Islamic tradition, which is an integral part of the spiritual life of Russia. At the beginning, mercy and mercy are considered as attributes of Allah "Ar-Rahman" ("Clement") and "Ar-Rahim" ("Merciful") with an emphasis on the doctrine of the all-encompassing divine mercy of the outstanding Tatar religious thinker of the early twentieth century Musa

Jarullah Bigiev. The presented article provides a theological interpretation of the phenomenon of mercy in the context of the Islamic tradition, which is an integral part of the spiritual life of Russia. At the beginning, mercy and mercy are considered as attributes of Allah "Ar-Rahman" ("Clement") and "Ar-Rahim" ("Merciful") with an emphasis on the doctrine of the all-encompassing divine mercy of the outstanding Tatar religious thinker of the early twentieth century Musa Jarullah Bigiev. Further, based on the Koran and hadiths, the prophetic mission of Muhammad is analyzed, preaching the manifestation of mercy and compassion for relatives and friends, children, orphans, the sick, the poor and the disadvantaged, as well as for strangers, gentiles and even oppressors; a mission viewed by Muslim thinkers as the mercy of Allah shown to all the worlds. It is noted that the manifestation of mercy and compassion is one of the main components of the religious practice of Muslims, a means of salvation, leading to the atonement of sins and avoidance of punishment; receiving an award and a place in paradise; protection from the torment awaiting the deceased in the grave and from the trials of the Day of Judgment. The emphasis is made on the fact that acts of mercy in Islam, considered as a basic quality and need rooted in the active social nature of a person, are both obligatory and recommendatory, one of the manifestations of which is charity.

Keywords: spiritual and religious security; theology; mercy; the inclusiveness of divine mercy; the peacemaking potential of Islam.

References

- Al'-Imam Mukhammad ibn Abdullakh. Raz'yasnenie neobkhodimogo otnosheniya k raznoglasiyu sredi posledovately Sunny i edinoy obshchiny / Per. s arab., Islam M.; Pod red. Abu 'Umara Salima al'-Gazzi, 1-oe russkoe izd. Svet Islama; Beirut. 2015. 435 s. [In Rus].
- *Bigiev M.* Dzh. Izbrannyye trudy: v 2 t. T. I / per. s osman. vvedenie i primechaniya Aydara Khayrutdinova. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2005. 336 s. [In Rus].
- *Borisov S. N., Dmitrakov A. M.* Dukhovnaya bezopasnost' i problemy bezopasnosti v sovremennom mire. Stat'ya 1 // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2018. № 2 (18). S. 42–48. [In Rus].
- *Borisov S. N., Dmitrakov A. M.* Dukhovnaya bezopasnost' i problemy bezopasnosti v sovremennom mire. Stat'ya 2 // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2018. № 3 (19). S. 48–55. [In Rus].
- Dobrota k sirote // [Elektronnyy resurs]. URL: <https://murshid.tv/vopros-otvet/zakyat-i-sadaka> (data obrashcheniya: 13.02.2019). [In Rus].
- Dostoinstva i plody milostyni. 2010 // [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.whyislam.to/statii/dostoinstva-i-plody-milostyni.htm> (data obrashcheniya: 08.11.2020). [In Rus].
- Ezhegodnaya press-konferentsiya Vladimira Putina v Kremle vnov' byla rekordnoy // [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.newsru.com/russia/01feb2007/press_putin.

- html (data obrashcheniya: 16.02.2019). [In Rus].
- *Gadaev V. Kh.* Religioznaya bezopasnost' v kontekste religioznoy bezopasnosti. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. Filosofskie nauki. 2014. № 10. S. 13–16. [In Rus].
  - *Gagieva A.* Miloserdie proroka (mir emu i blagoslovenie Allakha, 2017 // [Elektronnyy resurs]. URL: https://islam-today.ru/blogi/asya_gagieva/miloserdie-proroka-mir-emu-i-blagoslovenie-allaha/ (data obrashcheniya: 17.12.2019). [In Rus].
  - *Gagieva A.* Poslannyi kak milost' dlya mirov. 2017 // [Elektronnyy resurs]. URL: https://islam-today.ru/blogi/asya_gagieva/poslannyj-kak-milost-dla-mirov/ (data obrashcheniya: 17.12.2019). [In Rus].
  - *Guseynova Z. I.* Kontseptsiya spravedlivosti v srednevekovoy arabo-musul'manskoj mysli. Diss. kandidat filosofskikh nauk. M., 2001. 163 s. [In Rus].
  - Islam. M.; Pod red. Abu 'Umara Salima al'-Gazzi, 1-oe russkoe izd. Svet Islama. Beyrut. 2015. 435 s. [In Rus].
  - *Kashaf Sh. R.* Modernizatsiya islamskogo obrazovaniya kak faktor religioznoy i natsional'noy bezopasnosti Rossii // Rossiya i musul'manskiy mir. 2016. № 6. S. 19–36. [In Rus].
  - *Khairutdinov A. G.* Bigiev Musa (1875–1949) / Tatarskie intellektualy: istoricheskie portrety / sost. R. Mukhametshin; 2-e izd. Kazan': Magarif, 2005. S. 203–213. [In Rus].
  - *Krafess Dzh.* Islam i gumannaya pomoshch' // Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta. 2005. T. 87. № 858. S. 121–140. [In Rus].
  - *Kuliev E.* Islamovedenie. Osnovy veroucheniya. Vera v Allakha. Lyubov' i miloserdie Allakha // [Elektronnyy resurs]. URL: <https://e-minbar.com/islamovedenie/book-04/chapter-01/lyubov-i-miloserdie-allaha/> (data obrashcheniya: 16.03.2020). [In Rus].
  - *Larionova T. P.* Blagotvoritel'nost' i miloserdie v sotsial'nykh ucheniyakh konfessional'nykh organizatsiy v Rossii (na primere Respubliki Tatarstan) // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. T. 153. kn. 5. 2011. S. 150–158. [In Rus].
  - *Malikov R. Kh.* Miloserdie — priznak Imana. 2015 // [Elektronnyy resurs]. URL: <http://islamdag.ru/vse-ob-islame/41569-Sokhranenie-rodstvennykh-uz-zalog-uspekha-v-oboikh-mirakh> (data obrashcheniya: 09.02.2019). [In Rus].
  - *Me'nik S. V.* Amitbakh P. Religiya mira? Islam i ego nasledie nenasiliya. 2017. № 2. S. 100–102. [In Rus].
  - *Me'nik S. V., Kadaifchi-Orellana S. A.* Mirotvorchestvo v musul'manskom mire. 2016. № 1. S. 125–128. [In Rus].
  - *Mezhreligioznyy sovet Rossii* // [Elektronnyy resurs]. URL: <http://interreligious.ru> (data obrashcheniya: 20.09.2021). [In Rus].
  - *Mitropolit Volokolamskiy Illarion (Alferov).* Teologiya v gumanitarnom obrazovatel'nom prostranstve: stanovlenie otrasli // Teologiya i obrazovanie 2018. Ezhegodnik Nauchno-obrazovatel'noy teologicheskoy assotsiatsii. M.: Izdatel'skiy dom «Poznanie», 2018. S. 19–27. [In Rus].
  - *Moskovskaya Sobornaya mechet' otkryta posle rekonstruktsii* // Prezident Rossii // [Elektronnyy resurs]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50351> (data obrashcheniya: 18.01.2020.) [In Rus].
  - *Mukhametshina G.* Blagotvoritel'nost' v islame ili schast'e v dobrote // [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.info-islam.ru/publ/stati/aktualno/blagotvoritel'nost_v_islame_ili_schaste_v_dobrote/49-1-0-38719 (data obrashcheniya: 12.02.2020). [In Rus].
  - *Ofitsial'nyy sayt Nauchno-obrazovatel'noy teologicheskoy assotsiatsii* // [Elektronnyy resurs]. URL: <http://nota-theology.ru/about> (data obrashcheniya: 18.12.2019). [In Rus].
  - *Postanovlenie GD FS RF ot 15.12.1996 № 918-II GD «Ob obrashchenii Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii «K Prezidentu Rossiyskoy Federatsii*

- ob opasnykh posledstviyakh vozdeystviya nekotorykh religioznykh organizatsii na zdorov'e obshchestva, sem'i, grazhdan Rossii» // *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1997. № 1. St. 52. [In Rus].
- *Reznik S. V.* Dikhotomiya «Nasilie-nenasilie» v diskurse islama // *Tropy metoda*. 2018. S. 116–123. [In Rus].
  - *Reznik S. V.* Ideologemy nasiliya, mira i miloserdiya v teologii traditsionnogo islama // *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*. № 4 (28). 2018. S. 42–49. [In Rus].
  - *Sadrutdinova E.* Psikhologicheskiy portret istoricheskoy lichnosti: nash blagorodnyy Prorok (mir emu i blagoslovenie) // [Elektronnyy resurs]. URL: <http://annisa-today.ru/blogi/elvira-sadrutdinova/psihologiceskiy-portret-istoriceskoj-licnosti-nas-blagorodnyj-prorok-mir-emu-i-blagoslovenie-794/> (data obrashcheniya: 19.12.2019). [In Rus].
  - *Salikh Akhmad ash-Shami.* Slovo mudrosti imama al-Gazali / Per. s pers. yaz. D. A. Bibaev. M.: Izdatel'stvo «Istok». 2011. 216 s. [In Rus].
  - *Saxil' al'-Buxari.* Muxtasar. Polnyy variant. Perevod s arabskogo, primechaniya i ukazateli: k.f.n. V. A. Nirsha. M.: Izdatel'skiy dom «UMMA», 2003. 960 s. [In Rus].
  - *Sedankina T. E.* Magribskie zametki: khrestomatiya. Kazan': Izdatel'stvo Yaz, 2014. S. 105–119. [In Rus].
  - *Sedankina T. E.* Put' k islamu cherez trudy Musy Bigieva // *II Bigievskie chteniya — 2015. Musul'manskaya mysl' v XXI veke: edinstvo traditsii i obnovleniya*. M.: OOO «Izdatel'skiy dom «Medina», 2016. S. 124–132. [In Rus].
  - *Sheykh Abu Bakr Dzhahir al'-Dzhazairi.* Miloserdie v islame // [Elektronnyy resurs]. URL: <http://minbar.kz/article/show/id/5652.html> (data obrashcheniya: 11.11.2020). [In Rus].
  - *Shteynzal'ts A.* Zhit' so smyslom: Kak obretat' pomogaya i poluchat' otdavaya. Islamskaya traditsiya blagotvoritel'nosti // [Elektronnyy resurs]. URL: <https://self.wikireading.ru/18685> (data obrashcheniya: 09.10.2019) [In Rus].
  - *Tonkonogov A. V.* Dukhovnaya bezopasnost' rossiyskogo obshchestva v usloviyakh sovremennogo geopoliticheskogo sopernichestva (sotsial'no-filosofskiy analiz): Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uch. st. d. filos. n. M., 2011. 48 s. [In Rus]
  - *Tsarenkova E. A.* Dialog po probleme miloserdiya dvukh subkul'tur — veruyushchikh i svobodomyshlyashchikh / *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2013. № 2. S. 16–20. [In Rus].
  - *Tsarenkova E. A., Lunina S. L.* Problema miloserdiya kak smyslozhiznennoy strategii lichnosti. *Severo-Kavkazskiy psikhologicheskiy vestnik*. 2014. № 12/1. S. 18–26. [In Rus].
  - V Moskve prokhodit pervaya Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya «Teologiya v gumanitarnom obrazovatel'nom prostranstve» // [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.doctorantura.ru/nauka/nauchnye-konferentsii/3027-v-moskve-prokhodit-pervaya-vse-rossiyskaya-nauchnaya-konferentsiya-teologiya-v-gumanitarnom-obrazovatel'nom-prostranstve> (data obrashcheniya: 18.12.2019). [In Rus].
  - *Voz'mitel' A. A.* Dukhovnaya bezopasnost': sotsiologicheskiy analiz // *Mir Rossii*. 2006. № 6. S. 147–159. [In Rus].

Грякалов А. А.

Доктор философских наук, профессор

**Рецензия на монографию
Л.М.Перминовой
«Современная дидактика:
от Коменского до наших дней».
Философско-педагогические аспекты
современной дидактики*
(М.: «Школьные технологии», 2021)**

Среди имеющихся сегодня обращений к сфере образования внимание к проблеме философско-педагогических аспектов дидактики оказывается особенно актуальным и практически значимым. Можно сказать о ярко выраженной прагматике решаемой проблемы, где в системном единстве соотнесены базовые философские построения, теории и практики преподавания и воспитания. При этом автор монографии Л. М. Перминова отдает себе отчет в том, что сегодня ни философская теория, ни дидактика не имеют однозначно определяемых параметров и путей исследования. И первая трудность, которая возникает при обращении к теме дидактики, связана с признанием гетерогенности философской рефлексии, с одной стороны, а с другой — в представлении множества дидактических ориентиров.

Где и как возможно разворачивание конструктивного диалога позиций?

Метод, как известно, существенно определяет направление исследования. В монографии ориентиры задаются системным подходом. Но если, стоит сразу отметить, идеи системного подхода во время их формирования и эффективного действия в достаточно отстоящем от настоящих дней времени

были востребованы в силу их генерализующей интенции, то сегодня нарастающая гетерогенность рефлексии и существенное изменение стратегий социализации и образования предполагают, прежде всего, проведение аналитической экспертизы продуктивности системной методологии, что особенно значимо в ситуации постмодерна и его модификаций. Из этого следует, что творческой коррекции требует сама системная методология для ее актуального представления.

Дело в том, что сегодня процессы аффектированной социальной чувственности словно бы ломают системные образования в теории и социализации. Поэтому примененная в работе Л. М. Перминовой методология исследования может быть названа динамическим или развивающимся системным подходом, что позволяет конструктивно сопоставлять его с другими аналитическими интенциями в последовательно выстраиваемой архитектонике работы. Наверное, по-другому и быть не может: стремление рассмотреть системность дидактики «От Коменского до наших дней», при этом проецируя анализ в современность, успешно осуществляется только при внимании к соположению архитектоники темы и ее конкретно-исторических и культурных наполнений. Тем более это значимо, потому что именно дидактика при всем множестве смысловых наполнений, как подчеркнуто в монографии, сохраняет свою целостность от истоков до настоящего времени. И при обращении к дидактике главным становится стремление учесть специфику педагогического взаимодействия как особой формы общения и деятельности в виде содержания, методов, форм в их взаимосвязи.

Монография содержит четыре главы: «Методологические основания развития современной теории обучения: источники и пути обогащения дидактического знания», «Дидактика в системе научного знания», «Теоретические и методологические основы содержания образования: от культурологической к социокультурной теории содержания образования», «Научно-методологические аспекты развития дидактики и обучения в условиях информационного общества». В первой главе рассматриваются вопросы об отражении типов научной рациональности в педагогике, дидактике и обучении; использовании различных методологических подходов, с позиций которых обосновывается логико-дидактический подход и его значение для развития дидактического принципа научности. Доказывается объективная необходимость дидактической доминанты в современном обучении студентов и школьников — фундаментализации

научного знания, усиления научности в образовании. Во второй главе, по сути, центральной в монографии, автор, опираясь на современную философию науки (А. А. Ивин, С. А. Лебедев, М. С. Каган, К. В. Романов и др.), проводит анализ объекта дидактики — *обучения* — через ключевые детерминанты в характеристике объекта любой науки — свойства и отношения, доказывая, что феномен обучения соединяет в себе оба эти признака. Свойство есть форма существования отношения, что дает возможность согласиться с тем, что при формальной их слитности в этом единстве взаимосвязаны объект и предмет дидактики как целостность, основанная на трехстороннем и двусубъектном отношении. Метод дедукции как всеобщий инструментарий, примененный для исследования объекта и предмета науки, позволивший обосновать дидактику как социально-гуманитарную и нормативную науку, «снимает» спорные моменты в характеристике статуса дидактики, укрепляя научные позиции педагогики, являясь предпосылкой к исследованию всего концептуального корпуса этой науки (Главы 1, 2, 3). С неклассических позиций, учитывающих категории «ценность, субъект, рефлексия», обосновывается логика образовательного процесса как рефлексивно-диалогического, целе- и ценностно-ориентированного, в котором важное место занимает самопознание субъекта, его культурная самоидентификация. Подробно этот аспект образовательной деятельности разворачивается в главе 4 (п. 4.3 «Ценности самопознания личности и Коллективного разума в образовательном процессе: философско-дидактический аспект» и п. 4.4 «Экспериментально-дидактическое доказательство культурно-исторических идей Л. С. Выготского о решающей роли Знака в обучении»). Убедительно доказывается закономерность, что образовательный результат зависит от самопознания личности (Гл. 3, стр. 148; Гл. 4, стр. 218–233, 236–238). Существенный интерес представляет обоснование в структуре дидактики нового ее направления — экспериментальной дидактики, методологические основы которой выстраиваются с позиций неклассической философии. Это конструктивное понимание научного метода, в котором важно рассматривать «субстратный и функциональный аспекты», учитывая уровневую/системную структуру научного знания, доказывая, что на этом пути есть возможность расширить возможности метода обучения в процессе проведения экспериментальных дидактических исследований.

Предлагаемое в монографии системное понимание дидактики по аналогии с транспедагогикой, трансполитикой, трансэстетикой тоже

может быть, наверное, определено как *трансдидактика*. Именно потому, что дидактика, как точно пишет Л. М. Перминова, имеет объемный практико-ориентированный характер, обусловленный всеми уровнями обучения: социальным, педагогическим/теоретическим, дидактическим/нормативным, индивидуально-личностным (стр. 6–7). Но к этому добавляются не только необходимость учета актуализированной в монографии проблемы изменений форм рациональности, но и подстерегающие явления кризиса «больших нарративов». И права автор монографии, отметив в *Предисловии*, что потребности практического педагогического сообщества в дидактическом знании следует рассматривать в качестве показателя дефицита научных знаний. Именно предельная интенсивность процессов социализации и смена программ обучения и воспитания предполагают конструирование новых концептов диагностики и гуманистически ориентированной прогностики дидактических стратегий и тактик.

Сопоставляя дискурс дидактики с философской рефлексией, Л. М. Перминова учитывает, что кризис традиционной педагогической теории вполне соответствует процессам культуры и гуманитарного знания («кризис метафизики», «эпоха пост-истории», «смерть автора», «конец романа» и.п.). Под вопрос ставятся «большие нарративы» — в ситуации возникающей фрагментарности более значимы быстро возникающие жизненно-образовательные ориентиры, особенно активно действуют семантика и прагматика цифровой реальности. Следовательно, важно определить константы социальной жизни, культуры и образования, которые выступали бы своеобразной встречей постсовременной гетерогенности и возможного, в том числе проективного, дидактического единства смыслов и способов обучения в их системной целостности. Именно это должно быть скорректировано с изменениями в общественном сознании, где недавнее внимание к толерантности сменилось переживанием напряженности («постмодернистский терроризм», «экологические проблемы», «миграции»), встают вопросы о действенной и утверждающей человечность направленности образования. В конечном счете речь может идти о встроенности дидактики в философски обоснованную *социальную педагогику* с учетом присутствия эффектов биополитики, то есть происходит конверсия педагогики [1].

При этом *информация* претендует на то, чтобы выступать как актуальное знание и прагматически оказалась по многим позициям на

это способной. Ситуация осложняется тем, что в пространстве *медиа* навязчиво присутствует «массмедиаальный шаман», действия которого, нередко провокативные («группы смерти» и др.), активно влияют на образование и процессы социализации. Следует признать, подчеркнуто в монографии, что в официальных документах далеко не всегда учитываются изменения социальной реальности — в таком случае наука, и дидактика в том числе, вынуждены обосновывать конструктивность официальной образовательной политики как бы «вслед» ей. Задача же состоит в том, чтобы выстроить научно обоснованную диагностику и прогностику образования не только на уровне философии образования, но и на уровне конкретной содержательности дидактики.

Автор монографии, солидаризируясь в целом с высказанной в литературе мыслью о том, что выводы современной философии, исследующей образование, должны быть «принципиально ненормативными», показывает в своей монографии значимость системного подхода с его проекцией на философию события. В таком случае происходит диалогическое обогащение философского и педагогического знания. Здесь все-таки имеет смысл заметить, что тезис автора о принципиальной ненормативности философского знания, как не отвечающего на запросы педагогической практики, требуют корректировки: философия в ее антропологическом наполнении представляет достаточно определенную стратегию понимания социализации и образования как «формирования порядка из хаоса». Тут значимы и предупреждения: немецкий исследователь Петер Слотердайк говорит о необходимости «критики цинического разума», что ставит вопрос о присутствии всепроникающего «диффузного цинизма» в представлениях современного образования. Именно философски выверенная дидактика, в себе содержащая мудрость и опыт традиции, открытая к актуальной реальности, способна на сопротивление проникающему в понимание образования «цинизму» — самим фактом востребованности демонстрирует возможности утверждающего взгляда на образование и бытие. Другое дело, что должна быть учтена гетерогенность современного философского знания с его вниманием к темам неопределенности, свободы, событийности и с особым интересом к теме субъекта-свидетеля, соединяющего в себе эпистемологические, следовательно, и дидактические идеи и принципы, с одной стороны, а с другой — содержащего этические и личностные моменты общения, в том числе в образовании. Это замечание, впрочем, может быть снято в силу

того, что автор монографии в развертывании содержания как раз устойчиво проводит мысль о значимости системного подхода. Обосновано, что для педагогики и дидактики принципиально важно диалогическое соотношение вопросов и ответов, представляемых через призму всех уровней методологии педагогики, где сходятся идеи философии, общенаучного и конкретно-научного знания, технико-технологического и цифрового уровней обучения. Нормативное педагогическое знание в его дидактическом наполнении представляет собой конкретизацию получения знания в учебном процессе. Тогда, следует добавить, философские и философско-антропологические установки приобретают трансформированную нормативную функцию, лучше сказать, ориентир для педагогики. И дело как раз в том, следует полностью согласиться с автором монографии, что в свете новых философских обобщений в сфере педагогики и дидактики актуализированы ценностные, целевые и экзистенциальные установки философского знания.

Обращая внимание на имеющуюся позицию философского выбора между «человеком знающим и человеком духовным», Л. М. Перминова, уточняет, что конструктивный ответ для педагогики и дидактики может быть получен лишь с учетом знания всех уровней методологии педагогики — философского, общенаучного, конкретно-научного, технико-технологического. При этом диалогическое решение проблемы в процессах обучения должно осуществляться на всех уровнях его существования — с учетом индивидуального уровня деятельности учителя. Оценивая это рассуждение, можно сказать, что линейно выстраиваемая альтернатива «знание или духовность» оказывается диалектически снимаемой при дополнительности диалога познания и ценностного самоопределения личности. Таким образом, логично заключает автор, теоретическое педагогическое знание, осмысленное в контексте актуальных философских построений, выступает одновременно как теоретическая основа и нормативное знание для педагогики, дидактики и методик обучения, что именно и дает ему возможность выполнять нормативную функцию в отношении образовательной практики (стр. 14).

Определяя объединяющий тезаурус философии, психологии и педагогики, Л. М. Перминова называет понятия «ценность», «субъект», «объект», «деятельность», «система», «структура», «связь», что дает возможность операционально определить систему конструкторов возможного эффективного рассуждения и действия в практической образовательной сфере.

Более того, в таком объемном смысловом построении эпистемологические параметры образования могут диалогически соотноситься с личностными установками, придавая программным конструкциям ориентиры для экзистенциального осуществления. Бросая взгляд на возможное развертывание исследованной в монографии Л. М. Перминовой темы, можно было бы указать на имплицитное присутствие в ней целого ряда продуктивных метафор и понятий, которые задействованы в анализе дидактики. Таковыми могут быть «понимание», «экзистенциальная коммуникация», «герменевтика памяти». Особенно же имеет смысл обратить внимание на актуальную для философии и культуры фигуру субъекта-свидетеля, возможность которого сохранять независимость и ответственность среди информационных потоков цифрового мира оказывается чрезвычайно значимой для социализации и образования. Такая фигура может способствовать формированию представления о том человеке, которого стремится формировать педагогика в соответствии с ее дидактическими положениями и ценностными ориентирами образования.

В проблемном поле философии образования могут быть рассмотрены константы «космоса детства» с их онтологической значимостью и возможностью сопротивления троллингу. Как раз обращение к фигуре субъекта-свидетеля способствует пониманию человекоразмерности образования, где активизирована личностная рефлексия ученика (стр. 31). И высоко оцениваемое в монографии обращение к «свидетельствующим» формам обучения, когда устанавливается не только степень усвоения материала, но и то, какими ценностями движим обучающийся, говорит о значимости подхода, который может быть дидактически оформлен (стр. 43). В связи с этим в монографии справедливо подчеркнута значимость открытий в нейропсихологии, в результате чего складываются новые области знания — нейропедагогика и нейродидактика. Наверное, это актуальное замечание впоследствии может быть развернуто при исследованиях, например, гендерного компонента образования и дидактики.

Заявленные автором в начале работы ориентиры, цели и задачи монографического исследования логично развернуты в главах и разделах. Так, методологические контуры экспериментальной дидактики не только последовательно соотнесены с процессами формирования рациональности и методологическими программами современной науки и философии, но и обращены также к пониманию стратегий идентификации. В этом контексте, соглашаясь с поддерживаемой в монографии мыслью

об идентичности как высшей форме социализации, стоит заметить, что социальная чувственность текущего времени во многом противостоит устоявшимся образцам ценностей — в значительной степени она ориентирована на реализацию принципов реальности, где идентификация может рассматриваться как формирование зависимости и «вторичности». Это в особенности свойственно молодежному сознанию и поведению: противодействие становится проявлением далеко не всегда ответственного выбора. В этой связи точно отмечено, что «цифровое поколение» достаточно критично начинает относиться к «золотому запасу» ценностей, полагая главным в мышлении и поведении некритическое заимствование образцов, предлагаемых цифровой реальностью (стр. 160).

Обращаясь к структурной организации книги Л. М. Перминовой, следует помнить о том, что замысел книги, по словам автора, родился из потребности осмыслить современное дидактическое знание и методологию его развития в контексте таких научных построений, как «философия образования», «методология науки». Это проведение категориальной дифференциации рефлексии образования совершенно необходимо для определения возможностей и принципов дополнительности теоретического знания и практических областей образования. Ведь если понятие «философия образования» стало достаточно привычным для научной общественности и специалистов-практиков из сферы образования, этого нельзя сказать о проблемном поле «философия педагогики». Зачастую их употребляют как синонимичные. Не менее важную роль сыграло то обстоятельство, что в условиях разнообразия методологических подходов к обучению и развитию дидактического знания учителя-практики испытывают дефицит научных знаний в теоретическом обосновании методических путей реализации нормативных документов для современной школы.

Дело именно в том, что дефицит дидактического знания, имеющий место в практике образования, порождает противоречия между целями и ценностями процесса обучения, относящимся к разным его уровням, т.е. между социальным, педагогическим/теоретическим, дидактическим/нормативным. Противоречия находят отражение в деятельности учителя и, соответственно, в деятельности учащихся. Как раз эти факторы обусловили потребность в специальном исследовании методологических вопросов дидактики прежде всего на философском уровне, в содержании которого имеют место как философско-образовательные основания, так и философско-педагогические разработки — их функции для развития

педагогического знания, по нашему мнению, существенно различны. Таким образом, автор исходил из анализа сложившихся в педагогике противоречий, порождающих новые проблемы как препятствия в развитии теории и практики обучения, общеметодологического, аксиологического, образовательно-деятельностного характера на всех уровнях профессиональной самореализации педагога. В таких условиях автор логично обратился к новой философско-методологической области научного знания — философии образования, доказывая различия между философией образования и философией педагогики через неоднозначное их отношение к образованию: ценностно-ориентировочную функцию философии для наук и нормативную функцию теоретического педагогического знания. Этот аспект основательно рассмотрен во «Введении» книги (стр. 9–17).

Таким образом, выстроено научно-методологическое русло исследования дидактики, ее места в системе научного знания, структуры дидактического знания с его особенностями (Глава 2). В целом содержание монографии представляет собой логическую связь классического и неклассического знания в педагогике, в которой дидактика заняла в настоящее время одно из главных мест как наиболее разработанная область педагогики с позиций философии науки. Кратко, но содержательно и емко в монографии охарактеризованы особенности постмодерна как этапа постнеклассического развития науки и общества (4.1).

Рассуждая о методологических контурах экспериментальной дидактики, автор монографии (Гл. 4. П. 4.4, стр. 233–238), представляет авторский проект замысла и структуры дидактического эксперимента, посвященного проверке культурологического понимания предметности обучения с учетом философско-культурологических воззрений М. С. Кагана, интерпретированных в дидактической теории содержания образования, которую ныне называют культурологической (Гл. 3, стр. 135–139). В содержании результата обучения в логике эксперимента впервые убедительно говорится о связи «осевых линий — культурологической и дидактической», что можно рассматривать как обогащение педагогических представлений о взаимодействии педагога и обучающегося. Этот аспект наглядно раскрывает взаимосвязь философии и педагогики, ориентировочную и инструментальную функции философии по отношению к другим наукам. Безусловно, представляет интерес вопрос о человекосоразмерности методологических оснований предметности обучения в контексте философско-культурологических представлений

(Гл. 3, п. 3.6). Опираясь на исследования М. С. Кагана, автор делает обобщающие выводы:

1. Предметность обучения есть педагогический замысел о форме (способе) объективации деятельности, заключающий в себе двуединство опредмечивания/ распредмечивания знаков (языков) культуры посредством освоения содержания образования в уникальном и универсальном взаимодействии преподавания — учения.

2. Предметность обучения обусловлена: методологической соотносительностью сторон культуры и состава содержания образования; опредмеченностью в ней субъект-объектных отношений, вариативных в своей бинарности, которые имеют место в развитии культуры и в образовательном процессе («объект-субъект»/познание, «субъект-объект»/деятельность, «субъект-субъект»/общение, «объект-объект»/развитие).

3. Предметность обучения может быть выражена разными видами (модальностями): а) традиционной, или базовой, отражающей культурологический состав содержания образования (знания — опыт деятельности — опыт эмоционально-ценностного отношения) в его исходном виде; б) деятельностной (опыт деятельности как источник знаний и личностных смыслов); в) ценностной, или смысловой (опыт отношений в деятельном общении — источник новых знаний, нового опыта деятельности); г) личностной (в которой интегрированы все компоненты содержания образования как предпосылка к более сложным видам индивидуальной, а чаще — совместной деятельности, например, проектирование, исследование, театрализация и др.). Эти позиции легли в основание модернизации обучения посредством усиления его культурологической составляющей, что имеет прямое отношение к развитию научно-методологических основ теории и практики образования.

4. Познавательный смысл предметности обучения заключается в возможности научного обоснования вариативного построения учебных предметов, отличного от сциентистского подхода как единственной парадигмы в организации учебного познания, а учёт предметности обучения в построении индивидуальной траектории учения позволит полнее изучить психологические особенности каждого обучающегося» (стр. 181–183).

Заключая, можно сказать, что содержание монографии Л. М. Перминовой позволяет глубоко ознакомиться с бинарно-интегративной теорией содержания образования, открывающей ценности и смыслы об-

учения, которые в проекции на традицию определяются как Истина, Общение, Красота, Труд и Творчество, Здоровье, Человек и его добродетели. Укорененные в традиции и воспетые еще древнегреческими философами духовные и социокультурные достоинства образования конкретно представлены в характеристике гимназического и лицейского образования (п. 3.5), что может послужить порождающей моделью для построения аналогичных программ в соответствующих образовательных организациях.

Следует отметить, что в монографии описаны теории в их структурной полноте, включая предпосылочные основания, основные положения, следствия теории, — это делает ясным смысл, значение и функции теории в научном познании и в практической деятельности. Культурологическая линия содержания монографии представлена новым взглядом на связь дидактики и методики, которые рассматриваются как «две взаимодействующие культуры» с определенными функциями относительно друг друга, доказывая методологическую функцию дидактики по отношению к методике — «от Коменского до наших дней».

Завершая рецензию монографии Л. М. Перминовой — доктора педагогических наук, профессора по кафедре философии, культурологии и методологических основ образования, известного специалиста в области дидактики и образования, отмечу, что книга написана ясным и убедительным научным языком и представляет творческий взгляд на образование, не отрицая наработанного, но развивая классические цели и ценности образования с учетом тенденций в развитии информационного общества.

При этом монография может служить ценным источником литературы по самым объемным научным областям сферы образования.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00899 «Деструкции (пост)современности и топологическая субъективность: утверждение субъекта-свидетеля» № 19-011-00899.

Литература

1. Пружинин Б.И., Корольков А. А., Грякалов и др. Какое образование для нас ценно? Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 34–58.

Педагогическое образование за рубежом: проблемы и перспективы

21 октября 2021 года состоялось заседание Научного совета по сравнительной педагогике при Отделении философии образования и теоретической педагогики РАО по теме «Педагогическое образование за рубежом: проблемы и перспективы».

Открыла заседание председатель Научного совета, научный руководитель Института стратегии развития образования РАО, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, профессор Светлана Вениаминовна Иванова.

Светлана Вениаминовна обратила внимание присутствующих на то, что статус, престиж профессии и высокий уровень подготовки учителей определяют качество школьного образования. Она отметила, что подготовка кадров для школы будущего сегодня является одним из главных вызовов, стоящих перед педагогическим образованием всего мира. Поэтому представляет большой интерес информация о том, как в зарубежных странах решают проблемы педагогического образования, какие в этой области ставят задачи и какие применяют передовые технологии, методы и подходы. Вместе с тем каждая страна адаптирует передовые зарубежные образовательные практики с учетом целевых ориентиров развития, имеющихся условий и возможностей.

С вступительным словом на выступил и.о. академика-секретаря Отделения философии образования и теоретической педагогики РАО, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор Михаил Львович Левицкий. Он отметил, что исследования в области сравнительной педагогики занимают лидирующее место в в сфере наук об образовании в целом.

С приветственным словом выступила и.о. директора Института стратегии развития образования РАО, кандидат педагогических наук Татьяна Владимировна Суханова. Она поделилась информацией об основных крупных проектах, которые реализует Институт для школ России. В частности, Татьяна Владимировна рассказала о проекте по обновлению содержания общего образования, в рамках которого были обновлены федеральные государственные образовательные стандарты, подготовлено научно-методическое обеспечение по их внедрению, разработаны примерные рабочие программы по учебным предметам с 1 по 9 классы и проведена их апробация. Также она особо отметила проекты Института по обновлению программ среднего профессионального образования, по методическому сопровождению открытого банка заданий для формирования функциональной грамотности обучающихся на цифровой платформе и по сопровождению открытия новых школ. Татьяна Владимировна акцентировала внимание на важности взаимодействия Научного совета РАО и Института стратегии развития образования РАО в целях возможного использования лучших мировых педагогических практик в реализации проектов Института.

С докладом «Педагогическое образование за рубежом» выступила руко-

водитель лаборатории педагогической компаративистики и международного сотрудничества Института стратегии развития образования РАО, доктор педагогических наук Ирина Августовна Тагунова.

В своем докладе она остановилась на компетенциях современного учителя, типичных подходах к содержанию и организации подготовки педагогов, которые базируются в основном на конструктивистском и междисциплинарном подходах в педагогическом образовании. Ирина Августовна обратила внимание присутствующих на то, что сегодня ключевой фигурой в процессе подготовки учителя является сам будущий учитель-студент, выстраивающий свои знания через поиск, исследования и решение проблем. В своем докладе она подчеркнула направленность программ подготовки педагогов на связь знаний, навыков и творческого подхода в процессе обучения, интеграцию различных видов деятельности, развитие критического, аналитического и логического мышления обучающихся. Докладчик отметила, что в рамках социального конструктивизма обучение реализуется в контексте «реальных жизненных ситуаций», в группах обучающихся, с акцентом на проблемно-ориентированное и проектно-ориентированное обучение и социальную вовлеченность будущих учителей.

С докладом «Особенности педагогического образования за рубежом» выступила старший научный сотрудник лаборатории педагогической компаративистики и международного сотрудничества Института стратегии развития образования РАО, кандидат педагогических наук Оксана Игоревна Долгая.

В своем докладе Оксана Игоревна осветила особенности отбора абитуриентов, поступающих на педагогические программы за рубежом, организационных моделей подготовки и направлений педагогической практики учителей, а также этапы введения учителей в профессию в странах, имеющих высокие достижения в области педагогического образования. Она рассказала о стратегиях смешанного обучения и практиках непрерывного обучения учителей, которое является сегодня неотъемлемой составляющей педагогического образования.

Докторант ИСРО РАО, кандидат педагогических наук, доцент, зам. декана ПГУ им. Т. Г. Шевченко, Оксана Васильевна Китикарь представила доклад по теме «Сравнительный анализ развития систем педагогического образования России и Приднестровья как фактор продвижения российского образования за рубежом».

Докладчик представила результаты исследования развития региональных систем педагогического образования России и Приднестровья, в рамках которого были определены теоретические, методологические, целевые и содержательные основы для модернизации системы непрерывного педагогического образования в Приднестровье, находящегося в образовательном нормативном поле Российской Федерации. Она также рассказала о проекте «Педагогический приоритет Приднестровской Молдавской Республики» и о региональном стандарте подготовки педагогов.

Источник: <https://instrao.ru/index.php/novosti-i-anonsy/novosti>

Ученые разработали формат обучения в вузах, повышающий качество дистанционного образования

ТАСС, 16 октября 2021г. <https://nauka.tass.ru/nauka/12680929>

Российские исследователи разработали методологию изучения текстовых материалов в вузах, которая позволяет студентам за счет командной работы и игрового формата эффективно осваивать тему даже в условиях дистанционного образования. Об этом в субботу ТАСС сообщила профессор, научный руководитель научно-образовательного центра «Философско-методологическое проектирование и принятие решений» Московского государственного университета МГУ имени М. В. Ломоносова Галина Сорина. Авторы изучили влияние условий введенного в связи с пандемией дистанционного обучения на качество усвоения материала. Студенты, согласно наблюдениям, часто жаловались на отсутствие эмоционального контакта, изолированность при освоении новой темы, которая влияла на ее понимание. Для того, чтобы снизить негативные эффекты «удаленки», ученые предложили метод изучения учебных текстов, который предполагает работу над темой в группах и использование элементов игры для закрепления изученного.

«В прошлом году все университеты мира столкнулись с необходимостью сохранить качество образования при переходе на дистанционный формат. Российским и зарубежным ученым пришлось «изобретать» новые методы и подходы. Оказалось, что именно наша методология позволяет сохранить плюсы классического образования при использовании онлайн-формата обучения. Кроме того, подход многократно повышает уровень вовлеченности всех участников процесса в совместную образовательную деятельность, в том числе за счет геймификации», — пояснила Сорина.

Методология экспертного анализа текста (МЭАТ), разработанная Сориной, представляет собой алгоритм изучения текстовых материалов в вузах, при котором студенты осваивают тему в несколько этапов. Группа разделяется на «студентов» и «экспертов», которые сначала изучают тему сообща, а затем участвуют в общей дискуссии (тренинге-игре), соблюдая определенные этические и организационные правила. Помимо этого, каждый из них готовит собственный письменный отчет об изученной теме. За полтора года пандемии в испытаниях метода в условиях онлайн-формата обучения приняли участие более 200 студентов МГУ.

«Главным доказательством эффективности подхода стала обратная связь от самих студентов, у них формируется особый тип ответственности. Сейчас мы получили информацию о том, что эффективность методологии остается высокой при изучении студентами не только гуманитарных, но и точных дисциплин — таких как физика. В настоящий момент методология активно внедряется в нескольких вузах в России и за рубежом» — отметила ученый. Результаты работы опубликованы в журнале *Science & Education*.

См. также: <https://www.msu.ru/science/news/filosofy-predstavili-originalnuyu-metodologiyu-ekspertnogo-analiza-tekstov.html>

«ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА — ОСНОВА ГАРМОНИЧНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА»

ЕЖЕГОДНЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС НАУЧНО-ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ

В ноябре 2021 года традиционно стартует ежегодный Международный конкурс научно-творческих работ «Правовая культура — основа гармоничного развития личности и общества». Организатор конкурса — НО «Фонд поддержки и развития образования, творчества, культуры», соорганизаторы — Институт права и управления Московского городского педагогического университета. Стратегическим партнером Конкурса выступает ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО».

В системе управления качеством образовательных систем разного уровня именно правовая культура определяет содержательную сущность всех подсистем: целей, смыслов, ресурсов, алгоритмов взаимодействия всех субъектов. Международный конкурс научно-творческих работ «Правовая культура — основа гармоничного развития личности и общества» представляется примером методологически грамотного обобщения научно-методических и практических возможностей, обеспечивающих рост качества как содержания, так и комплекса всех составляющих, способствующих эффективному конкурентоспособному развитию российского образования.

Конкурс содействует преемственности научных знаний и профессионального практического опыта, развитию творческих способностей и профессиональных компетенций у детей и молодежи, повышению общего интеллектуального уровня обучающихся различных образовательных организаций; способствует изучению и популяризации мирового научно-культурного наследия, сохранению и развитию правовых принципов и традиций, расширению деловых связей, гармонизации общественных отношений, укреплению практик международного сотрудничества; обеспечивает реализацию единства принципов обучения и воспитания.

Год от года происходит повышение общего уровня конкурсных исследований, углубление аналитической составляющей, увеличение количества работ практической направленности, расширение спектра используемых источников. Конкурс помогает уточнению и исследованию наиболее острых проблем современной действительности, способствует изучению исторического опыта, формирует метапредметные компетенции.

Безупречная деловая репутация, научно-практическая значимость и высокое качество подготовки материалов помогают ежегодному расширению списка партнеров и участников Конкурса.

В экспертный состав жюри Конкурса входят представители разных областей знаний, обладающих высокими научно-практическими статусами. Представлен значительный перечень предлагаемых тем исследований и объем подобранных источников.

По мнению экспертов, Конкурс является эффективным практическим

ресурсом, обеспечивающим реализацию стратегических и тактических задач образования силами профессионалов для достижения главных целей просвещения: формирование гармоничной социокультурной среды для воспитания человека и гражданина, обладающего возможностями для системного преумножения знаний, развития способностей, получения профессиональных навыков и практических умений, применения своих талантов во благо общества и во имя защиты своих прав и интересов.

«Важное дело»: право и доверие в российском социальном пространстве

«Важное дело» — это некоторая метафора, которая позволяет описать статус и место Международного конкурса научно-творческих работ «Правовая культура — основа гармоничного развития личности и общества» в современном российском образовательном пространстве. Вначале несколько слов о метафоре как таковой. В отличие от установок философии Нового времени, которая отрицательно относилась к использованию метафор в научном дискурсе, в современном дискурсе науки активно используются как идея метафоры как таковой, так и конкретные метафоры в конкретных областях знания. Отрицательное отношение к возможности использования метафоры в научном дискурсе в новоевропейской философской мысли было связано с тем, что метафорические высказывания никогда не могут быть оценены с точки зрения их истинности или ложности. В науке той эпохи такое положение дел воспринималось как неадекватное в силу того, что провозглашалась необходимость поиска исключительно истинного знания о мире.

Современный научный дискурс, наоборот, исходит из того, что метафора позволяет «высветить» некоторые позиции субъекта, комплекс его интуитивных установок по представлению какой-то конкретной области знания. Метафорическая форма передачи оценочных суждений позволяет представить в определенном смысле латентную основу теоретических представлений о некоторых событиях и фактах. В данном случае таким событием и фактом оказывается уже состоявшийся конкурс по проблемам правовой культуры. Метафора «важное дело», в свою очередь, обнаруживает себя в качестве примера концептуальной метафоры, позволяющей сразу же задать, может быть, не для всех очевидную связь между такими понятиями, как «право» и «доверие». Подобная связь становится особенно важной в силу того, что и сам Конкурс, и его результаты уже носят отчужденный характер и по отношению к организаторам Конкурса, и по отношению к его участникам*. Это позволяет последовательно рассматривать полученные результаты как ставшее явление. О взаимоотношении этих понятий ниже.

---

* Исследование проблем отчуждения ведется при поддержке РФФИ, проект «Отчужденные формы научной коммуникации (философско-методологический анализ)», № 20-011-00710 А.

Инициатором конкурса уже много лет выступает «Фонд поддержки и развития образования, творчества, культуры» (Председатель Правления — Елена Валерьевна Баяхчян) при непосредственном участии МГПУ и при поддержке самых разных научных и образовательных учреждений и ряда научных журналов Москвы и России.

Уникальность этого конкурса, на мой взгляд, проявляется в том, что он формирует свое собственное социальное пространство и объединяет в его рамках как школьников, так и студентов колледжей, бакалавров, магистров и аспирантов. В социальное пространство Конкурса включены и представители профессорско-преподавательского состава. Само пространство Конкурса выстраивается на соответствующем международном уровне. Оценку представленных на Конкурс работ проводит Объединенное Жюри Конкурса, работающее на базе хорошо разработанного регламента, в котором представлены как критерии оценки конкурсных работ (исследований), так и перечень номинаций конкурса. Кроме того, что Лауреаты Конкурса по результатам проведенной экспертизы получают специальные памятные документы победителей и соответствующие Дипломы, победителям конкурса предоставляются дополнительные преференции при поступлении в образовательные организации организаторов Конкурса. Кроме того, все, официально зарегистрированные участники Конкурса, получают Сертификаты участия. Последняя позиция особенно важна для студентов, которые только еще формируют свои портфолио. Думаю, здесь важно подчеркнуть, что участие в конкурсе бесплатное. Наконец, лучшие работы по результатам проведенного Конкурса включаются в сборник соответствующих материалов.

Конкурс фактически развивает правовую культуру, правосознание в современном обществе. В рамках Конкурса пишутся работы и по истории права, и по теории государства и права. Актуальные проблемы современной юридической науки в рамках Конкурса переплетаются с сюжетами из истории формирования права. Целостный контекст Конкурса как бы проводит мысль о том, что невозможно понять современные проблемы права, если не знаешь истории его формирования. В этом же общем контексте социального пространства Конкурса формируется мысль о том, что история правовых учений непосредственно связана с историей государства. Одна из важнейших задач Конкурса проявляется в том, что фактически *Конкурс как бы занимается постановкой юридического мышления, юридического интеллекта* и при этом предлагает совокупному коллективному субъекту Конкурса проанализировать проблемы сущности права как такового и правовой концептуальный аппарат разных отраслей права. Мне хотелось бы подчеркнуть, что целостная правовая культура несет в себе «заряд» рациональной энергии, которую необходимо создавать и развивать, начиная со школьного образования. Одним из важнейших аспектов такой культуры становится использование концептуального аппарата, его постижение. Само же право предстает перед нами в качестве важнейшего условия эффективного и безопасного развития общества.

Устойчивое безопасное развитие общества просто невозможно вне контекста доверия. Прямо и непосредственно, насколько это известно мне, в рамках Конкурса проблема доверия не обсуждается. Однако, на мой взгляд, развитие

правовой культуры имплицитно содержит в себе, в свою очередь, идею формирования и последующего развития доверия в обществе. Фактор доверия проявляется в разных социальных контекстах, включая доверие к системе законодательства. В современном мире проблема доверия стоит очень остро. Концепт «доверие» давно перешел в целостную культуру из сферы характеристик межличностной коммуникации в широкое общественное пространство. Под влиянием американского философа, политолога, писателя Френсиса Фукуямы этот концепт прочно вошел в систему оценки экономических систем. Фукуяма обосновал ту позицию, в соответствии с которой, в частности, доверие между бизнесом и властью становится важнейшим условием экономического процветания. В ситуации стремительной трансформации современного мира, огромного множества информационных потоков и лидеров мнений устойчивая система доверия общества государству становится важным фактором стабильного развития как первого, так и второго. В этом контексте особая роль, на мой взгляд, должна быть отведена системе права, доверия к праву.

Именно право является одним из важнейших институтов, который позволяет оценивать поступающую информацию, в том числе, и в контексте доверия. Доверие создает прочные и долговременные взаимоотношения между внутри общества. Успешная и продуктивная коммуникация в обществе может состояться лишь при наличии доверия. На сегодняшний день недоверие является огромной проблемой и создает препятствие для развития различных сфер общества. Чем выше степень доверия в обществе, включая доверие к системе права, тем выше, в свою очередь, и уровень экономики. Проблема доверия сопровождает человека и в его повседневной жизни. Процесс познания правовой культуры действительно является важным фактором гармоничного развития личности и общества. Система права представляет фактор доверия как рациональный фактор бытия человека в мире. Конкурс формирует знание в области права, которое (право) фактически представляет государство. Государство, опирающееся на право и доверие в обществе, как раз и оборачивается к нам в качестве правового государства.

Г. В. Сорина

Профессор кафедры философии языка и коммуникации философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Научно-образовательного Центра (НОЦ) философского факультета «Философско-методологическое проектирование и принятие решений», эксперт Международного Конкурса научно-творческих работ «Правовая культура-основа гармоничного развития личности и общества» 2020–2021 уч.г.

Конкурс — стартовая площадка для молодых исследователей

Мое первое знакомство с Международным Конкурсом научно-творческих работ «Правовая культура — основа гармоничного развития личности и общества» состоялось весной 2018 года. Именно тогда студентка-первокурсница Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия Александра Нестеренко, представившая на строгий суд жюри свою научную работу, стала Лауреатом в одной из номинаций и была приглашена на торжественную церемонию вручения наград.

Приятно удивила творческая и доверительная атмосфера, царившая в залах Московской государственной Консерватории им. П. И. Чайковского, где собрались в тот день организаторы, члены жюри, участники и почетные гости конкурса — от убеленных сединами мудрых профессоров до совсем юных исследователей — учащихся гимназий и колледжей. Было заметно — все проникнуто идеей, воплотившейся благодаря организаторам в названии Конкурса. В выступлениях экспертов, представлявших различные отрасли науки, и самих участников-победителей звучало желание сделать наше общество благополучным, цивилизованным, а государство — правовым, демократическим, социальным.

Именно на решение этих задач и направлен Конкурс. Участники активно откликаются на самые острые и волнующие подрастающее поколение темы: от экологических до законотворческих проблем, от частных правовых инициатив до явлений глобального характера. Научный поиск, порой необычный взгляд молодых исследователей на современные проблемы приводит к новым теоретическим разработкам и реальным предложениям по совершенствованию права и законодательства, а значит — личности, общества, государства.

Помимо призов и наград, юные дарования получают, надеюсь, неизгладимые впечатления от встреч с известными российскими учеными, видят результаты своего труда — ежегодно выходит многостраничный фолиант — сборник научных работ.

В тот вечер звучала прекрасная музыка, царила оживленная праздничная обстановка. Заряд энергии получили все находившиеся в парадном зале. С этими надолго запоминающимися яркими впечатлениями участники разъехались по стране, готовые продолжать свои исследования.

Получая первый опыт научно-исследовательской работы, они, хочется надеяться, успешно продолжат свою творческую деятельность, примут эстафету у мэтров юридической науки. Сужу по студентам и преподавателям Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия. Только за последние три года лауреатами и победителями конкурса стали: выпускницы юридического факультета 2021 года Александра Нестеренко, Дарья Орехова, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Иоанн Владимирович Ботанцов. Научно-исследовательский отдел филиала под руководством заместителя директора по научной работе профессора Александры Андреевны Дорской является, по сути дела, организатором Конкурса в Санкт-

Петербурге, популяризирую достижения конкурсантов и привлекая новых талантливых исследователей.

Следует отметить, организаторы конкурса построили свою работу так, что любой желающий может вынести на обсуждение свои научные воззрения, получить поддержку именитых ученых, узнать их мнение, а иногда и услышать вполне справедливые замечания.

На следующий год, отбросив все сомнения, сам стал участником конкурса 2019–2020 уч.г., представив в оргкомитет монографию, посвященную истории российской цензуры. Здесь надо особо сказать о мотивации, которую формируют организаторы, давая возможность преподавателям российских вузов проводить апробацию результатов своих публикаций, получать признание научной общественности и ставить новые исследовательские задачи, в том числе связанные с подготовкой и защитой кандидатских и докторских диссертаций.

Еще через год я был приглашен в состав экспертов конкурса, и уже сам ознакомился с конкурсными работами, оценивая уровень их научной и практической значимости, возможности использования в образовательном процессе или юридической деятельности.

Взаимодействуя с проектами Фонда поддержки и развития образования, творчества, культуры сначала в качестве зрителя, затем непосредственного участника, а также эксперта и члена жюри, убеждаюсь в том, какая невероятно большая и важная работа проводится оргкомитетом, коллегами и соратниками, разделяющими гуманитарные идеи и научные интересы основателей Конкурса. Неудивительно, что такое важное начинание находит всяческую поддержку у научной общественности страны и в органах власти. Можно смело сказать, что Конкурс получил признание среди учащихся, студентов, преподавателей, ученых. Безусловно, этот творческий проект становится популярным, границы его участников расширяются, появляются новые номинации, интересные темы для исследований. Спасибо всем огромное за проделанную работу!

Ю. А. Потапов

Доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент, Член Объединенного Жюри Международного Конкурса научно-творческих работ «Правовая культура-основа гармоничного развития личности и общества» 2020–2021 уч.г.

Требования к содержанию и оформлению статей, предлагаемых к публикации в журнале «Ценности и смыслы»*

Статьи, не соответствующие изложенным требованиям, **не рассматриваются.**

Требования к содержанию статьи

- К публикации принимаются научные, аналитические, обзорные статьи и отчеты, рецензии.
- Статья должна быть актуальной, обладать новизной и представлять научный интерес. Тематика статьи должна соответствовать профилю журнала: философские науки, педагогические науки, культурология.
- Автор несет ответственность за публикацию в журнале ранее опубликованного материала, точность воспроизведения имен, цитат, формул.

Рекомендуемый план изложения статьи

- Введение.
- Постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме.
- Методология и методы исследования.
- Результаты исследования, обсуждение.
- Заключение (выводы, авторский вклад).

Комплект предоставляемых материалов

Материалы предоставляются в электронном виде в следующих файлах:

- текст статьи (в названии файла: фамилия автора и слово «статья»);
- фото автора в формате JPEG или TIFF (в названии файла: фамилия

---

* Требования подготовлены на основании «Кратких рекомендаций для авторов по подготовке и оформлению научных статей в журналах, индексируемых в международных наукометрических базах данных» Министерства образования и науки Российской Федерации, Москва, 2017 г.

- автора и слово «фото»);
- копии графических материалов (рисунки, схемы, таблицы, формулы) в формате JPEG или TIFF (в названии файла: номер графического изображения из статьи);
  - согласие на обработку персональных данных (образец по ссылке: <http://tsennosti.inset.ru/avtoram.html>);
  - рекомендация научного руководителя с подписью (скан) для аспирантов или соискателей ученой степени кандидата наук.

Требования к оформлению статьи

Обязательные элементы оформления:

- УДК — философские науки, педагогические науки, культурология (<http://teacode.com/online/udc>).
- Информация на русском и английском языках: название статьи; сведения об авторе (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, адрес электронной почты; аннотация (не менее 200 слов/1500 знаков с пробелами); ключевые слова (не более 10 слов или словосочетаний).
- Список литературы дается в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем - англоязычные) и располагается после основного текста.
- Рекомендуемое количество источников — до 25.
- Фамилии авторов используемых источников даются курсивом.
- Сноски указываются [в квадратных скобках], постраничные сноски не допускаются.
- Комментарии оформляются ссылками в тексте (в круглых скобках) и даются после текста статьи перед списком литературы.

Примечание. Сноски и список литературы оформляются в соответствии с ГОСТ 7.5-2008 (без разделительных тире). Обязательно указание издательства, общего количества страниц в источнике и интервала страниц для журнальных статей и публикаций в сборниках. Указываются все авторы каждой публикации. Если авторов более 3-х, то, указываются три фамилии и далее - «и др.».

- **References.** Все источники располагаются без нумерации в соответствии с романским алфавитом (латиницей). Иностранные источники – на языке оригинала, русские источники – в транслитерации с указанием в конце [In Rus] (<https://translitonline.com/nastrojki/>).

Информация для авторов

- **Указание на грант или государственное задание** дается сноской на первой странице внизу текста статьи.

Объем статьи и параметры набора текста

- **Рекомендуемый объем статьи:** 25 000—30 000 знаков, включая пробелы.
- **Параметры набора текста:** Microsoft Word; шрифт Times New Roman; кегль 14 обычный; без переносов; междустрочный интервал —1,5; выравнивание по ширине; поля 2 см; абзацный отступ 1 см.

Дополнительная информация

- Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения автора.
- Редакция оставляет за собой право редакционной правки статьи.
- Редакция не дает разъяснений в случае отклонения статьи, не направляет рецензий.
- Журнал является безгонорарным изданием.
- Выпуск журнала осуществляется за счет пожертвований частных лиц; работа редакционных советов, редакционной коллегии, экспертов и рецензентов осуществляется на общественных началах.
- Редакционная коллегия принимает на себя обязательства по проведению литературного редактирования, корректуры, проверке переводов на английский язык.
- В соответствии с редакционной политикой журнала (<http://tsennosti.instet.ru>) этап рецензирования поступающих статей предваряется обязательной проверкой в системе «Антиплагиат». Степень оригинальности текста должна составлять не менее 80%.
- В случае положительного результата редакция приступает к обязательным этапам работы над статьей:
  1. проводится закрытое рецензирование и рассмотрение редколлегией;
  2. после принятия статьи к публикации автору направляются лицензионный договор и счет на оплату предпечатной подготовки и типографских услуг (оплата составляет 250 руб. за 1000 знаков с пробелами);
  3. после получения отсканированного лицензионного договора и копии оплаченного счета журналом проводятся корректировка оформ-

ления по Требованиям журнала и редактора;

4. подготовленная к верстке статья визируется автором;

5. далее следуют верстка, двойная корректура, тиражирование в типографии;

6. PDF-версия готового номера направляется в адрес автора.

7. Бесплатный авторский экземпляр журнала в печатном варианте можно получить в редакции, где также можно приобрести любое количество журналов имеющихся в наличии номеров.

- Заказать печатную версию журнала можно в любом количестве (с доставкой курьером или почтой) в редакции по адресу: instetano@gmail.com

Информация на сайте: <http://tsennosti.instet.ru/avtoram>

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

НАУЧНЫЙ И ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2009 года

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ
СМИ ПИ № ФС77-32332 от 09.06.2008,
с изм. ПИ № ФС77-54819 от 26.07.2013.

Главный редактор журнала —
Иванова Светлана Вениаминовна,
член-корреспондент РАО, доктор
философских наук, профессор, научный
руководитель Института стратегии
развития образования РАО

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК

Журнал индексируется в РИНЦ и размещен на платформе
Научной электронной библиотеки eLibrary.ru

ISSN 2071-6427

Журнал «Ценности и смыслы» освещает проблемы гуманитарного знания, вопросы в области философии, образования, культурологии. Обращен к научному сообществу, профессорско-преподавательскому составу организаций профессионального образования, к управленцам всех уровней системы образования, а также ко всем, кто размышляет над гуманитарными проблемами современного мира.

ПОДПИСКА 2022

Научная электронная библиотека —
<http://www.elibrary.ru> — электронная версия журнала
и отдельные статьи авторов

Агентство "Урал-пресс" — подписной индекс 65028

Сайт журнала:
<http://tsennosti.instet.ru>

Учредитель — АНО «Институт эффективных технологий»,
115035 г. Москва, ул. Садовническая д. 58/60 стр.1
Тел./факс: +7(495) 951 2870
E-mail: instetano@gmail.com; <http://instet.ru>

Редакционная подписка на печатную и электронную версии журнала с любого номера и в любом комплекте по адресу: cennostismisl@gmail.com; instetano@gmail.com
Заказ и приобретение номеров журнала по адресу: 115035 г. Москва, ул. Садовническая, д.58/60 стр.1

ИМПЕРАТОРСКИЕ ПОРТРЕТЫ. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

В октябре в честь 300-летия провозглашения Российской Империи (1721 г.) в Москве открылась выставка современных художников — Жени Шефа, Елены Шипицовой и скульптора Леонида Баранова, представляющих историческую ретроспективу портретов российских императоров и иллюстрации к эпохам их правления. Выставка была дополнена произведениями из коллекции «РОСИЗО». Представленные работы открывают страницы летописи великой Державы, воссоздают образы её выдающихся сыновей и дочерей.

С приветствиями по случаю открытия выставки выступили: Председатель Общественного Совета при Минкультуры России М. Ю. Лермонтов и Вице-Предводитель Российского Дворянского Собрания А. Ю. Королев-Перелешин.

Организатор выставки «Фонд поддержки и развития образования, творчества и культуры» при участии Галереи Петра Баранова.

